

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

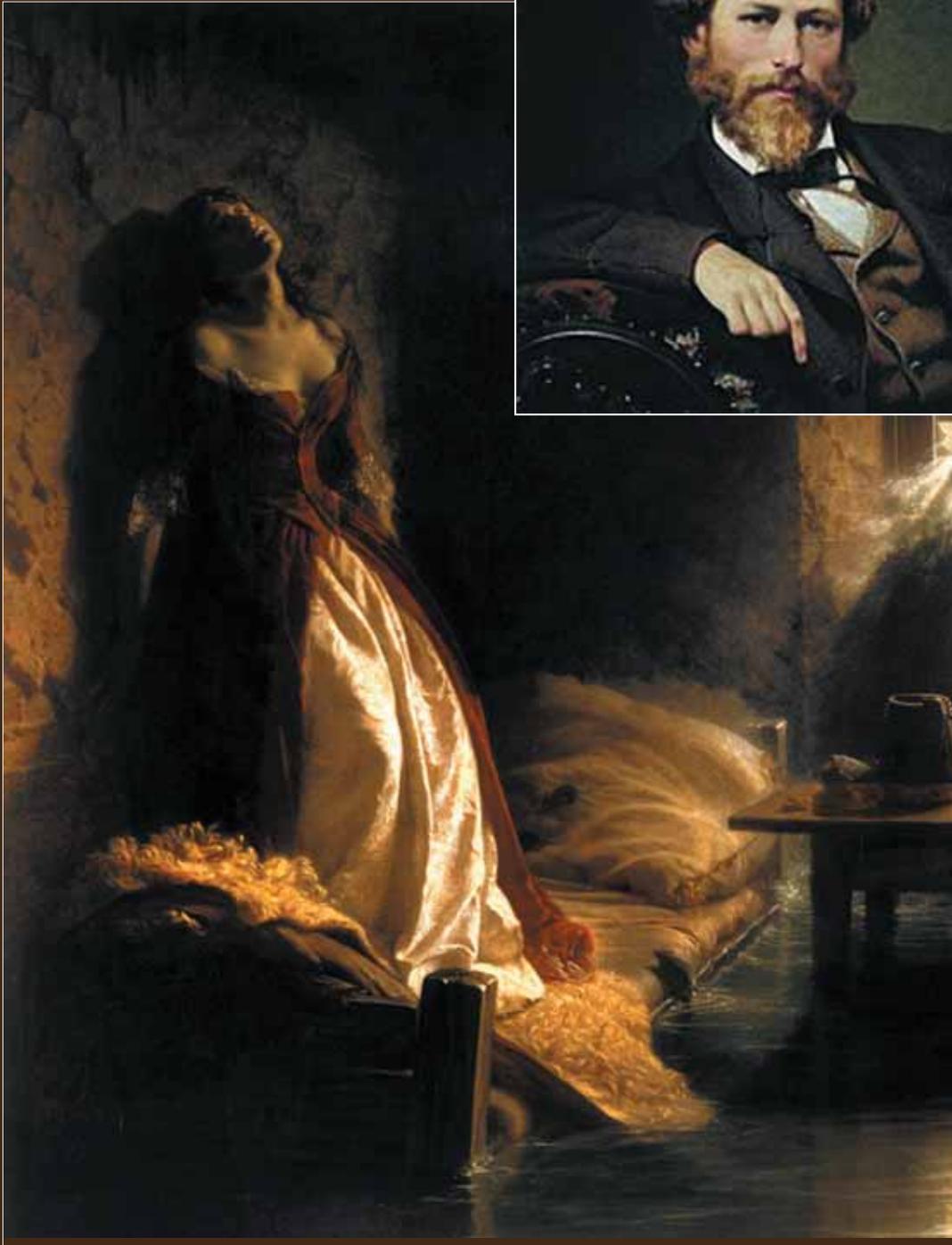
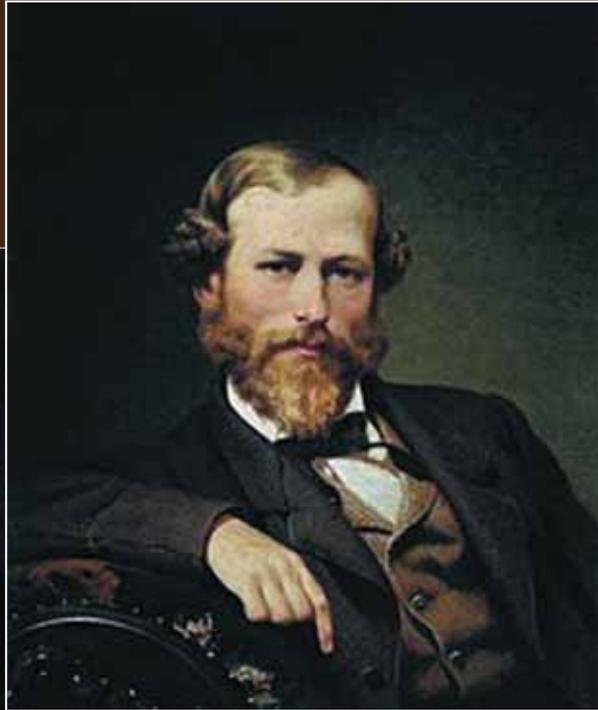
СМЕНА

№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2014

О жизни и творчестве
художника Константина Флавицкого читайте на стр. 66

Российские династии

Светлана Бестужева-Лада   **Демидовы**.....4

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко   **Один из первых**.....22

Триллер

Дарья Булатникова   **Капля огня** 30

Шедевры

Ирина Опимах   **История княжны Таракановой**..... 66

Звезды не гаснут

Майя Орлова   **Мятежный секс-символ Европы** 76

Поэзия

*Сергей Гольшев,
Юрий Яхонтов*   **Стихи**..... 87

Минувшее

Денис Логинов   **Первостепенный талант**..... 90

Неизвестное об известном

Алла Зубкова   **Охотник за мелодиями** 102

Детектив

Александр Аннин   **Клуб «Монреаль»**.....114

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	фото Дениса Логинова
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 3131 экз.

Зак. №7500

Цена свободная

Номер подписан в печать: 23.07.2014

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Юлия Черкашина

27 лет, актриса театра и кино,
Москва

МИМОЛЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

Когда-то счастье было рядом, сидело рядышком со мной,
Смотрело добрым, нежным взглядом

и любовалось мной одной...

И я смотрела, улыбаясь, порхали бабочки внутри.

Что будет дальше, не боялась ни потерять, ни обрести.

Я знала: сколь б испытаний не выпадало нам судьбой —

От встреч до долгих расставаний,

награда будет нам с лихвой!

Как жаль, что счастье мимолетно!

Порхнуло крылышком своим

И улетело беззаботно — дарить свою любовь другим...

КАК ТОЛЬКО

Как только я поставлю точку, начнет все двигаться вперед.

И жизнь, тихонько, по шажочкам, наладит свой круговорот.

Как просто рассуждать об этом! И как не просто сделать шаг.

Как сердцу приказать запретом не биться с его сердцем в такт?

Как горько оттого, что хочешь наладить все, про боль забыть.

И веришь в то, что снова сможешь свое тепло ему дарить.

Но нет его. Ему неважно... Не осознал еще урок.

Да и не любит он. Мне ясно. Закрою сердце на замок.

*Герб рода
Демидовых*

*Герб князей
Демидовых
(Сан-Дonato)*

ДЕМИДОВЫ

«Не словами, а делами»

В 1983 году на экранах страны появилась многосерийная историческая сага «Демидовы» — о династии первых промышленников в России. Ее многократно показывали по телевидению — в основном, благодаря блестящему актерскому составу и прекрасной режиссуре. Наверное, поэтому династия Демидовых известна лучше, чем многие другие...

Но она зарождалась еще до знакомства одного из ее представителей с царем-реформатором. И вообще в фильм не вошли многие сюжеты из жизни знаменитой династии.

А жаль... Хотя триста лет жизни рода Демидовых, из которых 215 лет они владели уральскими заводами, не говоря уже о прочих выдающихся деяниях, можно осветить только в очень многосерийном фильме...

Род знаменитых уральских заводчиков Демидовых ведет свое происхождение от крестьянина Демида Григорьевича Антуфьева, появившегося в первой половине XVII столетия в Туле и основавшего там кузницу. Больше о нем ничего неизвестно, но, судя по всему, дела шли неплохо, если его сын Никита Демидович, родившийся в 1656 году, унаследовал от отца самую большую в городе кузницу и с годами сделался известным оружейником. Но известным — лишь в родном городе.

И только в 1696 году по дороге из Воронежа в Москву возок царя Петра остановился возле кузницы «Демидыча». И не просто остановился — Петр какое-то время даже работал там, поражаясь природной смекалке и высокому мастерству хозяина.

Через некоторое время царю доставили в Москву шесть прекрасных ружей стоимостью около двух рублей каждое. Если учесть, что заморские ружья обходились казне в 12–15 рублей, можно представить себе его восторг. Никита Демидович получил «премию» в сто рублей и, что куда более ценно, царское пожелание:

— *Постарайся, Демидыч, распространить свою фабрику. Я не оставляю тебя!*

У Петра слово редко расходилось с делом, поэтому оружейнику вскоре были пожалованы несколько десятин земли в 12 верстах от Тулы для добывания железной руды и жжения угля. Оружейник-виртуоз построил на устье реки Тулицы большой же-

лезодельный завод с машинами, приводящимися в ход водой, и стал поставлять в казну дешевые ружья, по качеству не уступавшие, а то и превосходившие иностранные, а также различные снаряды.

Петр был очень доволен своим «крестником»: в 1701 году прибавил ему еще земли и позволил расширить свой завод. В то же время, именно Демидовы стали «первопроходцами» освоения нового уральского промышленного региона. Горнорудное дело на Руси в конце XVII века только-только зарождалось, как, впрочем, и многие другие отрасли государственного хозяйства. Приходилось везти железо и сталь из-за границы, преимущественно — из Швеции и, разумеется, втридорога. А с началом Северной войны, когда торговые связи со Швецией фактически оборвались, металл и вовсе стал «золотым», а его требовалось неизмеримо больше, чем раньше. Решить эту проблему можно было только налаживанием местного производства и, прежде всего, за счет освоения Урала.

В 1698 году Петр распорядился построить казенный завод на реке Нейве. Полученное там железо было испытано в 1702 году по просьбе царя тем же Никитой Демидовичем и оказалось во всех отношениях превосходным. Однако остро не хватало знающих людей. Построенные заводы действовали плохо и обходились непомерно дорого.

Никита попросил отдать заводы ему в личное владение. Безгранич-

но доверяя своему «чудо-кузнецу», Петр грамотой от 4 марта 1702 года пожаловал Никите Невьянский и Верхотурский заводы, вместе с громадными пространствами прилежащих к ним лесов и земель, а также знаменитой горой Магнитной.

Грамота дана была на имя Никиты Демидова, который с этого времени уже больше не именовался Антуфьевым. Так что именно дату получения грамоты можно считать «днем рождения» рода Демидовых, который не посрамил своего знаменитого основателя и его царственного покровителя.

За все полученное богатство Никита должен был всего лишь уплатить в казну железом стоимость заводов, что он исполнил в дальнейшем очень легко, всего за два или три года.

Приняв уральские заводы, старший сын Демидова Акинфий столкнулся со многими трудностями, прежде всего с нехваткой рабочих рук. В 1703 году Петр, чтобы помочь Демидовым, велел приписать к их заводам население окрестных деревень. Таким образом, по милости царя Демидовы сделались владельцами нескольких заводов, богатейших рудных месторождений, громадных пространств леса и нескольких тысяч крепостных.

Однако надо отдать Петру должное — он знал, кому давать. У Демидовых работа закипела: на бездействовавших прежде Верхотурских заводах застучали сотни молотов, задымили печи. Во все стороны ра-

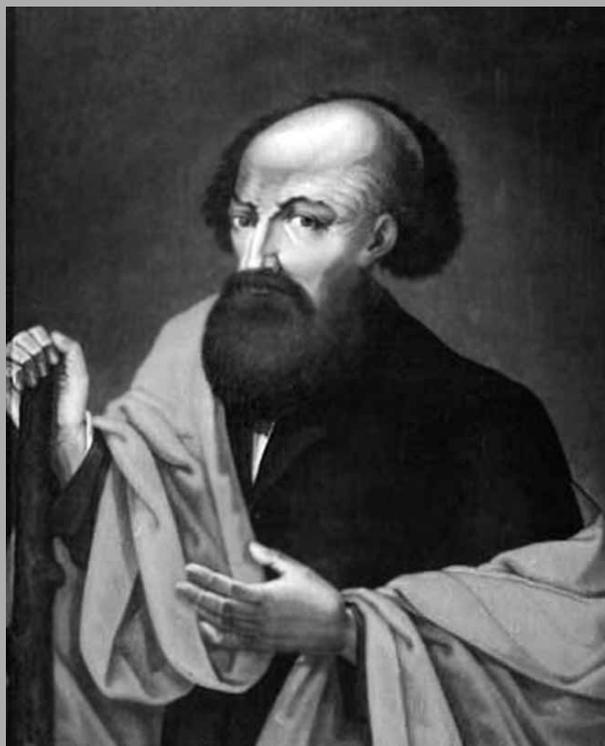
зосланы были знающие люди — разыскивать руду. Сам хозяин не сидел на месте, разъезжал по всему краю и искал места для строительства новых заводов. За годы своей деятельности на Урале и в Сибири он один и вместе с отцом построил десять новых железоделательных и чугунолитейных заводов, из которых некоторые, например, Нижнетагильский, своими изделиями приобрели громкую европейскую известность.

За это царь не оставлял милостями своего «Демидыча». В 1709 году он пожаловал Никите личное дворянство. В 1726 году Екатерина I сделала это дворянство наследственным.

В короткий срок (менее чем за 40 лет) Демидовыми на жалованных землях было построено 44 металлургических завода, в том числе нижнетагильский, ревдинский, шайтанский, уткинский. Всего же за XVIII век, по подсчетам историков, Демидовы основали 55 заводов. Эти заводы положили начало девяти горнозаводским округам Урала.

Демидовы первых поколений были не только талантливыми организаторами, обладавшими техническими знаниями на уровне своего времени, но и специалистами-практиками, разбирающимися в тонкостях металлургического процесса, в строительном и горном деле.

Достижения Демидовых в развитии металлургии наглядно иллюстрируют показатели роста производства чугуна на их уральских заводах. Уже в 1717 году невьянский

*Никита Демидович
Демидов*

*Акинфий Никитович
Демидов, сын Никиты
Демидовича*

завод, достроенный Никитой Демидовым, производил 110 тысяч пудов чугуна из 135 тысяч пудов по всем его заводам, в 1725 году — 323 тысячи пудов из 348 тысяч. Новые заводы исправно поставляли в казну большое количество военных припасов, пушек и фузей.

Демидов был одним из главных помощников Петра при основании Санкт-Петербурга, жертвуя на строительство города деньгами, железом и так далее. Открыв на реке Тасле, близ невьянских заводов, месторождение асбеста, он занялся разработкой его с промышленной целью и в 1722 году представил Петру I образцы полотна из асбеста,

что было в то время неслыханной новинкой.

По странному совпадению, Никита Демидов умер в ноябре 1725 года — почти одновременно с императором Петром. Почти все его богатства достались старшему сыну Акинфию, который, что не характерно, доставшееся ему богатство не промотал, а приумножил. Владения Демидовых при нем распространились на Сибирь. Здесь, между Обью и Иртышом, близ озера Колывани обнаружили «чудские копи» с прекрасной медной рудой. На реке Белой был построен первый в Забайкалье Колыванско-Воскресенский медеплавильный завод.

В тридцатые годы, в царствование Анны Иоанновны, уральские заводы Демидовых выплавляли уже 168 тысяч пудов чугуна — и это было только начало. Урал постепенно превратился в основной металлургический район страны. К XIX веку там выплавлялось более 80% чугуна и 100% меди.

В 1736 году на Алтае в Змеиных горах открылись богатейшие по содержанию золота и серебра руды. Плавка драгоценных металлов была тогда привилегией казны. Однако, как говорит предание, Демидов тайно добыл сотни пудов серебра и даже чеканил из него монету. Только в 1745 году, когда тайное стало явным, немедленно передал рудники в ведение казны, чем не просто избежал строгой кары, но и снискал благоволение императрицы Елизаветы.

Демидовы прославились еще и тем, что, помимо невероятно быстрого строительства заводов в практически девственном крае, создали там еще и принципиально новый тип организации горнозаводской промышленности: окружную систему заводского хозяйства, из отдельных заводов-цехов, неразрывно связанных между собой единством производственного процесса.

На основе этой системы была постепенно создана организационная структура всей горнозаводской промышленности Урала, просуществовавшая без существенных изменений вплоть до 1919 года.

Основные богатства и практическую хватку унаследовал от отца младший сын — Никита, который, к тому же, был куда более жестким и безжалостным предпринимателем. Впрочем, ценя знания и понимая необходимость в высококвалифицированных специалистах, Никита Акинфиевич в 1758 году открыл в Нижнем Тагиле заводскую школу, а затем стал посылать наиболее одаренных учеников из крепостных совершенствовать свои знания на лучшие российские и западноевропейские металлургические предприятия.

Благодаря этому на его тагильских заводах *«...впервые в истории отечественной металлургии была осуществлена проковка латуни и впервые на Урале освоена технология проката листового железа...»* При его покровительстве и поощрении в принадлежащей ему нижнетагильской вотчине стали активно развиваться художественные промыслы, особенно чугунное литье и лаковая роспись по металлу. Уральские мастера делали не только ажурные решетки, каминные плиты для полов, но и декоративные вазы, бюсты, статуи, что приносило немалый доход.

Впрочем, и заводы старших братьев приносили им огромную прибыль, несмотря на то, что интересы Прокопия и Григория Демидовых лежали совсем в иных сферах.

Они прославились своей благотворительностью, пожертвовав более миллиона рублей на основанный Екатериной II Воспитательный

дом и став учредителями Петербургского коммерческого училища. Золотыми буквами вписано имя Демидовых в историю Московского университета. В год его основания братья Демидовы подарили университету 13 тысяч рублей и минералогический кабинет из шести тысяч предметов. Первые именные стипендии в университете также были учреждены на средства Демидовых.

Позднее университету были переданы в дар знаменитые гербарии, огромные естественно-научные коллекции, библиотеки, не считая безвозмездной поставки железа для строительства и ремонта университетского здания. На средства Демидовых при нем были созданы первые в России кафедра и кабинет натуральной истории (ныне Зоологический музей МГУ) и музей естественной истории (ныне — Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского).

Особую нежность Прокопий Акинфиевич питал к цветам и к пчеловодству: он имел в Москве прекрасный ботанический сад, описание коего издано Палласом, а в 1765 году он написал трактат «Об уходе за пчелами», появившийся в печати в «Русском архиве» в 1873 году. Увлечение садоводством и цветоводством у Прокопия было столь велико, что в своем московском имении «Нескучное» он создал богатый редкими растениями ботанический сад, который стал настоящей научной лабораторией. Позднее этот сад наследники Проко-

*Памятник Петру I и Демидову,
Тульская область,
Зареченский район*

пия Демидова преподнесли в дар городу. Так что существованием доступного всем Нескучного сада москвичи обязаны прихоти Демидова.

Пожертвования братьев Демидовых произвели большое впечатление на русское общество и стали предметом для подражания. Князь Васильчиков писал:

«Вот те блаженные времена, когда Шереметевы строили странноприимные дома, Куракины — богадельни, Голицыны — больницы, Демидовы осыпали золотом юный Московский университет и только

Никита Акинфиевич Демидов, сын Акинфия Никитовича (жестокий и безжалостный предприниматель)

Николай Никитович Демидов, сын Никиты Акинфиевича Демидова

что созданный Екатериною II воспитательный дом».

Помимо университета, Никита Демидов покровительствовал Академии художеств. Он не только выделял деньги для обучения малоимущих студентов, но и учредил специальную медаль для награждения наиболее талантливых выпускников, которая вручалась вместе с денежной премией, позволявшей совершить заграничное путешествие.

Дело Никиты Акинфиевича продолжил его племянник, Павел Григорьевич, который основал в Ярославле Училище высших наук, вошедшее в историю под названием Демидовского лицея. Оно прославилось та-

ким высоким уровнем образования, что аттестат об окончании училища приравнивался к университетскому диплому. Павел Григорьевич и сам получил очень хорошее образование: он закончил Геттингенский университет и фрайбургскую Горную академию. Продолжая традиции демидовского рода, он собрал обширную коллекцию минералов, монет и медалей, которые вместе с большой библиотекой также передал Московскому университету.

Вообще Павел Григорьевич отличался недюжинными способностями, знал иностранные языки, играл на фортепьяно и скрипке. Долгие годы он состоял в оживленной перепис-

*Павел Григорьевич Демидов,
сын Григория Акинфиевича,
племянник Никиты Акинфиевича*

ске со знаменитым натуралистом Карлом Линнеем, которому сообщил много интересного о русской фауне.

Но самая блестящая судьба выпала на долю младшей ветви Демидовых.

Единственный сын Никиты, Николай Никитович, в 1827 году поднес государю в дар крупных размеров платиновый самородок весом 10 фунтов 54 золотника и удостоился за это богатой табакерки с портретом государя. Он также играл немаловажную роль в деле колонизации Южной России.

В 1822 году Николай Никитович купил в Херсонской губернии, в Тираспольском и Херсонском уездах,

18 000 десятин земли с незначительным населением и перевел сюда крестьян из своих северных вотчин.

С энергией человека, взявшегося за новое дело, он начал устраивать свои новоприобретенные имения, разводил в них виноградники, сады, приобрел редкие породы рогатого и мелкого скота, причем не жалел денег, чтобы достигнуть в этом отношении желаемых результатов. Он выписывал лучшие сорта виноградных лоз и фруктовых деревьев из Франции и Италии, лошадей — из Англии, мериносов из Швейцарии, а также холмогорский скот, оренбургских коз и горных кавказских лошадей, кроме того, занимался культивированием хлопка.

Горячность и торопливость, какие проявлял Демидов относительно устройства своих имений в сельскохозяйственном отношении, вскоре оказались лишь плодом временного увлечения скучающего заводчика, а затем наступило разочарование в пригодности земель Херсонской губернии для нужных культур растений и для разведения улучшенных пород скота.

Назначенный во Флоренцию русским посланником, Демидов устроил здесь на свои средства художественный музей и богатейшую картинную галерею, в которых собрал произведения знаменитых художников, весьма ценные изваяния из мрамора и бронзы и массу разных других редкостей. Коллекция эта после смерти Демидова досталась

по наследству сыну его Анатолию и перевезена была им в Петербург. 100 тысяч рублей Николай Никитич внес в Комитет инвалидов, а в 1824 году выделил еще 50 тысяч пострадавшим от наводнения в Петербурге. Общая сумма его пожертвований на благотворительные цели только в России составила, по неполным данным, свыше 720 тысяч рублей.

Во Флоренции Николай Никитич устроил на свои средства дом призрения престарелых и сирот и пожертвовал на содержание его особый капитал. Признательные граждане Флоренции в честь жертвователя назвали одну из площадей, вблизи Демидовского дома призрения, Демидовскою и поставили на этой площади статую Николая Никитича из белого мрамора, представляющую его в римской тоге, обнимающим больного ребенка.

Николай Демидов построил четыре чугунных моста в Петербурге (Позелуев, Красный, Семеновский, мост на Обводном канале у Московской заставы) и боевой фрегат на Черном море. Москве он подарил свой «Слободской дворец» и 100 тысяч рублей для устройства в нем дома трудолюбия, а несколько раньше преподносит в дар правительству каменный дом в Гатчине, чтобы разместить в нем благотворительный приют.

Открытие Демидовского дома трудолюбия состоялось 19 марта 1833 года. Он был взят под покровительство императрицей Марией Федоровной, а Анатолий Николаевич

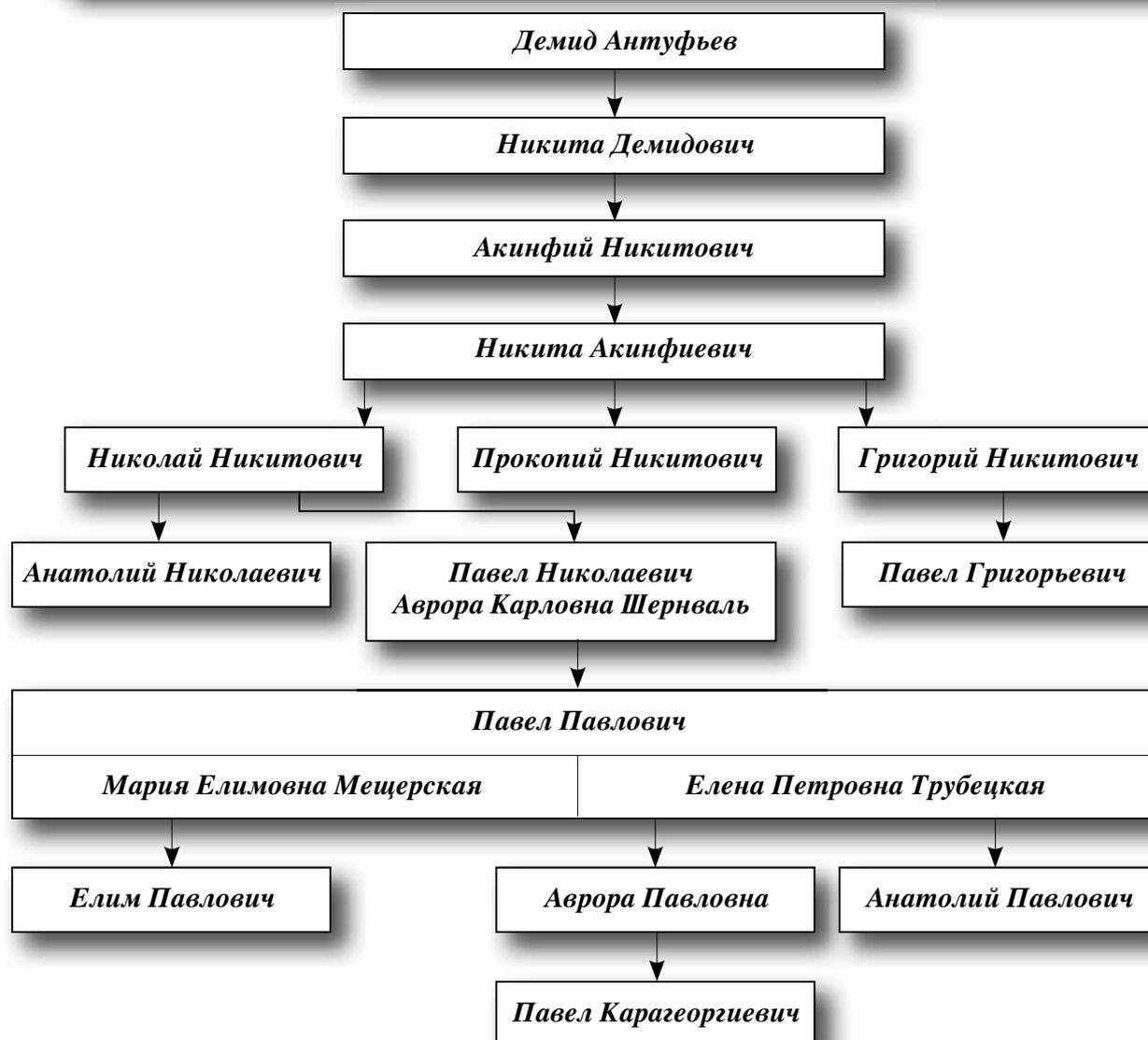
Демидов был назначен его попечителем. Дом трудолюбия находился под опекой Демидовых вплоть до 1917 года. В 1894 году при нем была открыта рукодельно-профессиональная школа и первое в России женское коммерческое училище для подготовки счетчиц, кассирш и делопроизводительниц, а в 1907 году — женская гимназия и педагогические курсы, готовившие преподавателей иностранных языков.

Помимо капитала в 500 тысяч рублей, пожертвованного на устройство дома трудолюбия, Анатолий Николаевич ежегодно выплачивал 12 тысяч рублей на содержание 80 воспитанниц.

В 1834 году он внес 100 тысяч рублей на строительство в Петербурге Николаевской детской больницы, которую патронировал и его брат Павел Николаевич. Как и старший брат, Анатолий не жалел денег на медицину. Немалые суммы по его указанию были выплачены на покупку кроватей для холерных больных, устройство временных госпиталей, благоустройство офтальмологических больниц в Одессе и Петербурге. На средства Анатолия Демидова в том же Петербурге раздавались бесплатные обеды беднякам.

Анатолий Демидов родился в Италии, получил прекрасное образование, знал толк в искусствах и говорил на всех языках кроме русского, который знал очень плохо. Большую часть жизни он проводил в Париже или в своем роскошном дворце Сан-Дonato

Схема основной ветви рода Демидовых по мужской линии

под Флоренцией. Здесь им была собрана богатейшая коллекция произведений искусства. В России и на своих заводах он бывал лишь наездами, хотя источник его богатства, удивлявшего всю Европу, находился именно здесь. Ежегодный доход Демидова оценивался в 2 миллиона рублей.

За большие деньги он приобрел в Италии княжеское достоинство и именовался князем Сан-Дonato,

впрочем, только за границей. В 1841 году он женился на графине Матильде де Монфор, родной племяннице Наполеона I. Вместе с братом Павлом Анатолий Николаевич основал в Петербурге Николаевскую больницу и пожертвовал около 500 тысяч рублей на устройство дома призрения. Умер он, не оставив прямых наследников, и его огромные богатства вместе с княжеским

*Николай Никитович Демидов,
сын Никиты Акинфиевича
(портрет К. Брюллова)*

*Павел Николаевич Демидов,
сын Николая Никитовича*

титолом достались племяннику Павлу Павловичу.

Особенности отмены крепостного права на горнозаводском Урале (и в частности, в демидовских округах), ярко выраженный антирабочий характер политики заводчиков и их администрации на уральских заводах, наряду с общими социальными и экономическими сдвигами, коренным образом изменили ситуацию в регионе. Она ознаменовалась усилением социальных противоречий и нарастанием борьбы заводского населения за свои права.

В этих условиях владельцы уральских округов превращались из организаторов производства в потре-

бителей доходов от заводов. При этом, в отличие от новой генерации русских предпринимателей конца XIX - начала XX вв., таких как Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, потомки уральских магнатов тратили свои доходы на цели, далекие от нужд заводов и занятых там рабочих. Павел Павлович Демидов был наиболее типичным представителем владельцев уральскими заводами и именьями. Этот, по определению знатока Урала и истории тагильских заводов писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, «анекдотический человек» занимался «*решительно всем кроме своего заводского дела*».

*Аврора Карловна Демидова (Шернваль),
супруга Павла Николаевича,
с сыном Павлом Павловичем*

При всем уважении к знаменитому писателю, не могу солидаризироваться с ним. На многих своих заводах и рудниках Павел Павлович устроил школы для мальчиков и девочек, училища, несколько больниц, фельдшерскую школу, аптеки и библиотеки. Ему это было гораздо интереснее, чем расширение промышленного производства.

Павел Николаевич, старший сын Николая Никитича, воспитание и образование получил в Париже, в лицее Наполеона, с 1812 по 1826 год он служил в русской армии, а затем, в 1831 году, был назначен гражданским губернатором в Курской губернии. Прослыл благотворителем

края: во время холеры 1831 года построил в Курске четыре больницы.

Павел Николаевич был женат на фрейлине императрицы, известной петербургской красавице Авроре Карловне Шернваль, которой подарил на свадьбу бесценный алмаз «Санси». Брак оказался счастливым, родился сын Павел, но через несколько лет Павел Николаевич сгорел в один месяц от скоротечной чахотки, оставив молодую вдову и малолетнего сына.

Надо было вступить во владение делами покойного мужа. Брат мужа — Анатолий Николаевич — совладельцем имущества и прибылей был лишь формально, на бумаге. Вся тяжесть управления и забот упала на хрупкие плечи Авроры Карловны. Она ложилась спать за полночь, почти все время просиживала в кабинете, над бумагами, в обществе многочисленных управляющих и приказчиков.

Лето и часть осени госпожа Шернваль-Демидова проводила за границей и на Урале, зиму и весну в Петербурге, в своем особняке на Дворцовой площади. Ее сын, родившийся 9 октября 1839 года в Веймаре, получив прекрасное домашнее образование, поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет, курс которого окончил со степенью кандидата.

Поселившись в Париже, Павел Павлович продолжал здесь свое научное образование под руководством известных ученых. В 1867 году

он женился на княжне Марии Елимовне Мещерской, которая через год скончалась от родов, оставив сына Елима Павловича (1868–1943), впоследствии последнего посла Российской империи в Греции.

Переселившись после смерти жены в Вену, Павел Павлович поступил на службу в Министерство иностранных дел и был причислен к Венскому посольству, но, пробыв здесь недолго, уже в 1869 году возвратился в Россию и поселился в Каменец-Подольске, где занял скромное место советника губернского правления. Вскоре, однако, он переехал в Киев и здесь был избран сначала почетным мировым судьей, а потом киевским головою. В 1871 году Павел Павлович вступил во второй брак с княжной Еленой Петровной Трубецкой. От этого брака родилось шестеро детей, в том числе дочь Аврора, ставшая матерью югославского принца-регента Арсена Карагеоргиевича.

Пожалованный в 1871 году в звание егермейстера двора Его Императорского Величества, Павел Павлович был избран в 1874 году в должность киевского головы на новое трехлетие, но отказался от этой должности по нездоровью и поселился сначала в Санкт-Петербурге, а потом в своей вилле Сан-Донато, которую продолжал обогащать выдающимися произведениями искусства.

В начале русско-турецкой войны, подвижный человеколюбивый, Демидов вернулся в Киев и принял долж-

ность чрезвычайного уполномоченного от Общества Красного Креста. Целый год проработал Павел Павлович в этой должности, не жалея ни сил, ни здоровья, ни средств, устраивая помещения для больных и раненых, снабжая воинов большею частью на свои личные средства всем нужным и во временных бараках, и на санитарных поездах, и при отправлении солдат на родину.

После смерти Александра II он снова вступил на службу в Министерство внутренних дел, где перед ним открылось поле административной деятельности, и, кроме того, принял должность председателя банка и Общества для поощрения промышленности и торговли.

Владея значительными богатствами на Урале, Демидов на своих уральских рудниках ввел все новейшие усовершенствования и на свой риск занялся разработкой луньевских каменноугольных копей на севере Урала, предвидя широкую будущность для этой отрасли промышленности. Изделия заводов князя Павла Сан-Донато на Венской всемирной выставке были удостоены почетного диплома, а на Филадельфийской 1876 года награждены бронзовой медалью.

Широкая благотворительность и чуткая отзывчивость к нуждам ближнего принесли Демидову громкую известность. За последние 9 лет жизни пожертвовал на пенсии, стипендии и другие пособия в пределах России капитал около 1 200 000 ру-

*Павел Павлович Демидов,
сын Павла Николаевича и Авроры
Карловны, князь Сан-Дonato*

*Елим Павлович Демидов, сын
от первого брака Павла Павловича
и Марии Елимовны Мещерской*

блей. За это он был назначен почетным попечителем всех Демидовских благотворительных учреждений, основанных его предками и им самим.

2 июня 1872 года император Александр II разрешил Демидову принять титул князя Сан-Дonato, пожалованный ему итальянским королем Виктором Эммануилом, и два ордена — св. Маврикия и Лазаря и Итальянской короны. В 1879 году признательное население Флоренции поднесло Демидову золотую медаль, с изображением его и его супруги, и адрес, доставленный особой депутацией, в состав которой

входили представители рабочих корпораций. Муниципалитет по этому случаю избрал князя и княгиню Сан-Дonato почетными гражданами Флоренции.

От государя Александра II Демидов получил орден Станислава I степени и удостоился неоднократно выражения монарших благоволений и всемилостивейших знаков внимания. Во Флоренции Демидов открыл школы, приюты, устраивал дешевые столовые для рабочих. Он купил имение Медичисо в Пратолино, в котором и скончался 17 января 1885 года.

Самой знаменитой фигурой среди наследников П.П. Демидова был

*Аврора Павловна Демиова
ди Сан-Дonato, дочь от второго
брака Павла Павловича
и Елены Петровны Грубецкой
(мать югославского принца-
регента Павла Карагеоргиевича)*

*Анатолий Павлович Демидов,
сын от второго брака
Павла Павловича Демидова
и Елены Петровны Грубецкой*

его старший сын Елим, егермейстер высочайшего двора, избравший для своей карьеры службу в Министерстве иностранных дел. В 1893 году он стал зятем графа И.И. Воронцова-Дашкова, министра императорского двора и уделов, одного из организаторов «Священной дружины».

Сохранилось любопытное свидетельство царского дипломата, графа В.Н. Ламздорфа о молодом служащем. В записи от 1 апреля 1894

года на страницах своего «Дневника» Ламздорф написал о больших неудобствах, связанных со служебным переводом Демидова в канцелярию.

«Сей мальчуган, весьма богатый зять министра двора, легкомысленно относится к служебным обязанностям, подавая деморализующий пример своим коллегам. Службу он начал с того, что без всякого разрешения четыре дня пропал на охоте. С первых же дней пребывания

Принц-регент Югославии — Павел Карагеоргиевич, сын авроры Павловны Демидовой, княгини ди Сан-Дonato и князя Арсена Карагеоргиевича, племянник короля Сербии Петра I

на работе Демидов счел уместным сказать сослуживцам, с которыми только-только познакомился:

— У нас замечательный директор — деревянный человек со стеклянными глазами.

Такое высказывание многообещающе! В свое время я уклонялся от назначения подобных субъектов; я бы сделал все от меня зависящее, чтобы сбить с рук этого ни на что не годного бездельника, хотя бы прикомандировав к одному из наших посольств».

Так и случилось. В 1896–1897 годах Е.П. Демидов уже состоял при посольстве России в Великобритании. В канун февральской революции 1917 года он занимал место русского посланника в Афинах, где и остался после октябрьских событий.

Анатолий Павлович Демидов, в отличие от старшего брата, даже не заявлял о своем интересе к семейному делу. Хотя он подолгу жила в Тагиле, но был еще беспутнее Елима. Компанию ему составлял лакей, с которым он построил парусную лодку и целыми днями катался по Тагильскому пруду. Некоторое время он служил в Гродненском гусарском полку, затем бросил службу и вел беспечную жизнь за границей.

10 марта 1895 года доверенное лицо молодого Демидова — П. Кузьмин сообщал его старшему брату:

«Анатолий Павлович по-прежнему занимается, по временам продолжает увлекаться цыганским хором и преподносит корзины цветов цыганкам, что нередко вызывает некоторый спор со мной, так как я отказываюсь платить за эти корзины (по 150 рублей), а карманных денег у него не хватает. Согласно Вашему разговору с П.П. Дурново, денежные дела Анатолия приводятся в порядок; Анатолий теперь постоянно говорит об экзаменах, вполне уверен, что выдержит их, но никак не может решить, в какой полк ему поступать — в Лейб-Гусарский или в Гродненские гусары (в Варшаву) или же в Нижегородские драгуны на Кавказе».

Некоторые надежды подавал младший Демидов — Павел Павлович. Ему попался хороший гувернер — приват-доцент Одесского университета. В.Е. Грум-Гржимайло писал:

«Павел Павлович, говорят, хорошо учился и собирался поступить в Горный институт. Не помню, поступил ли, или провалился на экзамене, или убоился, — но, в конце концов, он оказался юнкером Гродненского полка и так вел себя, что полковой командир радехонек был, когда этот юнкер, наконец, ушел из полка. Затем он начал путешествовать. Поехал в Центральную Азию с каким-то англичанином на охоту и побил много каменных баранов. По дороге он остановился на день в Тагиле, чтобы показать тягу на вальдшнепов. Потом поехал в Африку и скоро умер».

Демидовы полностью переложили свои обязанности на наемных управляющих, однако чувствовали себя полными хозяевами, когда решался вопрос о распределении доходов и прибылей. В результате весной 1909 года произошло событие, вызвавшее панику в правлении и среди владельцев Тагильского округа. На заседании Государственной думы министр торговли и промышленности высказал мнение о необходимости отобрать у Демидовых заводы для передачи их другому владельцу или в казенное управление. Это известие подорвало престиж демидовского дела для кредиторов. На заводы выехала комиссия по расследованию причин кризиса.

Кончилось все тем, что правительство снова удовлетворило очередную просьбу Демидовых о государственной денежной помощи в сумме 750 тысяч рублей и разрешило им новые займы в русских и иностранных банках. В 1909 году они подписали кабальный договор с платиново-промышленной компанией и получили от нее 750 тысяч рублей аванса. Иностранному капиталу открылся доступ к природным богатствам уральского края. Однако это не помогло тагильским заводам. Они уже больше не могли выйти из тяжелого положения.

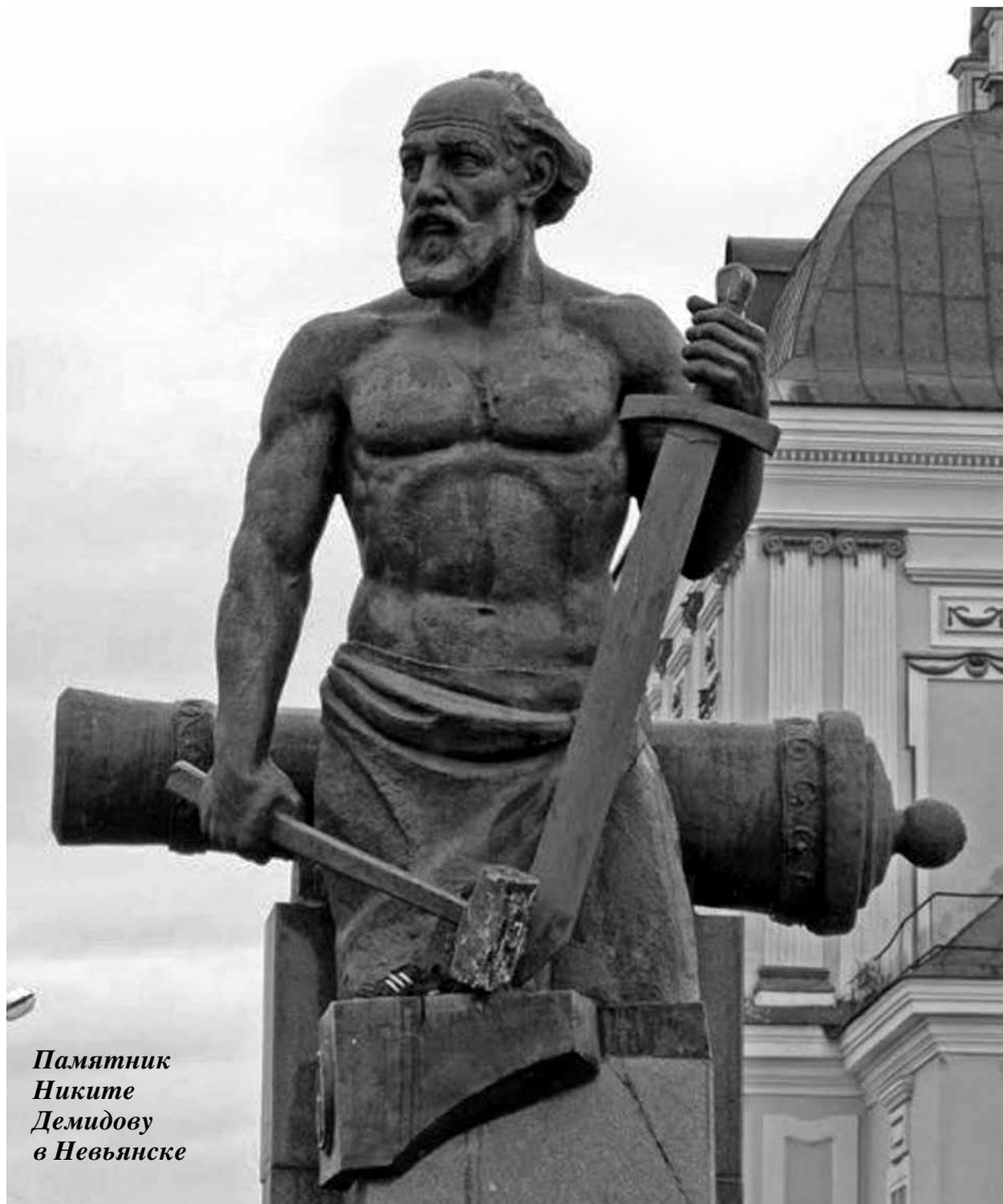
Пока финансовая деятельность правления сводилась к поискам средств извне для поддержания действий заводов, владельцы продолжали изымать огромные суммы из активов предприятий на свои личные расходы. Они отвергали предложения правления об акционировании, боясь потерять контроль над делом и право получения бесконтрольных доходов.

В марте 1917 года стало известно, что новым хозяином Тагильского округа стал Русский банк внешней торговли. В годы нового экономического подъема и первой мировой войны владельцы нижнетагильских заводов решили провести серьезную техническую реконструкцию предприятий. Но собственных средств на нее они пожалели, не желая уменьшать личные доходы. Деньги были любезно предоставлены банком, который вскоре и стал владельцем

предприятий округа. В 1917 году долг тагильских заводов превысил 16 миллионов рублей — таков итог деятельности заводчиков Демидовых.

А окончательный итог, как нетрудно догадаться, подвела революция.

P.S. Примечательно, что на гербе Демидовых был начертан девиз: «Дела — не слова», который как бы определил основной приоритет в деятельности этой замечательной семьи на благо России. □

*Памятник
Никите
Демидову
в Невьянске*

Евгения Гордиенко

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

«Не могу похвастать происхождением. Отец не рабочий. Мать не из рабочей семьи. Отец — архитектор и инженер. Интеллигент. Своим, правда, трудом пробился в люди, добрался до чинов. Дед со стороны матери хоть и пришел босой в Питер, но не трудом пошел дальше, а предпочел предприятием — баржи гонял и сколотил дело. Помер. Бабка — «Васса Железнова». И рос я безбедно и в достатке. Это имело и свою положительную сторону: изучение в совершенстве языков, гуманитарные впечатления от юности. Как это оказалось все нужным и полезным не только для себя, но — сейчас очень остро чувствуешь — и для других!»

Это фрагмент автобиографии одного из первых русских кинорежиссеров — Сергея Эйзенштейна. Он словно стесняется своего происхождения, но в то же время честно его признает — есть такой грех, да. И с иронией умудряется даже находить плюсы в своем непролетарском детстве.

Однако, несмотря на безбедное существование, детство Сергея легким не было. Прежде всего, из-за отношений родителей между собой. Мать обвиняла отца в воровстве, он ее — в изменах. (Как выяснилось при разводе, который произошел в 1909 году, небезосновательно).

спри, много и усердно учился, особенно преуспевая в гуманитарных науках.

У отца же были другие планы — он хотел, чтобы сын продолжил его дело. Поэтому Сергей окончил Рижское реальное училище, после чего продолжил учебу в Петрограде.

Но началась гражданская война, во время которой Эйзенштейн вступил в ряды Красной армии. Уже там проявились его таланты — он участвовал в самодеятельности, причем во всех ролях — режиссера, актера, художника.

Дабы вырваться с фронта, он выбрал не самый легкий путь — посту-

---

Когда мать с отцом расстались в первый раз, мать увезла семилетнего Сережу с собой в Петербург. Но вскоре ребенок наскучил Юлии Ивановне, и она отправила его обратно к отцу — в Ригу. Мальчик ехал из Петербурга в Ригу в запортом на ключ купе поезда, словно посылка, пусть и ценная

Когда мать с отцом расстались в первый раз, в 1905-м, мать увезла семилетнего Сережу с собой в Петербург. Но вскоре ребенок наскучил Юлии Ивановне, и она отправила его обратно к отцу — в Ригу. Причем «отправила» в данном случае — не фигура речи. Мальчик ехал из Петербурга в Ригу в запортом на ключ купе поезда, словно посылка, пусть и ценная.

Подобные отношения в семье послужили только одному: Сергей, не желая слышать родительские ра-

пил на восточное отделение Академии Генерального штаба. Ночами зубрил совершенно незапоминающиеся иероглифы, но делал это с упоением, потому что понимал — только так он сможет развиваться, узнавать, расти над собой.

В Москве его снова потянуло в театр. Выбор пал на молодежный «Пролеткульт». Сергей начал работать художником, но вскоре уже громко заявил, что готов «писать декорации, ставить спектакли, но лишь

для того, чтобы лучше узнать театр, а потом разрушить его». К чести Эйзенштейна стоит отметить, что театр разрушить ему не удалось, а вот построить совершенно новое киноискусство удалось вполне.

Но разрушить театр он очень старался. Проучившись 2 года у Мейерхольда, Эйзенштейн взялся

мастерских, конечно, не было. А если бы и были, то у вечно нищих студентов просто не нашлось бы на них денег. Поэтому каждый приносил с собой из дома еду и тщательно ее прятал. Эйзенштейн, видимо, свою еду спрятал недостаточно хорошо, потому что Александров нашел ее и попытался стащить.

Отец-архитектор хотел, чтобы сын продолжил его дело, но началась Гражданская война, и Сергей вступил в ряды Красной армии. Однако уже там проявились его таланты — он участвовал в самодеятельности, причем во всех ролях — режиссера, актера, художника.

за постановку пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». От Островского там, конечно, мало что осталось, зато было много Эйзенштейна: сцена стала цирковым манежем, над головами зрителей был натянут трос, на котором танцевали актеры. Была и небольшая киноставка под названием «Дневник Глумова» — первый кинематографический опыт Эйзенштейна.

Несмотря на резкую критику, он продолжал постановки. Во время одной из репетиций Сергей познакомился с молодым актером Григорием Александровым. Впрочем, слово «познакомился» в данном случае вполне уместно будет заменить словом «подрался». В те суровые времена никаких буфетов при

Завязалась драка. Но когда Александров признался, что не ел уже два дня, Эйзенштейн сам отдал ему обед. И это стало началом многолетней дружбы...

В 1924 году Эйзенштейн окончательно решил порвать с театром ради кино. Первым его фильмом, снятым совместно с Александровым, Пырьевым и Штраухом, стала картина «Стачка». Уже в ней он заложил основы того кинематографа, который позже назовут «Фабрикой грез». Тогда это называлось «монтажом аттракционов», а, по сути, являло собой сочетание несочетаемого в рамках одного кадра, эффектный монтаж и непривычные зрительскому глазу кинематографические детали.

Тогда же, за рекордные три месяца, был снят и «Броненосец «Потем-

кин», сделавший Эйзенштейна знаменитым на весь мир. Фильм вызвал бурный восторг, причем не только со стороны профессионалов. Самой высокой оценки Эйзенштейн удостоился от своих... соседей по дому.

В то время режиссер жил в доме на Чистых прудах, деля комнату с семейным Максимом Штраухом. Однако после того, как домовый комитет в полном составе побывал на премьере фильма «Броненосец «Потемкин», собранием жильцов было решено выделить Эйзенштейну отдельную комнату. Что может быть выше такого народного признания?

Получив в свое распоряжение целую комнату (неслыханная роскошь по тем временам!), Эйзенштейн попытался наладить личную

жизнь, но оказался в этом не столь успешным, как в профессии: воспоминания о семейной жизни родителей не давали ему спокойно относиться к браку.

Он разделил свою комнату с журналисткой Перой Аташевой, с которой познакомился во время работы над «Броненосцем «Потемкинским». Их отношения, по мнению многих, знавших эту пару, были весьма странными. Аташева была Эйзенштейну подругой, сиделкой, собеседником, через 10 лет, в 1934 году, она даже стала его официальной женой... Но не была ни любовницей, ни матерью его детей (а ей этого очень хотелось). Единственное, что ей удалось получить от этой связи, так это то, что именно она, а не другая женщина, считалась официальной вдо-

вой Сергея Эйзенштейна после его смерти.

А другая женщина в его жизни была.

Она появилась в 1935 году, ее звали Елена Телешева. В картине «Бежин луг», на съемках которой Эйзенштейн с ней познакомился, она играла председателя колхоза.

Это был сложный период в жизни Эйзенштейна. «Бежин луг» власть и критики приняли в штыки, к тому же он заболел страшной черной оспой и нуждался в постоянном уходе.

Все это время Телешева была рядом. Она, с риском для собствен-

вы не понимаете, какими уродливыми и ненормальными стали наши отношения? Утром я жду звонка, ибо это единственный способ общения с любимым, горячо любимым человеком! Разговор продолжается 2–3 минуты. Никакой души, тепла, ласки. На вопрос увидимся ли мы? следует раздражение: "мне некогда"... Всякий экспансив, ласка, тепло охлаждается немедленно или грубостью, или равнодушием. Всякое проявление внимания или любви встречается холодно, как должное. Ведь для женщины большое горе не жить вместе с любимым че-

---

В 1924 году Эйзенштейн окончательно оставил театр ради кино. Первым его фильмом, снятым совместно с Александровым, Пырьевым и Штраухом, была картина «Стачка». Уже в ней он заложил основы того кинематографа, который позже назовут «Фабрикой грез»

ного здоровья, выхаживала его во время болезни, поддерживала во время споров с критиками. Ей даже удалось убедить директора «Мосфильма» иначе взглянуть на «Бежин луг». Именно благодаря ее усилиям к Эйзенштейну снова стали относиться с уважением. А ему — Елена уже надоела...

В конце концов, первой не выдержала она, предложив Эйзенштейну расстаться: *«Ваше гнусное отношение ко мне я ничем не заслужила. Я уже пять лет живу в основном вашими интересами. Неужели*

ловеком, не быть его женой в полном смысле этого слова — и физически, и морально...»

Эйзенштейн согласился на разрыв — она больше была ему не нужна. А нужен ли ему был вообще хоть кто-нибудь?

Зато сам он был нужен очень многим. Наум Клейман, директор Музея кино, рассказывал: *«Сергей Михайлович делал добро, не крича об этом на всех перекрестках. И только те, кто попадал в беду, знали, как он приходит на помощь. Он...помогал тем, кто после голода и войны по-*

терял все, но помогал тайно. И люди, которые передавали либо деньги, либо продукты от Эйзенштейна, были обязаны хранить в секрете, кто это сделал...»

Во время поездки по Европе и Америке, предпринятой в 1928 году с целью изучения возможностей мирового кинематографа и звуковой его версии, Эйзенштейн не только изучал мировые тенденции, но и делился собственным опытом: читал лекции в Гамбурге, Берлине, Лондоне и Кембриджском университете, Антверпене, Амстердаме...

После забракованного первого варианта «Бежина луга» («по причине формализма и усложненности языка картины») Эйзенштейн снял исторический фильм «Иван Грозный». Съёмки проходили во время войны в Алма-Ате. Этот фильм, в отличие от предыдущего, имел успех, несмотря на явные намеки автора на пагубность единоличной власти.

Однако вторая часть «Ивана Грозного», по мнению ЦК ВКП(б), не удалась. В постановлении говорилось, что «режиссер Сергей Эйзенштейн во 2-ой серии фильма «Иван Гроз-

Он не боялся отвечать на провокационные вопросы. Например, одному американскому журналисту заявил: «Если бы не Леонардо, Маркс, Ленин, Фрейд и кино, то, я, очень возможно, стал бы вторым Оскаром Уайльдом».

ный» обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов...» Возможно, Эйзенштейну удалось бы переработать картину после встречи со

Он был нужен всем, делая добро людям и не крича об этом. Как рассказывал директор Музея кино Наум Клейман, «только те, кто попадал в беду, знали, как он приходит на помощь. Он помогал тем, кто после голода и войны потерял все, — но помогал тайно. И люди, которые передавали либо деньги, либо продукты от него, обязаны были хранить в секрете, чей это дар...»

Сталиным, Молотовым и Ждановым, которая состоялась в феврале 1947 года. Но очередной инфаркт нарушил планы режиссера...

Эйзенштейна не стало в ночь с 10 на 11 февраля 1948 года. Когда его нашли, рядом с ним лежал гаечный ключ. Было заранее условлено, что, если ему станет плохо, он будет стучать ключом по батарее, чтобы соседи слышали и пришли на помощь. Они слышали, но пришли слишком поздно. Рядом с ним лежала

его последняя рукопись. Одна строка была изломана, а после нее значилось: «Здесь случилась сердечная спазма. Вот ее след в почерке».

Человек, которого так любили женщины, так уважали коллеги, круг общения которого, по словам Наума Клеймана, был похож на кольца Сатурна, умер в одиночестве, стуча гаечным ключом по батарее, чтобы позвать хоть кого-нибудь...

И хочется верить, что все это было не зря. □

Дарья Булатникова

Капля

ОГНЯ

Улица млела от послеобеденной жары. В тени под деревьями, высунув языки, лежали две собаки. Более всего Нике хотелось забиться куда-нибудь, где есть кондиционер и минеральная вода со льдом, и немного отдохнуть. Но она опасалась, что Прибытков опять покинет рабочее место, и ей придется бегать за ним по всему городу. Поэтому, тяжело вздохнув, она отправилась снова к площади Свободы. Пройдя почти половину пути, Ника вдруг заметила пристроившегося к ней в кильватер знойного мужчину с пышными усами. Незнакомец, которому на вид было лет тридцать или чуть больше, буквально сверлил ее спину огненным взглядом. Вот только приставучих южан ей не хватало...

Она остановилась перед витриной небольшого магазинчика. Усатый тут же притормозил и сделал вид, что у него развязался шнурок на ботинке. Хмыкнув, девушка вошла в магазин и убедилась, что торгуют в нем весьма широким ассортиментом товаров — от синтетических дубленок до погремушек. Примерив, купила себе плетеную из соломки шляпку с круглыми полями и букетиком тряпичных незабудок. Несмотря на наивность, шляпка весьма шла ей и, к тому же, служила неплохой защитой от палящего солнца.

Когда она покинула лавку, усатый все еще маялся неподалеку, читая наклеенные на стену объявления. А потом опять нахально потопал следом и сопровождал до самого Дома быта, так и не сделав попытки завести обычный в таких случаях разговор о погоде и свободном вечере.

Окончание. Начало в №7, 2014.

Максим Кузьмич Прибытков сидел на своем рабочем месте и старательно ковырялся во внутренностях часового механизма. Часовщик действительно был ушастым хлюпиком, да еще наполовину лысым, хотя было ему лет тридцать пять, не больше. На блестящем от пота лбу краснели следы от резинки, которой крепилась лупа. Несмотря на жару, облачен Максим Кузьмич был в клетчатую фланелевую рубашку и потертую джинсовую жилетку.

Увидев заглядывающую в окошко девушку, он переместил черный цилиндр-лупу с глаза на лоб и изобразил на лице внимание:

— Что у вас?

— Я от Антонии, — чувствуя себя шпионом, покупающим славянский шкаф, произнесла Ника.

— Правда? — обрадовался Прибытков так, словно она принесла ему дорогой подарок. — Давайте скорее ваши часики!

— Какие часики? — удивилась Ника, а потом сообразила: — Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Антония просила только поговорить с вами.

— Значит, вы не часы пришли ремонтировать? — разочарованно нахмурился Макс. — А давайте, я все же посмотрю. Почистищу...

Он привстал и высунулся в окошко, с вожделением уставившись на крошечные часики Ники — подарок Степана. Девушка поспешно спрятала руку за спину. Нет, в швейцарском механизме лучше просто так не ковыряться.

— Жаль, — вздохнул Прибытков. — А я бы денег с вас не взял...

— Я непременно обращусь к вам, как только...

— Извините, девушка...

— Меня зовут Вероника, — представилась Ника.

— А меня — Макс. Так вот, Вероника, — зашептал часовщик, — вы знаете, что за вами из-за угла подглядывает какой-то хмырь? Сейчас он спрятался. А вот опять высунулся.

Ника не стала оглядываться. Раз уж играть в шпионов, то по всем правилам. Она порылась в сумочке, достала пудреницу и с помощью зеркала тут же разглядела торчащую из-за отсека с целебными бальзамами физиономию, украшенную черными усами.

— Вот паразит! — с чувством произнесла она, захлопнула пудреницу и помчалась к назойливому типу. Сейчас она ему задаст!

Но усатый повел себя неожиданно. Вместо того, чтобы обрадоваться, что на него обратили внимание, развернулся и задал стрекача вниз по лестнице. Преследовать его Ника не стала, только злобно фыркнула вслед и вернулась к часовой мастерской.

— Круто вы его! — восхитился Прибытков. — Я бы тоже испугался.

— Он меня достал, — коротко ответила Ника. — Скажите, Макс, вы, когда в последний раз у Антонии были, ничего подозрительного не заметили?

— Подозрительного? — изумился часовщик. — Что вы имеете в виду?

— Ну, что угодно. Вы ведь часто у них бываете.

— Раза два в месяц точно забегаю. Выразить почтение, часы посмотреть. У нее ведь настоящий немецкий «Альберс» с боем. И я лично завожу механизм и регулярно смазываю его. Это просто чудо!

Ника внимательно посмотрела на Максима Кузьмича.

— Так вы именно ради этого так часто навещаете Антонию?

— Ну вот, — огорчился Прибытков. — Так я и знал, что мое простодушие меня погубит. Вы только ей не говорите. Но когда я увидел эти часы... Огромная редкость в наших краях, им более двухсот лет. Представляете! И — почти в идеальном состоянии. Когда я открыл дверцу на задней панели корпуса... Нет, вы не подумайте, я действительно восхищаюсь госпожой Романовской как великой актрисой, и не мог не засвидетельствовать ей свое почтение, узнав, что она живет в Репьевске. А потом... Потом я стал фанатом часов — увидел их и пропал!

— И во время последнего визита вы тоже занимались часами?

— Да, конечно, я подрегулировал ход — совсем чуть-чуть, и, как обычно, завел их.

— А потом?

— Потом Орландо подал кофе. А из необычного... Ну, если рогалики с марципаном можно назвать необычным или то, что... — Он пожал плечами и поморщился.

— Что вы вспомнили? — нетерпеливо спросила Ника.

— Да просто ключа от часов на обычном месте не было, — задумчиво произнес Прибытков. — Я даже подумал, что с ним забавляется сэр Родерик.

— Попугай?

— Да, какаду. Он вечно таскает в свою клетку всякие металлические мелочи. Но ключ, во-первых, довольно увесистый, а, во-вторых, он всегда лежал в шкатулке.

— В деревянной?

— Нет, в железной, она стоит в верхнем ящике бюро. И надо же — кто-то достал и бросил, где попало, — я его нашел под шкафом.

— Интересно, — пробормотала Ника. — Огромное спасибо вам, Макс. И... если у меня забарахлят часы, я непременно принесу их вам.

Около выхода ее, словно сторожевой пес, ждал усатый. Ника издали смерила его внимательным взглядом — вполне достойный экземпляр, крупный и довольно смазливый, похож на молодого Омара Шарифа. В общем, по всем параметрам — обычный бабник, ищущий приключений. Так какого же черта он избегает контакта и ведет себя словно робкий пятиклассник? Ника решительно двинулась к странному типу. Тот немед-

ленно всполошился и заметался, а потом просто-напросто с приличной скоростью помчался прочь.

Бегать по жаре за пугливыми мужчинами было занятием утомительным, но все же метров сто Ника преследовала усатого, а затем плюнула и свернула к знакомой квасной бочке. Продавщица, которая, открыв рот, наблюдала за погоней, поспешно протянула ей стакан.

— Ну, что за мерзавец, — пожаловалась ей Ника, — прилип, как банный лист! А вы никогда его раньше тут не видели? Ну, может, он известен тем, что за всеми девушками волочится?

— Нет, никогда, — уверенно отозвалась продавщица. — Петька Кузин, тот да — ко всем липнет, а этого я вообще ни разу не видела.

Чувствуя, как внутри булькает и переливается квас, Ника отошла в сторону и уселась на скамейку. Достав блокнотик, проверила список подозреваемых. Похоже, Коровина, Джемму и Прибыткова можно исключить, хотя бы условно. Вместо газовщика Сидорова возник некто рыжий и лохматый — на данный момент самый подозрительный тип. Надо бы проверить еще интеллигентную старушку и подъездных активистов Сапожникова и Варю Мухину, но у Ники от постоянной беготни между площадью и театром уже подвело живот. Можно было бы зайти поесть в какую-нибудь местную забегаловку, но что-то подсказывало ей, что этого делать не стоит. Да и не мешало доложить Антонии и Орландо о проделанной работе и полученной информации — возможно, у них появятся какие-то свежие идеи.

Обозрев для профилактики окрестности, Ника неожиданно заметила все те же черные усы, торчащие из-за газетного киоска. И тут ей неожиданно вспомнилось предостережение карлика — опасаться брюнетов. Не этого ли типа он имел в виду? И как ей теперь быть?

Решив, что раз уж лобовые атаки не принесли успеха, и теперь брюнет сам ее побаивается, девушка с беспечным видом отправилась к театру — мимо него пролегал путь к дому Антонии. Усатый опасно тащился следом. Когда же Ника вошла в гастроном, гордо именуемый «Центральным» и имевший целых два входа, преследователь, помедлив, поплелся за нею. Ника вихрем пронеслась по залу, и, выскочив во вторую дверь, вновь устремилась к первой. Потерявший ее из виду усатый растерянно топтался перед витриной с корейскими закусками и вертел во все стороны головой. Спрятавшись за какого-то мужика, девушка подкралась к нему и, внезапно выскочив, словно чертик из табакерки, прошипела:

— А ну, стоять! Отвечайте, что вам от меня надо? Какого лешего таскаетесь за мной по пятам?

— А-м-м... — от неожиданности промычал усатый. Глаза у него забежали, как у кота, застигнутого за кражей сосисок. — Я не понимаю.

— Ах, так ты еще и иностранец! — окончательно разозлилась Ника. — И по-русски ни бум-бум?

— Нет, я говрю по-русски, но плехо, — слегка пришел в себя усатый. — Я не понимаю, почьему...

— Значит, за мной охотятся агенты вражеской разведки, — задумчиво констатировала Вероника. — Ну, что же, как говорится, фээсбэ нам поможет. Причем, с удовольствием.

— Зачем фээсбэ, не надо фээсбэ, — панически зашептал неизвестный. — Я скажу, кто я йесть. Но только... — Он покосился на бабульку с авоськой, которая с явным интересом прислушивалась к их разговору.

— Хорошо, — кивнула Ника, — пошли на улицу. Но если попробуешь бежать...

— Не попробую, — замотал головой усатый. И жалобно добавил: — Не надо фээсбэ.

Ника провела его к ближайшим кустам и там приступила к допросу:

— Ну?

— Ви очьень красивый дэвушка, — попытался увильнуть усатый. — Хотьел познакомиться.

— Не ври, — ласково промурлыкала она и ухватила его за пуговицу на рубашке. — Еще раз соврешь — оторву. И так, пока пуговицы не кончатся. А потом найду, что еще отрывать, или сдам фээсбэшникам.

Усатый тяжело вздохнул и на чистом русском языке буркнул:

— Ладно, поговорим начистоту. Ты что в театре вынюхивала?

— Ах, вот оно что... А твое, собственно, какое дело? Может, на работу устраивалась.

— Не ври, — подражая ее ласковой интонации, заявил усатый. — Кому ты в театре сдалась.

От такой наглости Веронику вначале буквально перекосило, а потом разобрал смех. Отсмеявшись, она снова вцепилась в перламутровую пуговку.

— Ладно, раз начистоту, то я искала там Анну Свидерко, местную примадонну. А нашла какую-то рехнувшуюся старуху. И что ты имеешь поведать в ответ? С чего ты-то ко мне привязался?

— Просто меня самого эта Свидерко интересует, только мегера на входе не пропустила — фейс-контроль я у нее не прошел. А потом ты заметалась по городу, как ошпаренная кошка. Тебе что, Анна поручила наворованное припрятать?

— А что, я похожа на грабительницу или скупщицу краденого? — не медленно ощетинилась Ника.

— Да нет, но всякое в жизни бывает, — философски вздохнул усатый.

Ника внимательно присмотрелась к нему. Впечатление брюнет, конечно, мог бы произвести, особенно на провинциальную дурочку. Но так как Вероника таковой не была, то оценивала беспристрастно. Ничего мужик, но слишком декоративен. К тому же, явно восточных кровей, а к таким она относилась настороженно после нескольких инцидентов.

— Тебя как зовут?

— Реми, — мрачно буркнул он, словно сообщал какую-то гадость. — И если ты скажешь, что это похоже на собачью кличку или марку коньяка...

— Не скажу, — успокоила его Ника. — У меня были знакомые Леопольд и Ромуальд, так что тебе еще повезло. А теперь давай, излагай дальше. С чего ты вдруг про краденое заговорил?

— У меня есть основания считать, что эта примадонна причастна к похищению одной весьма редкой вещи.

— Какое совпадение, — прищурилась Ника. — У меня тоже. Только вот круг подозреваемых у меня куда шире.

Они стояли друг против друга, словно секунданты противников перед дуэлью.

— Поделишься информацией? — стараясь казаться не слишком заинтересованным, спросил, наконец, усатый.

— С каких это щей? Вначале ты. Можешь приступать.

— Ладно, — решил Реми. — Приступаю. Только сразу скажу — ты мне все равно не поверишь, хотя врать я не собираюсь.

— Излагай, — отрезала Ника.

Орландо бродил по квартире, словно заводной заяц из рекламы. Время шло, а от Ники не было никаких известий.

— Прекрати бегать из угла в угол, — в очередной раз проворчала Антония. — Вот увидишь, девочка прекрасно со всем справится. Моя порода.

— Не сомневаюсь, примадонна. — Карлик охотно уселся на диван и тут же сполз с него. — Но если потом Магистр спросит, почему мы ему ничего не сообщили?

— А если и спросит, какая разница? — пожала плечами старуха и перевернула страницу книги. Читала она очередной детектив и внешне выглядела абсолютно спокойной.

— Да, в принципе, никакой, — уныло согласился Орландо. — У нас есть все шансы создать еще одну настоящую тайну, о которой не будет знать ни единая живая душа.

— Ты забываешь об одном, — неожиданно развеселилась старуха. — «Капля огня» за двенадцать циклов набирает энергии с избытком, и ее сброс сулит много неожиданностей. Так что даже странно, что пока тихо.

— Это-то меня и беспокоит...

Орландо сбегал на кухню, потом выглянул по очереди во все шесть окон квартиры и вернулся в гостиную.

Часы лениво пробили четыре раза.

— Итак, — начал усатый, но тут же замолчал и принялся озираться. — Пойдем, сядем где-нибудь, а то я сегодня за тобой убегался.

— Вон скамейка. — Ника указала за кусты, где торчал несуразный элемент благоустройства в виде доски, подвешенной двумя цепями к столбикам.

Усевшись на конструкцию, которая тут же принялась скрипеть и покачиваться, Реми уставился на собственные кроссовки и спросил:

— Ты что-то слышала о древних тайных орденах и сообществах?

— Масоны, тамплиеры, розенкрейцеры и прочие? Очень смутно, — призналась Ника. — К тому же, они давно исчезли. Или я ошибаюсь?

— Ошибаешься. Масоны вполне себе здравствуют и поныне, и даже особо этого не скрывают. Да и насчет остальных есть сведения, что они действуют до сих пор. Но я немного о другом. Были очень законспирированные ордена, созданные когда-то с определенными целями и действовавшие в очень узких рамках. Они не ставили перед собой задачи обладания реальной властью, не строили никому козни и не копили богатства. С некоторой натяжкой их цели можно назвать утилитарными, поскольку образовывались они для хранения и использования неких артефактов. Что такое артефакты, знаешь?

— Знаю, — буркнула Вероника. — Всякие магические штучки. Талисманы, амулеты...

— Нет, талисманы и амулеты — мелочи. Настоящие древние артефакты гораздо сильнее. И их сила заключена исключительно внутри них. Обладать артефактом — дело непростое и хлопотное, особенно когда для его применения одного человека мало. Представь себе корабль, управлять которым одному человек не под силу, нужна команда.

— Представила. И что?

— Представь себе два таких ордена, каждый из которых обладает одним из артефактов. И вот внутри одного из орденов появляются некие... назовем их, допустим, протестантами, которые начинают носиться с идеей соединить эти могущественные раритеты и посмотреть, что из этого получится.

— И что получится? — с любопытством спросила Ника.

— Считается, что ничего хорошего. И магистр этого ордена тоже так думает. Это все равно, что бросить в костер мешок пороха — красиво, но очень опасно. Однако протестанты не унимаются и решают все сделать по-своему. Почему-то они уверены, что игра стоит свеч. Поняла?

— Одного не поняла — ради чего ты все это мне рассказываешь?

Усатый достал из кармана джинсов мобильник и, сунув его зачем-то под нос девушки, раздраженно выпалил:

— Да просто с утра пораньше мне позвонили и сообщили, что к Антонии, хранительнице одного из артефактов, внезапно приехала внучка. И теперь эта внучка проявляет непонятную активность и явно что-то ищет. А так как мы специально организовали наблюдение за домом хранительницы, нас это озадачило. Потом тебя заметили около театра, и я решил проверить, чем ты там занимаешься.

— Ну, а Свидерко зачем тебе понадобилась?

— Мы еще вчера из своих источников узнали, что артефакт ордена Феникса похищен, и решили, что это дело рук наших протестантов. Но оказалось, что они тут ни при чем, «Каплю огня» они не крали.

— А кто они такие, эти протестанты? — с любопытством спросила Ника.

— Неважно, магистр лично сделал им внушение и пригрозил в три счета выгнать из ордена. Но мы все же вынуждены усилить бдительность, потому что, пока существует угроза соединения камней, надо быть начеку.

Ника задумалась. Поверить в сказанное действительно было сложно. Какие-то ордена, артефакты, магистры. Но ведь и Антония говорила о «Капле огня» как о древней египетской реликвии...

— Значит, Антония — хранительница артефакта? — пробормотала она. Реми молча кивнул.

— И она хранила такую штуку у себя дома? Не верю.

— Нет, хранилась «Капля огня» где-то в другом месте, в надежном тайнике. Но, видимо, перед обрядом ее достали. И случилось то, что случилось — ситуация вышла из-под контроля.

— А магистр у этого ордена Феникса кто? Не Орландо?

— Нет, карлик всего лишь один из адептов. Или кто-то в этом роде. Я не вникал, у меня и без того голова кругом от всей этой ерунды идет. После того, что в театре произошло... Похоже, нет, я даже уверен, что «Каплю огня» туда притащили. Но вот кто это сделал?

— Почему ты решил, что рубин там?

— Значит, Антония не все тебе сказала... — задумчиво констатировал усатый. И повторил: — Не все. Иначе ты бы поняла, что эта глупая курица Анна Свидерко держала в руках «Каплю огня». Ты же видела, во что она превратилась!

— Кто, «Капля»?

— Нет, Анна. Надеюсь, твоя бабушка хотя бы предупредила тебя, что к камню нельзя прикасаться?

— Да, — растерянно кивнула Ника, — предупредила. И насчет двадцать четвертого июня — тоже. Но я так и не поняла, что же должно произойти в этот день.

— Не в день, а в ночь. Ночью должен быть проведен ритуал возрождения, насколько я знаю. Минуло ровно двенадцать циклов, и в ночь летнего солнцеворота артефакт должен быть активизирован.

— А какое ты отношение имеешь к ордену Феникса? И что за второй орден?

— К ордену Феникса — только постольку, поскольку появилась угроза необдуманных действий. А второй орден... назовем его условно орденом Асгарда, хотя называется он иначе. И раз уж ты посвящена в тайну «Капли огня», то должна знать, что второй артефакт, которым обладает орден Асгарда — «Капля льда», огромный, размером в два кулака кусок прозрачного белого янтаря. Считается, что «Капля льда» — часть Алатырь-камня, но в этом ни у кого уверенности нет.

— Ни фиги себе, — пробормотала Ника, которой вдруг показалось, что она спит или бредит. Вот тихий городишко Репьевск, вот гастроном и перекошенная урна около его входа, вот некий тип по имени Реми, более всего похожий на кавказского донжуана. И рассказывает этот тип такие вещи, которым бы впору звучать в кабинете районного психиатра.

— Значит, кусок Алатырь-камня... — вздохнула она. — Это который на острове Буяне, да?

— Понятия не имею, — пожал плечами Реми. — У нас существуют разные интерпретации появления «Капли льда», кто-то даже говорит, что этот камень похитил небезызвестный бог Локи у живущих под землей карликов-цвергов вместе с ожерельем Брисингамен. Ожерелье-то он потом отдал, а камень — нет. Оставил в качестве сувенира, так сказать.

Вероника почувствовала, что голова ее окончательно пошла кругом — какие-то, кажется, скандинавские и славянские предания, карлики... Карлики! Орландо?

— Нет, Орландо не из брисингов, — угадал ее мысли Реми. — И вообще, дело совсем не в них.

— Что ты ходишь вокруг да около! — начала терять терпение Ника. — Я должна не позднее завтрашнего вечера отыскать и вернуть Антонии похищенный камень. Я обещала! И если ты заинтересован в том же, то говори яснее — почему ты считаешь, что рубин у Свидерко, и что с ней случилось?

— Ладно, не кипятись, — покладисто вздохнул Реми. — Я же не магистр, а всего лишь рядовой член ложи, занимающийся безопасностью. В общем, «Капля огня» — артефакт возрождения... Он может возвращать людям молодость. Ритуал возрождения должен проводиться точно в ночь летнего солнцеворота каждые двенадцать циклов, то есть шестьдесят лет, и на него собираются все члены ордена. В эту ночь камень становится готов к полному омоложению человеческих существ — тоже на две-

надцать циклов или шестьдесят лет. Те же, кому меньше шестидесяти, не исчезают, как можно было бы опасаться, а просто становятся детьми. Маленькими детьми.

— Младенцами? — простонала Вероника, вдруг с ужасом вспомнив о ребенке в мужской майке, неведомо как появившемся утром в театре.

— Ага, что-то вроде. Младенцами, да. Но есть еще один нюанс — для омоложения прикоснуться к камню нужно только один раз! В этот момент камень и отдает накопленную энергию. Но если касание повторить, то «Капля огня» заберет энергию обратно. Я не силен в физике, но это что-то вроде аккумулятора — накопил-отдал-накопил-отдал. Взяв в руки камень во второй раз, человек опять состарится. Причем, забрать камень может больше, чем дал...

— И как быстро это происходит?

— Точно не знаю, из наших никто не в курсе. Вроде бы, несколько часов. Я днем около театра подслушивал под окнами. Получается, что Анна Свидерко с утра заметно помолодела, а потом начался обратный процесс, и она состарилась. А заодно с ней еще какой-то хмырь. И это значит...

— Это значит, что я знаю, кто украл камень! — завопила Ника так, что пьяненький мужик, рыскавший неподалеку в поисках брошенных пивных бутылок, шарахнулся в сторону, а потом торопливо бросился прочь, очевидно, испугавшись, что девушка имела в виду именно его. — Петрович это, бутафор театральный!

— Этот? — усатый ткнул пальцем вслед удирающему мужику.

— Нет, он сейчас в Доме малютки, или что тут в городе из детских приютов имеется. Сегодня утром в мастерских, где реквизит делают, был обнаружен младенец, в одной мужской майке.

— Понятно, — протянул Реми. — Ну, тогда пошли! Потому что «Капля огня» либо в театре, либо у этой парочки. Первый вариант еще ничего, но вот второй...

Телефонный звонок раздался в сумерках. Орlando подскочил и ринулся к аппарату, а старуха только сделала потише звук включенного телевизора. Она уже с полчаса смотрела какие-то политические дебаты, сопровождая их язвительными комментариями.

— Это Магистр! — шепнул ей карлик, зажав трубку ладошкой.

Она кивнула и протянула руку.

Когда-то у нее был роман с этим человеком, несмотря на разницу в возрасте — он был младше на четыре года. Потом они долгое время избегали друг друга и встречались только при крайней необходимости. Но сейчас пора бы уже былой палитре чувств потускнеть.

— Как ты? — послышался в трубке глуховатый баритон. — Все в порядке?

— А ты как думал? — Собственный голос показался ей настолько ужасным, дребезжащим и слабым, что старуха даже поморщилась.

— Значит, завтра, когда зайдет солнце?

— Да! — раздраженно ответила она и нажала на кнопку. Потом схватила пульт, и телевизор зашелся истерическими криками. Ну, не могла она ему ничего сказать! И не скажет до тех пор, пока есть надежда.

В сгущающейся темноте Орlando видел только ее силуэт и не мог знать, о чем она думает. Его примадонна. И он не знал, что в ее изящной кожаной сумочке уже второй год лежит конверт с письмом из Германии. В эндокринологической клинике готовы провести курс лечения, но лечат они только детей. И она уже на следующей неделе привезла бы им ребенка... если бы не ее старческая лень. Конечно, забрать «Каплю огня» из тайника заранее была не ее идея, просто Орlando было по пути, вот и решили не ждать неделю.

— Ты тоже балбес изрядный, — в сердцах стукнула по подлокотнику Антония и принялась в темноте нашаривать папиросницу.

Орlando вздохнул, щелкнул расположенным в метре от пола выключателем и согласился:

— Балбес.

— Мы к Коломийцеву! — Ника влетела в проходную с таким видом, словно готова была прорываться в театр с шашкой наголо. Реми скромно держался позади.

— Опять вы? — удивилась вахтерша. — А Коломийцева нет.

— Тогда к Саше.

— Фамилия.

— Романовская.

— У нас такой нет.

— Это я.

— Что вы мне голову морочите! Сашина как фамилия? У нас этих Саш, как гуталина. Штук семь.

Ника понятия не имела, какая фамилия у бутафора, и слегка скисла. И тут за ее спиной раздался знакомый голос:

— Пропустите, Мария Степановна, это со мной.

Обернувшись, девушка увидела в дверях сияющего, словно медный таз, Коровина. Но в следующие несколько секунд сияния поубавилось — Вадим Игоревич узрел усатого красавца Реми.

— Господин Коровин, — немедленно сменила тон вахтерша, — всегда вам рады! Сейчас я предупрежу Юрия Евгеньевича!

— Вы же сказали, что его нет, — немедленно уличила ее Ника, но дама даже не удостоила ее взглядом.

— Предупредите, — милостиво согласился Вадим Игоревич. — А мы пока, с вашего позволения, пройдем. — Свернув за угол, он шепнул Нике: — Похоже, мы разными путями вышли на один след.

Она торопливо кивнула.

— Ну, вот что, пока я Коломийцеву буду зубы заговаривать, вы попробуйте тут разведать, что и как.

— Хорошо. Пошли! — Девушка схватила Реми за руку и потащила его по темному, освещенному редкими тусклыми лампочками коридору. — Сегодня спектакль отменен, так что вряд ли в здании осталось много народа. Но все равно надо быть осторожнее.

Дверь в уборную Свицерко оказалась заперта. Собственно, удивительно было бы обратное. На минуту Вероника остановилась, пытаясь сообразить, где тут мастерская, потом вспомнила место, где она впервые увидела Сашку, и направилась туда. Из глубины здания раздавался звук работающего станка. Внезапно дверь распахнулась, и из нее выскочили две девицы с сигаретами в руках. Даже не глянув на Нику и Реми, они шмыгнули куда-то в сторону.

— Девушки, где у вас тут бутафоры обитают? — крикнула им в спины Вероника.

Одна из девиц обернулась и ткнула вначале налево, а затем вниз. Указания были получены верные, свернув еще пару раз, они обнаружили лестницу в подвал и по ней добрались до мастерской. Сашка был там — распилывал на станке куски фанеры.

— Эй! — заорала Ника. — Привет!

— Привет! — Парень обернулся и удивленно поднял брови: — Опять ты?

— Знакомься, это Реми, — кивнула девушка на своего спутника. — Саш, у нас проблемы.

— У нас тоже. — Сашка вытер руки тряпкой и обменялся с усатым рукопожатиями. — Петрович куда-то пропал. Недавно жена его прибежала, искала. Говорит, что он с утра трезвехонький на работу ушел. Значит, замылился куда-нибудь с друзьями, паразит. А у нас — сдача спектакля. Я так Коломийцеву и сказал...

— Да погоди ты, — прервала его Ника. — Никуда он не замылился. Скажи лучше, куда вы того младенца в майке отнесли?

— Младенца? — удивленно протянул Сашка. — При чем тут младенец? А, хочешь сказать, что нашли его мамашку? Так я точно не знаю. Вроде бы, в полицию отнесли, но ведь там его держать не станут, так что, скорее всего, в больницу сдали, у нас Дома малютки в городе нет.

— Как нет? — удивился Реми. — Совсем?

— Совсем, есть только детский дом. Но он не в Репьевске, а в Тучине, вроде бы. Короче, не знаю я. Мне бы Петровича найти, а чужие младенцы...

— Это и есть Петрович! — воскликнула Ника. — Только маленький!

— То есть, как Петрович? Ты имеешь в виду, что ребенок — его?

— Нет, это сам Петрович твой. И не смотри на меня такими глазами, у меня с головой все в порядке. Лучше скажи, у тебя его фотография есть?

— Где-то была, — выдавил из себя окончательно ошалевший бутафор. — О, в стенгазете в коридоре висит, там его после очередной корриды в обнимку с зеленым змием нарисовали, а лицо из фотки вырезали.

— Ладно, если другой нет, и такая сойдет. Но сейчас не это важно. Нам надо срочно попасть в уборную Свидерко. Не знаешь, где ключи от нее добыть можно?

— Зачем? — нахмурился бутафор. — Ты там что-то оставила?

— Нет, я думаю, что там спрятано нечто, из-за чего они со Ступиным постарели, а Петрович твой, наоборот... сильно омолодился. Саш, мы же туда с тобой зайдем, и ты сам убедишься, что мы ничего не сопрем.

— А что за вещь? — озадаченно почесал нос парень.

— У моей бабушки, ты ее, наверное, знаешь, Антони Романовской, пропала одна драгоценная безделушка. И есть все основания считать, что она попала в руки Свидерко.

— Ты — внучка Романовской? — удивился Сашка.

— На, убедись, у меня и фамилия такая же. — Ника достала из сумочки паспорт и сунула его под нос бутафора.

— Вероника Романовская?! То-то мне твоя личность знакомой показалась. Только ты в кино вся в буклях была и с веером.

— В каком кино? — заинтересовался Реми, до этого изображавший полную индифферентность.

— Да в этом, как его... «Петербургские страсти», что ли? Или «Страсти по Петербургу» — не помню. Ух, ты!

Усатый искоса глянул на Нику, но промолчал. Наверное, вспомнил свою реплику насчет того, что в театре ей делать нечего.

— У нас слишком мало времени, — возмущенно проговорила девушка, — а вы тут про букли и веера! Говори, как нам в запертую гримерку попасть.

Сашка задумался и снова принялся чесать нос, словно собираясь содрать с него всю кожу. Потом кивнул:

— Могу попробовать! Ждите меня за углом около туалета.

Спустя минут пять, которые Ника посвятила отрыванию фотографии Петровича от стенгазеты, бутафор появился, стряхивая с себя пыль, и продемонстрировал ключ.

— Точно, никакой фантазии у нашей примы, в ящике с гидрантом прятала. Она как-то свой ключ посеяла, вот и пришлось ей дубликат вытачивать на нашем станке. А она попросила еще один сделать, на случай, если и новый потеряет или дома забудет. Чтобы дежурные лишней раз не злословили.

— Ты прямо Шерлок Холмс, — восхитилась Ника. — Пошли скорее!

Но в гримборной Свидерко их ждало разочарование — тщательно проведенный обыск не дал никаких результатов. Реми и на шкаф забрался, и даже подоконник подергал в поисках тайника, а Вероника перерыла ящики туалетного столика и сам шкаф — кроме дюжины запасных колготок и других тряпок, там ничего не обнаружилось.

— Пролетели, — констатировала она, тыкая пилочкой для ногтей в содержимое огромной пудреницы. — Сань, в вазу с цветами еще загляни... Да осторожней ты!

Побултыхав затхлой водой в хрустальной емкости, бутафор отрицательно покачал головой. На этом можно было заканчивать обыск — рубина в гримерной не было.

— А ведь сумочки нигде нет, — задумчиво произнесла Ника. — Так что, скорее всего, Анна забрала камень с собой. В больницу.

— Значит, надо ехать в больницу, — раздалось от дверей. Это Коровин, избавившийся от общества Коломийцева, неслышно проник в комнату. Глаза его светились охотничьим азартом.

— В какую именно? — деловито уточнила Ника.

— А что, их разве много? Одна, вообще-то, так что не ошибемся. Поехали, пока у них время посещения не закончилось, иначе придется охранника уламывать, а он там алчный просто на удивление.

В лечебницу на Коровинском джипе отправились все, кроме Сашки. Тот остался в театре доделывать реквизит и размышлять, с кем же он имел дело — с посланцами из параллельного мира или попросту с психами, и правда ли то, что они сказали насчет Петровича.

По пути Вероника попыталась вкратце обрисовать Вадиму Игоревичу ход поисков, но довольно сумбурно, так что и самой ей рассказ показался диким. В свою очередь Коровин сообщил, что в театр пришел потому, что куда-то исчез Олег Ступин, который мог помочь в розыске похищенной драгоценности. В офисе он конкурента не нашел, а всем известно, что по утрам тот отвозит Анну Свидерко на работу, вот Вадим Игоревич и отправился в театр. То, что поведал Коломийцев, повергло Коровина в шок. А тут еще Ника туману напустила...

— Ничего, разберемся, — крикнул бизнесмен, сворачивая к больничному комплексу, — я Олежека в любом виде узнаю.

Но, несмотря на возлагаемые надежды, визит в городскую больницу тоже оказался не слишком удачным, поскольку заведующий психиатрическим отделением, к которому после хождения по самым разным кабинетам они в итоге попали, заявил, что пациенты Свидерко и Ступин к ним сегодня действительно поступили, но после уколов они мирно спят, и свидание с ними никак невозможно. На вопрос же о том, нельзя ли хотя бы посмотреть на них спящих, многозначительно покрутил пальцем у виска и молча указал на табличку — «Свидания разрешены только в специальном помещении в присутствии санитаря».

Проводив посетителей и проверив, крепко ли заперта входная дверь, заведующий отделением Иван Глебович Петрухин принялся расхаживать по длинному коридору и тереть лицо ладонями. За свою долгую практику видел он всякое, но такое...

— Саша! — рыкнул он на медсестру, высунувшую нос из ординаторской. — Я тебе где велел неотлучно находиться?

— В седьмой, Иван Глебович! — пискнула девчонка.

— А ты где шастаешь? Наблюдай за пациенткой, больше ничего. Поняла?

— Поняла, поняла.

Ответ сопровождался тяжким вздохом, потому что сидеть в седьмой палате было скучно. И немного страшно.

Выйдя из домика, выкрашенного в веселенький салатный цвет, Коровин со вздохом оглянулся на его зарешеченные окна. Разговаривали с ними официально, и диагноз, с которым упекли в сие скорбное заведение примадонну и ее бойфренда, сообщить наотрез отказались. Впрочем, диагноз неважен, куда важнее, чтобы им разрешили свидание. Причем, не позднее завтрашнего дня.

— Ну, что будем делать? — уныло поинтересовался Реми.

— Может быть, камень остался у Свидерко дома? — безнадежно выдвинула новую идею Ника.

— Нет, это исключено — судя по тому, что последняя трансформация произошла уже в театре, она его таскала с собой, — покачал головой усатый.

— Что это за тип? — ревниво шепнул Коровин на ухо девушке. — Откуда взялся?

— Он тоже заинтересован в том, чтобы найти рубин, — туманно ответила Вероника. — Смотри-ка, уже солнце садится.

— Пойдемте в ресторан, поужинаем, — уловил смену темы Вадим Игоревич, — все равно до завтрашнего дня мы ничего сделать уже не можем.

— А вот и можем.

С этими словами Ника устремилась обратно к справочному бюро. Толстая тетка-дежурная в связи с завершением рабочего дня уже собиралась

закрывать окошко, но когда в него просунулась запыхавшаяся Ника и спросила, привозили ли сегодня в больницу подкидыша из театра, мигом забыла о часах.

— Ах, ты, кукушка! — гневно заколыхалась она за стеклянной пергородкой. — Ах, ты, мерзавка!... — Потом мельком взглянула на подошедших следом за девушкой Коровина и Реми и прибавила обороты, обличающе тыча пальцем в их сторону: — Ишь, какие бессовестные! Понарожают тут...

— Ты, Михайловна, громкость-то убавь, — хмуро рявкнул бизнесмен. — Кого это я тебе рожал?

— Ой, Вадик, ты, что ли? — Тетка нашарила на столике очки и водрузила их на нос. — Так я не тебе. Это все она, прохвостка! Видано ли дело, от собственной кровиночки отказываться! А ну, марш, к главврачу, он так и сказал: как появится эта мамаша, сразу чтобы ко мне шла, гулена!

— Михайловна, — окончательно разозлился Коровин, — не мамаша это! Чего напустилась?

— А если не мамаша, чего ребеночком интересуется? — усомнилась дежурная. — Ну, я не знаю, главврача все одно уже нет, так что завтра приходите.

— Вы нам просто скажите, с ним все в порядке? — махнула рукой Вероника. — Жив, здоров?

— А чего ему сделается? Здоровенький такой мальчишечка, прямо загляденье. И какая ж зараза от такого отреклась?

— Никуда его отсюда отправлять не собираются?

— Пока тут побудет, может, еще сыщется кукушка-мать. А если нет, то у нас вона какая очередь на усыновление, только скажи.

Убедившись, что с младенцем-Петровичем все в относительном порядке, Ника решила, что на сегодня с нее хватит — ноги гудят, в желудке прямо-таки космическая пустота. Категорически отринув приглашение Коровина отужинать с ним, она попросила отвезти ее к дому Антонины. Реми испарился прямо с территории больницы, предупредив, что появится завтра и будет ждать ее с утра пораньше около психиатрического отделения. Нервно хихикнув по поводу места randevu, Ника загрузилась в джип.

Наконец-то жаркий и душный день сменился вечерней прохладой.

После чаепития и разгона, полученного от Петрухина, медсестра Сашенька вернулась в седьмую палату и уселась с книжкой на стуле в углу. Можно было спокойно почитать любовный роман. Время от времени она не забывала коснуться на лежавшую на кровати фигуру. Когда эту буйную старуху привезли днем, казалось, что она обычная их пациентка. Ну, съехала бабулька с рельс и впала в агрессию, вопит, что все вокруг подлые враги, такое бывает. А уж когда она про колдовство речь завела, все стало окончательно ясно.

Но Иван Глебович отчего-то занервничал, кому-то позвонил, после чего велел поместить старушку в отдельную палату и постоянно за ней при-

смаатривать. Пристегнули ремнями, чтобы на персонал не кидалась, укольчик сделали, все, как обычно. А потом Лиза-врачиха шепнула, округлив глаза, что старуха мнит себя не кем иным, как великой актрисой Анной Свидерко. Свидерко Сашенька помнила — та играла в трех спектаклях городского театра, на которые они когда-то ходили всем классом. Поэтому, вспомнив ее в роли Джульетты, медсестра только хмыкнула — да, солидный у старушенции закидон случился, на юную красавицу она уж никак не тянула.

Сашенька даже рада была, что ее определили в сиделки к рехнувшейся карге — толку в отделении от юной практикантки все равно мало, большей частью только под ногами путалась. Это понимала и сама Сашенька, существо неопытное, но объективное. Она придвинула стул поближе к кровати, на которой спала старуха, и углубилась в чтение. Внезапно раздавшийся скрежет панцирной сетки заставил медсестру оторвать взгляд от захватывающей интриги.

Старуха смотрела на нее широко открытыми водянистыми глазами в обрамлении сильно покрашенных ресниц и теней с модным отливом-металлик. Лежала спокойно, не пытаясь освободить притянутые к кровати широкими ремнями руки.

— Как тебя зовут? — облизав губы, спросила бабка.

— Саша. — Девушка закрыла томик и положила его на тумбочку. — Хотите пить?

Старуха кивнула, и медсестра поднесла к ее губам носик поилки.

— Саша, а где моя сумка? — выхлебав почти всю воду, спросила пациентка вполне нормальным голосом. — Куда ее дели?

— Не знаю, наверное, туда, куда все вещи складывают — в кладовую.

— Слушай, — прошептала старуха, — а ты можешь мне ее принести?

— Нет, что вы... — замялась Сашенька. — У нас нельзя, запрещено.

— Что запрещено? Причесываться и нос пудрить? Посмотри на меня, как я, по-твоему, выгляжу?

Медсестра невольно отвела глаза — вздыбленные волосы с экзотическим мелированием, размазанная по сморщенным щекам лиловая помада, на одном глазу тушь поплыла. Зрелище не для эстетов.

— Вот видишь, — едва не заплакала пациентка. — Чучело чучелом. А ведь я — женщина. Думаешь, приятно в таком виде лежать, когда сюда мужчины заходят? Представь себя на моем месте.

Сашенька ужаснулась. Вообразить себя на месте этой раскрашенной кикиморы она не могла и в страшном сне.

— Я только приведу себя в порядок, правда-правда, — умоляла ее старуха. — У меня в сумке косметичка и расческа, сама проверишь. И потом — ты же рядом будешь.

Медсестра заколебалась. По правилам, никакая косметика больным не полагалась, зеркала и прочие дамские мелочи могли быть опасны. Даже пластмассовые расчески. Но бедняжка так жалобно смотрела на Сашу, вздыхая и охая, что у той дрогнуло сердце.

— Вот что, — поколебавшись, предложила она. — Давайте, я вас сама причешу и приведу в порядок. Врачи не велят вам пока руки освобождать.

— Хорошо, — охотно согласилась старуха. — Только причесывай меня моей расческой, я ужасно брезглива. А руки... Ну, что же, потерплю. Неси скорее сумку, вдруг зайдет кто, я ж со стыда сгорю. — И она заморгала абсолютно честными глазами.

Сашенька выглянула в коридор. Вроде бы, никого нет. Кладовая находилась неподалеку и запиралась на навесной замок, ключ от которого находился у дежурной медсестры. То есть, у Саши — потому что Полина отпросилась у заведующего отделением сразу после обеда и свои полномочия передала практикантке. Ничего, отделение небольшое, справится.

Шмыгнув в кладовую, Сашенька обнаружила сумочку старухи почти мгновенно — она еще при поступлении запомнила ярко-розовый ридикюльчик, который у вновь прибывшей пришлось отбирать с боем, так она за него цеплялась. А тот старичок, которого вместе с ней привезли, кстати, тихим оказался, только озирался и носом шмыгал. Его в общую палату определили.

Схватив сумку и спрятав ее под халат, медсестра вернулась в палату. Там она достала из ридикюльчика небольшую щетку для волос и принялась приглаживать ею разноцветные вихры на голове старухи. Та морщилась, но терпела. Потом Сашенька намочила под краном полотенце и обтерла напоминающее сушеный инжир личико.

— Ну вот, совсем красавицей стали, — одобрила медсестра полученный результат.

— Нет, — закапризничала больная, — без зеркала не верю. Убедиться хочу.

— Тут нет зеркал, совсем.

— Достань, у меня в косметичке пудреница. Ну, пожалуйста.

Сашенька знала, что старушка не совсем нормальна, но сейчас она смотрела на нее беззащитными выцветшими глазками, да и руки у нее закреплены.

Нехотя медсестра полезла в сумочку — пахло из нее совершенно умопомрачительно — и достала овальную косметичку на молнии. Перламутровую. Сашеньке вещица ужасно понравилась. А уж содержимое... О таких изящных тюбиках и баночках можно было только мечтать. Какова старушка!

Осторожно открыв серебристую пудреницу, Саша поднесла зеркальце так, чтобы ее владелица могла себя увидеть. Увидела. Скукоженное личико затряслось, а из глаз градом полились слезы.

— Ужас... — донеслось сквозь рыдания. — Кошмар...

— Ну, не плачьте, — уговаривала старуху медсестра. — Ну, давайте, я вам еще губки подкрашу, а?

— Не хочу губки, — продолжала страдать несчастная. — Лучше дай мне подарок моего любимого... Последнее утешение....

— Это какой подарок? — растерялась Сашенька.

— Там, в косметичке подвесочка — красный шарик в оправе, — тихо запричитала старуха. — Дай мне на него хотя бы посмотреть.

Добросердечная Сашенька заглянула в косметичку — среди тюбиков с тональным кремом и коробочек с тенями действительно лежала прелестная безделушка. Алый шарик перекатывался в золотой клеточке, свитой в форме луковицы. К ее верхушке крепилась цепочка с колечком. Ухватив это колечко, медсестра достала подвеску, и та закачалась, разбрасывая розовые блики. Камень внутри напоминал пламя свечи.

— Эта?

— Да, да! — лихорадочно зашептала старуха. — Так хочется прикоснуться к ней хоть на мгновение. Умоляю!

Подумав, Сашенька осторожно опустила безделушку в согнутые пальцы. Все равно рука привязана, так что ничего страшного произойти не может.

— Спасибо... — Бабка вцепилась в подвеску, самозабвенно принялась ее ощупывать и гладить. — Спасибо, милочка...

В коридоре послышались голоса, и Саше пришлось быстренько ликвидировать следы нарушения — она сунула косметичку в сумку и спрятала ее в тумбочку. Потом, спохватившись, отобрала у пациентки подвеску и швырнула ее туда же. Кажется, успела...

— Тс-с-с... — приложила она палец к губам.

Старуха кивнула и закрыла глаза, делая вид, что спит.

Орландо сервировал ужин с рекордной скоростью — Вероника едва успела умыться и причесаться, а на ее тарелке уже красовалась здоровенная отбивная с жареной картошкой, солеными помидорчиками и листьями салата.

Ничего не скажешь, день у нее прошел нескучно. И неизвестно еще, что скажет Антония, когда узнает, что она вступила в альянс с Коровиным, а главное — с Реми, членом конкурирующего ордена. С другой стороны, старая актриса так и не сказала ей всей правды о рубине. Почему? Не доверяет или считает информацию излишней? При мысли об этом Нике становилось обидно.

Но виду она не подавала, и хотя карлик требовал, чтобы она вначале поела, а затем только приступала к рассказу, все же девушка успела изложить основные этапы розысков еще до чая. Антония слушала внимательно, изредка задавая вопросы, а когда дело дошло до Реми, обменялась с Орландо многозначительными взглядами. Затем оба уставились на шею Ники. Не по-

нимая, в чем дело, та опустила глаза и увидела, что черная цапля на кулоне стала серебряной — ослепительной, словно ее только что отшлифовали.

— Что это значит? — растерянно спросила она, прикасаясь к блестящей птице.

— Я заменю амулет, — засуетился Орландо. — Этот свое отслужил, можно выбрасывать. А означает это, душа моя, что кто-то вас сегодня весьма ловко обманывал, и, похоже, не раз.

Он полез в бюро и достал из него другой кулон — на этот раз черную прыгающую кошку-пуму.

— А сами-то вы меня не обманывали и ничего не утаили? — рассердилась вдруг Ника, вешая на шею новое украшение. — О ритуалах возрождения, о том, к примеру, что «Капля огня» имеет свойство возвращать молодость или, наоборот, старить того, кто к ней прикоснется во второй раз? Об ордене Феникса? Совершенно посторонний тип мне все это выкладывает, а вы все в партизан играете.

— Говорил я вам, сеньора, что нужно сразу было сказать все, как есть, — пожал плечами карлик. — Ведь девочка сильно рисковала...

— Да ладно тебе, — отмахнулась Антония. — Кто из нас не рисковал? Никуша, ты можешь еще раз подробно описать все, что произошло в театре? Когда именно и что.

— Я так поняла, что Анна Свидерко с утра пораньше явно помолодела и появилась на репетиции в самом радужном настроении. После чего начался обратный процесс, и около часа дня актриса представляла собой уже весьма пожилую особу, которую я имела сомнительное счастье видеть лично. В два ее увезли в больницу. Насчет омоложения Ступина ничего не известно, но... — Ника на минуту задумалась, что-то вычисляя, — но если тот дед и есть Ступин, то у него все происходило почти синхронно. То есть, они оба хватались за рубин примерно в одно время.

— Два часа, — заметил Орландо. — Цикл трансформации занимает примерно два часа. Значит, второе касание произошло около одиннадцати утра...

— Так быстро?

— Да!

— Тогда первое произошло около десяти... Ведь она не превратилась в грудного младенца, как этот самый... Петрович?

— Да, Петрович, — машинально подтвердила Ника. — Кстати, этот тип у вас был под видом газовщика?

Она достала из кармана изрядно помятую фотографию, на которой лысоватый мужичок был изображен в компании с прорисованной зеленым фломастером коброй, долженствующей означать зеленого змия. Брезгливо взяв двумя пальцами снимок, Антония кивнула.

— Итак, Петрович вполне мог после контакта с камнем отправиться в мастерскую, — продолжала Ника, — где и омолодился до последней стадии, если можно так выразиться. Но тогда он прикоснулся к рубину немного раньше, чем остальные.

Вероника вдруг замолчала, сообразив, что рассуждает обо всех этих немислимых вещах так, словно они действительно происходили. А что если это какая-то мистификация, затеянная для того... Для чего? Для того чтобы Антония на старости лет развлеклась, мороча ей голову? Такой вариант выглядел совсем уж диким и несообразным. Но она на всякий случай шепотом спросила:

— Скажите, а вы меня не разыгрываете? Это правда?

— Делать нам больше нечего, — возмутилась старуха. — Между прочим, завтра прибудет Магистр и... остальные, так что нам самое время валять дурака.

— Но вы сказали — завтра к полуночи, — удивилась Ника.

— В полночь я должна буду достать камень из шкатулки. И очень надеюсь, что он там будет. Теперь почти уверена. Только не думала, что его придется добывать из сумасшедшего дома.

— Фи, леди, — скривился Орlando. — Не из сумасшедшего дома, а из психиатрического отделения. Кстати, я как-то туда однажды наведывался, помните?

Обе Романовские оторопело уставились на карлика.

— Не помню, — покачала головой Антония.

— И, тем не менее, я там был по вашему же поручению — Розалии Игнатъевне коробочку пьяной вишни в шоколаде относил.

— Ах, да... было такое. Ну и что ты хочешь сказать?

— А то, что вы сами понимаете — ситуация пиковая, в этой богадельне камень может побывать в руках уймы людей. Но это — днем, а ночью — вряд ли... Ночью они там спать должны. Так что лучше действовать прямо сейчас. Я гарантирую, что смогу проникнуть туда, а вы тем временем на стреме постоите.

— Откуда ты только набрался этих кошмарных выражений? — мрачно вздохнула старуха. — Но ты прав. Придется попробовать, иначе завтра ситуация может стать критической. Еще кто-нибудь из психов сопрет камень...

— Если уже не спер.

— Типун тебе на язык!

Антония встала и шаркающей походкой направилась в прихожую. От дверей обернулась:

— Ну, что застыли? Едем!

— Прямо сейчас? — растерялась Ника. — Но ведь уже темно.

За окном вечерние сумерки сменились почти полной темнотой, на небе появились первые, самые крупные звезды.

— А чего ждать? Если Орландо сказал, что сможет туда влезть, значит, сможет. Ерунда дело.

Ничего себе, ерунда! Девушка вспомнила решетки и металлические двери с глазком и звонком. В темноте лезть куда-то, где содержат ненормальных...

— На всякий случай переоденьтесь в брюки, — шепнул ей Орландо. — Мне может понадобиться ваша помощь, принцесса. И... не забудьте амулет.

Ника послушно отправилась в отведенную ей комнату и сменила сарафан на бриджи и легкую кофточку. Босоножки, подумав, оставила те же. Раз уж эта парочка настроена так решительно, ей придется отправиться с ними. Хотя более всего ей хотелось сейчас укрыться с головой одеялом и спать, спать.

Ах, да, еще кулон. Теперь все.

Антония тем временем поверх платья облачилась в пунцовый шелковый кардиган и взяла в руки трость с серебряным набалдашником. В таком виде она стала напоминать итальянского кардинала.

Орландо уже вывел машину из гаража, и, увидев ее, Ника вздохнула — после джипа крошка «Ока» показалась ей размером с наперсток. Но разместились они довольно удобно. Антония, усевшись рядом с водителем, обозрела темный двор. Где-то играла музыка, орали коты.

— Трогай, — скомандовала старуха. — Вспомним прежние годы.

Она не стала уточнять, что именно имела в виду, но, судя по предстоящей операции, явно нечто неординарное.

До территории больницы они добрались быстро, причем въехали не со стороны главного корпуса — трехэтажного, с облупленным порталом, а откуда-то сбоку. Орландо остановил машину, заглушил мотор и, выскочив наружу, бросился открывать дверцу Антонии. Ника вылезла следом.

— Правильно место выбрал, — одобрила старуха, кивая на темный флигель. — Тут никого точно не будет.

— А что здесь? — спросила Ника, оглядываясь.

— Морг, — коротко бросил карлик. — А психиатрия чуть подалее, за деревьями. Ну, я пошел.

— А мы? — хором спросили его спутницы.

— Вы пока прогуливайтесь вокруг здания и прислушивайтесь. Если все будет тихо, ничего не предпринимайте. Охрана только на центральном входе, тут никого нет. А если я влипну, постараюсь позвонить. Мобильник у вас с собой, моя принцесса?

— С собой, — хлопнула себя по карману бриджей Ника.

Карлик кивнул и почти мгновенно исчез в темноте — только едва слышные звуки быстрых шагов обозначили направление его передвижения.

Выждав несколько минут, Вероника и Антония, не спеша, двинулись по дорожке. Старая актриса обстоятельно расспрашивала девушку о работе,

о спектаклях, и вскоре обе настолько увлеклись профессиональными разговорами, что почти забыли о том, зачем, собственно, они разгуливают в столь неподходящее время в не менее неподходящем месте. Морг остался позади, а в двухэтажном здании психиатрического отделения часть окон все еще светилась.

— Значит, в столице театры не бедствуют? — спросила Антония, останавливаясь под одним из них и всматриваясь в мелькающую за стеклом фигуру.

— Да, некоторые даже процветают, — улыбнулась Ника.

— Это хорошо. — Старуха остановилась и тростью указала на наполовину покрашенное белой краской окно. — А смотри-ка, там явно что-то не то происходит.

Вероника увидела, как отчетливо различимый женский силуэт в освещенном окне вначале заломил руки, а затем отпрыгнул и пропал из виду.

— Неужели Орландо заметили?

— Вряд ли. Хотя всякое может быть. Похоже, девушка побежала позвать кого-то на помощь.

Но Антония ошиблась. К тому моменту Сашенька — а это была именно она — побоялась бы к кому-либо обратиться, так как окончательно уверилась, что с ней случилось самое страшное — она заразилась безумием.

После вечернего обхода, во время которого привязанная к кровати пациентка старательно изображала спящую, медсестра вздохнула с облегчением. Все же она нарушила строгие правила — не давать пациентам никаких не разрешенных лечащим врачом предметов.

Иван Глебович посчитал пульс на запястье больной и одобрительно хлопал ее по порозовевшей щеке. Ресницы старухи даже не дрогнули.

— Поставьте ей на ночь еще вераниум, а утречком — капельничку, — проворковал заведующий отделением.

— А ремни уже можно отстегнуть? — осмелилась спросить Сашенька.

— Вот после капельнички и решим. — Петрухин поправил на больной простыню и, смилостивившись, объявил Саше: — После укольчика можно уже не торчать тут безвылазно. Но каждый часик обязательно заглядывай.

— Хорошо еще, что клизмочку не велел сделать, — выдохнула Сашенька, когда дверь за Иваном Глебовичем закрылась. — Все, ушли, можете не притворяться.

Но старушка не реагировала на ее слова. Медсестра прикоснулась к ее плечу и поняла, что та на самом деле крепко спит. И выглядит такой спокойной и безмятежной. Ну, и хорошо, можно не дергаться, а спокойно поужинать. Потом раздать лекарства, разложить таблетки на завтра, проверить другие палаты... Хорошо бы сегодня никто не бузил. Впрочем, контингент, кроме этой шепутной бабки, сейчас довольно спокойный.

Саша улучила момент, когда Петрухин зашел в следующую палату, поспешно достала из тумбочки розовую сумку и отнесла ее в кладовую — от греха подальше. Потом сделала бабушке укол, да так ловко, что та опять не проснулась. В этот момент кто-то поскребся в дверь. За нею топтался тот самый старикан, которого привезли вместе со старухой, старичок примерно ее возраста. Фланелевая пижама болталась на нем, как на вешалке.

— Как Анна? — вежливо поинтересовался старичок, потирая розовую лысину, покрытую редкими седыми волосами.

— Она спит, — ответила Сашенька.

— А можно мне немножко около нее посидеть?

Старичок говорил вполне спокойно и деликатно, и медсестра кивнула:

— Немножко можно. Только не будите, я ей успокоительное поставила.

Тут ее позвали из соседней палаты, и она вышла — буквально на пару минут. Как только дверь за ней закрылась, старичок, быстро взглянув на спящую и отметив ее цветущий вид, кинулся обыскивать палату. Первым делом он полез в тумбочку...

В девять часов разошлись почти все, кроме дежурного санитаря Кости, который засел на первом этаже смотреть футбол, и пожилой санитарки Пелагеи Николаевны, домывающей полы в коридорах. Пациенты были привычно разогнаны ею по палатам и довольно быстро уgomонились.

Сашенька сидела в крошечном холле в неудобном, обитом истертым в хлам дерматином кресле. Углубившись в новые перипетии романа, она забыла о времени, и спохватилась только тогда, когда Пелагея согнала ее, чтобы вымыть в углу.

Вздыхнув, медсестра отправилась проверить, как там старуха. Но вместо нее в седьмой палате на железной койке в куче тряпья, сунув в рот палец, мирно спала крошечная девчушка.

Сказать, что Сашенька онемела, означало не сказать ничего. Она точно знала, что ничего подобного в принципе быть не может, что не бывает у них в отделении младенцев, да и как бы эта кроха сюда попала в такой поздний час и через стальные двери? И куда делась старуха?

Подойдя на ватных ногах к кровати, Сашенька обнаружила, что ремни по-прежнему застегнуты, только теперь свободно болтаются по обе стороны железной рамы. На ребенка она почему-то боялась смотреть, было в нем нечто ненатуральное и пугающее. И почему она решила, что это девочка?

Сделав над собой усилие, медсестра склонилась над младенцем. Малыш как малыш, если бы не странные пегие волосики — светлые и красно-каштановые, и не густой слой туши на коротких ресничках. Господи, кто такое мог сделать?!..

Она подхватила голенького ребенка на руки. Это действительно была девочка. Куда бежать, кому сообщить о неожиданной находке? И куда все же исчезла лежавшая тут больная? Сама проснуться после укола она не могла и, уж тем более, освободиться. Может быть, это сделал старик? Как его — Ступин? Но он ушел сразу же, как Саша вернулась в палату, и больше на глаза не показывался. Сюда он незаметно пройти не мог, а после его посещения старуха по-прежнему спала!

И все же Сашенька, уложив девочку обратно и заботливо прикрыв простыней, помчалась в третью палату, где лежал старик. Там было почти темно — горел только тусклый ночник — и тихо, больные спали. Странно, но вместо знакомой лысоватой головы на подушке Саша увидела буйную рыжеватую шевелюру. Вместо старика на кровати лежал довольно молодой мужик, причем раньше его медсестра в отделении не видела. А ведь всех больных она уже знала наперечет: вот Кузин с паранойей, вот Червоненко с депрессией, у окна толстяк Мухаметшин с психозом. А Ступин-то где?

Саша бегом вернулась в седьмую палату, опасаясь, что ребенок может проснуться и заплакать или упасть с кровати. По виду младенцу было меньше года, и он спал без задних ног.

Все же придется звонить Петрухину — пусть приезжает и разбирается, откуда взялся ребенок, куда делись Ступин и бабка, выдававшая себя за Свицерко. Или Костю позвать сначала? Если кто-то входил и выходил из здания, он за это отвечает.

Или не звать? Саша застонала и прижалась лбом к холодной, выкрашенной голубой краской стене. Происходило нечто чудовищное, не поддающееся осмыслению. Что ей делать?! Перед тем как принять окончательное решение, она еще раз заглянула к старику. Теперь на его койке тоже спал ребенок — мальчишка лет семи или восьми.

Отчего-то Саша не удивилась, лишь внутри образовалась гулкая пустота, а в висках застучала кровь. Это безумие, это самое настоящее безумие... А ведь раньше она даже не задумывалась, как оно приходит. Вот так и приходит — она видит то, чего быть не может. Нет тут никакого ребенка и быть не может. Саша на цыпочках вышла из палаты и остановилась, напряженно вглядываясь в тускло освещенный коридор. Он казался ей незнакомым и страшным. И только Пелагея Николаевна привычно и обыденно гремела ведром где-то на первом этаже. И тут справа около лестницы мелькнуло что-то... Так и есть — еще один ребенок!

Интересно, почему считается, что сошедшим с ума должны мерещиться черти? Вот ей — дети, как ни странно. Хотя, что может быть более странным, чем осознавать собственное безумие?

С этой мыслью медсестра бросилась туда, где исчезла маленькая фигурка, выскочила на лестничную площадку и едва не завизжала: перед ней

с задумчивым видом стоял самый настоящий черт, со сморщенной мордочкой и с ног до головы черный.

— Тс-с-с... — сказал черт и приложил палец к губам.

В здание Орландо проник самым простым способом — взломав замок на двери подвала. Замок был огромным и древним, так что первая же отмычка подошла. Карлик ухмыльнулся, вспоминая давнего знакомца, обучавшего его навыкам домушника. Вот и пригодились.

Притворив за собой тяжелую дверь и подсвечивая фонариком, Орландо спустился вниз и оказался в настоящем лабиринте. Мало того, что тут была уйма труб и каких-то бездействующих агрегатов, так еще повсюду громоздились старые ржавые кровати, сломанные каталки, столы и стулья. Похоже, завхоз в психиатрии был настоящим Плюшкиным, не желавшим расстаться даже с портретом Брежнева и битыми унитазами. Луч света блуждал в этих дебрях, и вскоре Орландо стало казаться, что он останется тут навеки, не найдя обратной дороги. А потом он случайно толкнул хромоногий шкаф, и на него опрокинулась коробка с древесным углем. Радости, конечно, мало, но, по крайней мере, не с хлоркой или крысиной отравой. Уголь вполне безобиден, вот только вид после контакта с ним должен быть... Отплевываясь и отряхиваясь, карлик побрел дальше и, наконец, наткнулся на лестницу.

Орландо, представляя порядки в скорбном заведении, собирался банально пробраться в помещение, где складировают личные вещи больных, и попытаться отыскать там похищенный камень. Не так уж и много этих больных тут содержится — максимум человек тридцать, если не меньше.

Второй раз пришлось применить отмычки, чтобы открыть дверь из подвала на лестницу, ведущую на второй этаж. Тут он едва не нарвался на уборщицу, которая хлюпала тряпкой где-то совсем рядом, но каким-то чудом перепачканному углем карлику удалось прошмыгнуть наверх. Там Орландо перевел дух — все же года уже не те — и осторожно выглянул в коридор. Вроде бы, никого. Он в последний раз попытался стряхнуть проклятый уголь, чтобы не оставлять следов, а потом... потом его засекла девчонка в белом халате.

Деваться было некуда, и карлик постарался, чтобы девушка не подняла визг. Она и не подняла — просто широко раскрыла рот, вытаращила глаза и, отступив к стене, медленно сползла по ней на бетонный пол.

От рассказов о московских театрах перешли к просто разговорам, и Ника незаметно для себя выложила Антонию историю своей недолгой жизни — упомянув и отца с мачехой, и Степана. Старуха слушала внимательно, словно что-то взвешивая, но молчала. Они делали уже четвертый или пятый круг вокруг здания, а время близилось к полуночи. Никакого

движения внутри не наблюдалось, а вокруг царила тишина — такая, какая бывает летней ночью в безлюдном месте.

Внезапно, заставив их вздрогнуть, послышался скрип давно несмазанных петель и голос Орландо:

— Сюда, светлые донны! Идите быстрее сюда!

Вслед за этим распахнулась подвальная дверь, и мелькнул луч фонарика. Когда Ника и Антония приблизились, то на ступенях, ведущих в черную тьму, кроме карлика, обнаружилась совсем юная девушка в белом халатике, с сумкой через плечо и с двумя спящими младенцами на руках.

— Холера! — в сердцах выругалась Антония, уставившись на кое-как завернутых в простыни детишек. — Они что, во второй раз до камня добрались?

— Это я виновата, — всхлипнула девушка. — Я же не знала...

— Не реви, — шикнул на нее Орландо, — разбудишь! Надо их в машину отнести.

— Давайте мне одного, — растерянно предложила Ника, рассматривая лицо карлика, выглядевшее в лунном свете весьма экзотично. Взяв на руки довольно увесистый сверток, из которого торчала разноцветная головка, она потащила его к «Оке».

— Орландо, бери второго, — скомандовала Антония. — А ты, милая, лучше забудь все, что видела и слышала.

— Постараюсь, — шмыгнула носом Сашенька и отдала ей сумку. — Скажу, что удрали больные ночью, пусть премии лишают.

— Это еще не самое страшное в жизни, — философски изрекла старуха и довольно шустро устремилась к машине. Догнав карлика, неумело прижимающего к груди мальчугана-Ступина, спросила: — «Капля огня» с тобой?

— Со мной, примадонна, — пропыхтел Орландо. — Знали бы вы, чего стоит успокаивать нервных девиц...

Когда Сашенька открыла глаза, черт был на месте, никуда не делся. Наоборот, он сидел рядом на корточках и похлопывал ее по щеке. Увидев, что медсестра пришла в себя и готова заорать от ужаса, черт беспокойно улыбнулся и принялся ее уговаривать:

— Тихо, тихо... Я сейчас все объясню. Только не кричите, прошу вас.

Закатив глаза, Саша кивнула. Собственно, что ей терять, при ее безумии? Ну, выслушает черта, ничего особенного.

— Меня зовут Орландо, — сообщил «посланец ада». Девушка кивнула. — И мне нужно узнать, где палата старухи, которую привезли сюда днем, и где ее вещи. Сумочка, понимаете? — Девушка опять кивнула, но осознанности в ее глазах не прибавилось.

— Скажите мне, — терпеливо продолжал черт, — вы видели эту женщину? Где она, где ее вещи?

— Я сошла с ума, — внезапно улыбнулась Сашенька и протянула руку. Орландо с некоторой опаской пожал ее. Неужели перед ним не медицинский работник, как он решил при виде белого халата, а одна из ненормальных пациенток?

Оглядев испачканные после рукопожатия пальцы, Саша улыбнулась еще шире и сообщила:

— А бабка исчезла. Испарилась. — Она неумело присвистнула, изображая процесс испарения бабки, и добавила: — И старик тоже. А на их койках дети спят. Ма-аленькие.

Орландо застонал. Худшие их с Антонией предположения начали сбываться — «Каплю огня» хватает, кто попало.

— А кроме этого, больше ничего необычного не произошло?

— Ничего, если не считать тебя, чертик.

— Какой я тебе чертик? — обиделся Орландо. — Я такой же человек, как и ты.

— Черненький чумазенький чертенок, — не согласилась девушка.

— Ладно, оставим эту тему. Лучше скажи, ты знаешь, где лежат вещи той бабки, которая — фьють!

— Розовая сумочка? С косметикой?

— Да, да, сумочка — где она? Времени у меня мало, давай быстрее вспоминать. И ради всех святых, выбрось из головы идею о своем сумасшествии, она только мешает.

— В кладовке сумка, — охотно ответила Сашенька. — Я ее обратно в кладовую отнесла. Показать?

— Показывай! — Орландо помог девушке подняться с пола и заботливо отряхнул ее халат. — Ну что, не ушиблась?

Ощущая себя в бредовом сне, Сашенька покачала головой и безропотно отвела черта в кладовую.

Порывшись в розовой сумочке, тот разочарованно обернулся:

— Тут должна быть такая штука с камешком.

— Золотая луковка? С цепочкой? — удивилась медсестра. — Она там лежит, в косметичке.

— Ее тут нет.

Девушка на минуту задумалась. Потом, что-то вспомнив, бросилась вон из кладовой. Карлик с ридикюлем под мышкой — за ней. Вбежав в седьмую палату, Орландо на цыпочках подошел к кровати и с любопытством посмотрел на младенца. Ничего особенного — дитя как дитя, только раскрашенное.

Сашенька тем временем в недоумении застыла перед открытой пустой тумбочкой.

— Я же ее сюда положила. В последний момент сунула, торопилась, потому что Петрухин сюда шел. — Она даже наклонила казенную мебель и покачала — безрезультатно.

— Ты говорила, что ребенок не один? — шепотом спросил карлик. — А где еще ?

— В третьей палате еще один. Но откуда они взялись?..

— Оттуда. — Орландо озабоченно нахмурился. — Пошли, пока его остальные пациенты не заметили, или он сам не проснулся.

— Не заметят, у нас все спят крепко. — Сашенька закрыла тумбочку и глянула на кровать. — Им таблетки такие дают или уколы ставят.

— Все равно спешить надо.

— Может быть, ты мне все же объяснишь, что происходит? И вообще, кто ты такой? Хвоста же нет, — спросила медсестра, обходя маленького человечка со всех сторон.

— Нет у меня хвоста и никогда не было! А объясню — потом, потом... — Орландо выглянул в коридор. — Нет никого, пошли.

«Капля огня» обнаружилась в кармане куртки застиранной больничной пижамы, в которой спал розовощекий малец. Возрастом он не отличался от девчушки из седьмой палаты, но был более упитанным и щекастым.

Орландо нащупал камень через фланель и осторожно достал его, предварительно обмотав руку грязным носовым платком. Саша с открытым ртом наблюдала за его манипуляциями. Спрятав рубин в ридикюль Анны Свицерко, карлик кивнул на ребенка и прошептал:

— Упакуй его... То есть заверни во что-нибудь, придется их обоих унести отсюда.

— Зачем? — испугалась медсестра. — И куда?

— Да не бойся, ничего страшного больше не будет. Хочешь, я тебе расскажу сказку, но только по дороге. Договорились?

Сашенька кивнула. А что ей оставалось делать? Пока она пеленала в простыни обоих карапузов, а затем по пути в подвал, Орландо старательно пудрил ей мозги сочиняемой на ходу научно-фантастической историей про секретных ученых и изобретенный прибор по изменению возраста. Собственно, врал он не так уж и много, но особо напирал на сохранение тайны, так что вскоре девушка уверилась, что явившийся ей бесхвостый черт не кто иной, как сотрудник каких-то спецслужб, и запаниковала. Но тут они отыскивали выход из подвала, и появление Ники и Антонию Сашу слегка успокоило.

Когда же странная компания исчезла, унося младенцев, натерпевшаяся страха медсестра уселась на бетонные ступени и долго сидела, приходя в себя. Потом включила оставленный Орландо фонарик и побрела обратно. Завтра предстоял кошмарный день — со скандалом и объяснениями с Петрухиным, но все это — завтра. А сейчас ее хотелось только

одного — добраться до дивана в ординаторской и уснуть. Может быть, когда она проснется, окажется, что ничего и не было?

Крошечный автомобильчик мчался по улицам ночного Репьевска. Орландо подгоняли сердитые крики, доносящиеся с заднего сиденья. Это проснулся один из младенцев — Ступин. Растерянная Ника, пытаясь его успокоить, подхватила орущее дитя на руки и тут же поняла причину воплей — пеленки были насквозь мокрыми. Вот ужас-то...

— Что делать будем, сеньора? — панически вопрошал карлик, но старуха молчала, размышляя. Они и так уже накуролесили более чем достаточно, нарушив кучу запретов и совершив огромное количество ошибок. Что завтра скажет Магистр и остальные члены ордена, даже подумать было страшно. Хотя она давно ничего не боялась — разучилась, наверное.

— Сейчас едем в дежурную аптеку, — наконец решила Антония. — За памперсами. Кажется, это на Тракторной.

— На Бульдозерной, — поправил ее Орландо. — А потом?

— Потом — сообразим. К нам — нельзя, они же после трансформации непременно скандал устроят... А нам завтра не до посторонних скандалистов будет.

Ника не совсем поняла, о чем говорит Антония, да и подумать ей не дали — внезапно навстречу им из переулка вылетело что-то темное и, как показалось Нике, огромное. Взвизгнули тормоза, «Ока» вильнула и остановилась. Из перегородившего ей дорогу микроавтобуса выскочили люди в черном и с накинутыми на головы капюшонами. В одном из них Ника с удивлением узнала Реми.

— Вот и фараоново семя пожаловало! — фыркнула Антония. — А кто-то еще утверждал, что о нас все забыли. Попробуем уйти?

— Поздно, миледи, — обернувшись, покачал головой карлик — сквозь заднее стекло светили фары другого автомобиля, из которого тоже вываливались какие-то типы. — Их слишком много.

Вероника прижала к себе младенцев — и ревущего, и спящего. Происходящее казалось дурной калькой с какого-то боевика. Теперь вокруг их крошечной машины, дверцы которой Орландо молниеносно заблокировал, суетилась целая куча народа, о чем-то споря, ругаясь и размахивая руками. Кто-то уже пустил в дело и кулаки. А то, что никто еще ни в кого не стрелял, казалось просто режиссерским упущением. Антония словно из ложи бенуара наблюдала за происходящим, сохраняя ледяное спокойствие. И только раз она заметно напряглась — когда посреди поднявшейся кутерьмы из подъехавшего третьего автомобиля выбралась высокая сутулая фигура. Несмотря на теплую погоду, фигуру венчала широкополая шляпа.

И сразу же всех остальных словно ветром размело в стороны. В свете фар остался только растерянный Коровин, которого Ника узнала по развороту широких плеч. Показалось ей или нет, что он только что дал кому-то в зубы? Наверное, показалось.

Когда Магистр подошел к машине, Антония вздохнула и щелкнула кнопкой на дверце. Ну, что же, она готова к объяснениям. Притихший карлик, казалось, стал еще меньше и постарался запихать поглубже под сиденье розовую сумочку. Даже орущий младенец внезапно умолк и принялся деловито пускать пузыри.

— Ты должен был приехать завтра, — ворчливо приветствовала Антония Магистра, когда он распахнул дверцу с ее стороны.

— Это меня Миллер надоумил проверить, как вы тут. Уж больно у него глаза хитрые были, — довольно миролюбиво отозвался Магистр.

Ника во все глаза смотрела на него — резкие черты лица, крупный нос и белоснежные волосы под темным фетром. Видно было, что этот далеко не молодой человек привык повелевать. И, несмотря на возраст, излучал такую мощь, что остальные невольно отступали перед ним.

— Кто это? — шепотом спросила она у карлика, пока Антония, опираясь на галантно протянутую ей руку, выбиралась из машины. Даже не выбиралась — она выходила из «Оки», словно из золоченой кареты.

— Магистр, — одними губами ответил Орландо. А когда колоритная пара удалилась, добавил: — Сейчас начнется...

— Что начнется? — не поняла Ника, которой казалось, что все, слава богу, уже вроде как и закончилось.

— Выяснение тысячелетних отношений, — хмуро пояснил карлик. — И ведь каждый раз одно и то же, а все равно привыкнуть не могу.

— Тысячелетних... — ахнула девушка. До нее только сейчас начало доходить, что в суете она не обратила внимание на главное: период возрождения — шестьдесят лет, но сколько таких периодов за плечами Антонии и Орландо?

— Не сверлите меня взглядом, моя юная леди, — взмолился карлик, — я вообще в орден случайно попал. Хотя... Так почти со всеми было. Знаки судьбы, как говорит примадонна. Или вечный крест — каждый решает для себя. Нас осталось слишком мало — и, большей частью, это не судьба, а сознательный выбор. Тот, кто не хочет продолжать, просто не является, и все.

Ника поняла, что он имеет в виду. Как бы она сама отнеслась к тому, что нужно начинать все заново? Шестьдесят лет — много это или мало? Ей казалось — вечность. Кем был Орландо тогда — в глубине веков? А Антония?

— Значит, она не моя бабушка, и не прабабушка?..

— Ваша, принцесса, можете не сомневаться, — улыбнулся Орландо. — Вы — ее кровь и наследница. А уж в каком колене — неважно. Впрочем, вы скоро сами в этом убедитесь — сходство между вами просто поразительное.

Потом он опустил взгляд — на него, безмятежно размахивая ручками, таращился щекастый младенец. Но карлику в этом взгляде почудилась укоризна.

— И что будет дальше? — Ника вытерла уголком простыни слюнявый ротик малютки. — С ними, к примеру?

— А с ними — с ними все будет нормально, раз уж Магистр лично пожаловал. Завтра к утру станут даже лучше, чем были. А вот с третьим как быть? С Петровичем этим?

— Понятия не имею, — честно призналась Ника. — Мы говорили об этом с Антонией. Она считает, что за фокусы с театральным париком и кражу надо бы оставить, как есть — может, человеком вырастет, а не пьяницей и воришкой.

— Но тогда мы так и не узнаем, кто навел эту троицу на «Каплю огня», — не согласился Орландо. — А ведь кто-то это сделал...

— Думаю, я вычислила этого человека, — вздохнула Ника. — Хотя он мог сделать это не специально.

— И кто же это?

— Макс Прибытков, часовщик. Собственно, я это поняла, когда вечером еще раз взглянула на шкаф.

Орландо нетерпеливо заерзал на сиденье:

— Не томите, сеньорита!

— Помните, я рассказывала, что на мой вопрос о том, не заметил ли Прибытков чего-нибудь странного во время последнего посещения, он сказал, что его удивило то, что ключ от часов валялся под шкафом?

— Если бы вы, моя принцесса не были столь юны и прелестны, я бы сравнил вас с мисс Марпл! — рассмеялся карлик, хлопнув себя по колену. — Как я сам не заметил несообразность — ведь у нашего шкафа нет ножек, он стоит на полу на толстой резной доске, так что валяться под ним ничего не может в принципе.

— Вот именно, — вздохнула Вероника. — Так что врал Максим Кузьмич, извините, как сивый мерин. Возможно, он действительно искал ключ от часов, который утащил попугай. И в поисках его заглянул в шкаф, из любопытства развернул весьма приметный алый платок и открыл деревянный ларец. А когда я его стала расспрашивать, испугался, что вы с Антонией можете что-то вспомнить, вот и соврал, что крутился около шкафа, но внутрь не лазил.

— Театрал чертов! — сердито буркнул Орландо.

— Да, именно театрал, к тому же, любитель почесать языком. Вполне мог заглянуть в театр и проболтаться Анне Свидерко, к которой весьма неровно

дышал, что видел у Антонии старинную драгоценность. Тема-то для Свидерко весьма интересная. Ну, и алчная примадонна подговорила Петровича похитить для нее рубин ... Кстати, как его фамилия, этого Петровича? Впрочем, неважно. Взять в театре любой парик и накладные усы не проблема, а удостоверение он позаимствовал у настоящего газовщика Кузина.

— А почему же он передал камень Свидерко только сегодня утром?

— Понятия не имею. Может быть, о цене договориться не могли, или Ступин не одобрял идею своей подружки и не соглашался платить за краденую вещь. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем правду. Но факт в том, что Петрович именно сегодня утром передал «Каплю огня» Свидерко и Ступину. А заодно каким-то образом и сам дотронулся до камня. Кстати... Орландо, рубин ведь сейчас у вас?

— У меня, — кивнул карлик. — Я могу вам его показать.

— Нет, не нужно, — поспешно ответила Ника. Уж лучше пусть «Капля огня» останется для нее чем-то мифическим, нереальным. Она попросту опасалась этого камня.

— Как скажете, сеньорита. — Орландо помолчал и вздохнул: — Ну вот, они, кажется, договорились и идут сюда. Лучшая пара королевства...

Нику так и подмывало спросить, какого именно королевства, но почему-то она была уверена, что ответа не получит. Узенькая улочка провинциального Репьевска, покрытая выщербленным асфальтом, кусты, заборы и стоящие машины... И неторопливо шествующая величественная пара — Магистр и Антония.

Все остальные разделились на три группы и ждали. Никто уже не смел продолжить стычку. Да и смысла не было. Но вот высказать кое-что одному человеку Нику все так и подмывало.

— Предатель! — рявкнула она, опустив стекло, когда рядом с их машиной появился Реми. Выглядел он слегка ошалевшим, отводил глаза.

— Обманщик! Морочил мне голову, а сам... Ты хоть подумал, что может быть от твоей самодеятельности? — не унималась Ника. — Признавайся, кто ты на самом деле?

— Верховный жрец ордена, — буркнул Реми, ковыряя кроссовкой асфальт. — Хранитель «Капли льда». И не слишком-то много я врал... Ладно, не вышло сейчас, получится потом.

— Брысь! — щелкнул пальцами подошедший Магистр. — Никакого объединения не будет!

— Подождем, — невозмутимо ответил усатый и поклонился. — Миллер — человек упорный.

— Мы в курсе, — усмехнулась Антония.

— И все же, что будет, если соединить «Каплю огня» и «Каплю льда»? — тихонько спросила Ника у карлика.

— А вы, душа моя, еще не догадались? — усмехнулся Орландо. — Капля воды, ничего иного. Ну, возможно, воды будет чуть побольше — с полстакана... И только глупцы и невежды могут считать, что при соединении получат «Каплю тьмы» — самый могущественный артефакт в мире. Но это ерунда, поверьте. Миллер носит с этой авантюрой много лет и всем успел изрядно надоесть. Кстати, фамилия Реми — Миллер. Но думаю, что вы уже и сами догадались о его истинных намерениях. Проверьте-ка пантеру.

Ника потянула за цепочку кулон и поднесла его к глазам. Темный.

— Умница, — одобрил карлик. — Научилась не доверять первому встречному.

— Особенно брюнетам, — хмыкнула Антония, заглядывая в машину и прислушиваясь к их разговору. — И в особенности фараонову племени. Пусть курагой лучше торгуют, черти окаянные.

Миллер хмыкнул, обжег Нику взглядом темных глаз и исчез в темноте. Через минуту взревел мотор, и микроавтобус, чихнув выхлопными газами, умчался. Алый джип с Коровиным и несколькими его приятелями отбыл вслед за ним.

— За памперсами уже послано, — морщась и принохиваясь, сообщил Магистр. — После этого я попробую навести порядок с этими жуликами. Сейчас третьего привезут. Устроили они тут...

С этими словами он сделал козу крошке-Ступину, а тот в ответ загукал.

— Тогда мы, с твоего позволения, поедem домой, — спокойно, почти безразлично произнесла Антония. — Надо отдохнуть перед завтрашним днем.

— Как скажешь, — пожал плечами Магистр. — Встретимся после захода солнца. Как всегда.

— Да, как всегда.

Нике показалось, что глаза старика потаенно сверкнули. Кажется, она угадала их тайну — каждые шестьдесят лет для них заново начинается то, что неизбежно приводит к расставанию. И каждый раз есть шанс, что что-то изменится. А Орландо? Вот уж у кого отважное и терпеливое сердце.

— До завтра, мастер, — буркнул карлик, по очереди беря младенцев из рук Ники и передавая их людям из сопровождения Магистра.

— До завтра, король шутов, — сдержанно улыбнулся старик. — А с вами, прекрасная дева, мы увидимся теперь не скоро. — Он легонько взял ладонь Ники, поцеловал кончики ее пальцев и повторил: — Не скоро... Но увидимся.

Затем поклонился, и, сутулясь, пошел прочь.

— Вот и все, — произнесла Антония, когда они вошли в наполненную знакомыми запахами и шорохами квартиру. — Вечно ты, Орландо, паникуешь.

— Кто, я? — изумился карлик, помогая старухе сбросить кардиган и принимая у нее из рук трость.

— Ну, не я же.

В старинном зеркале Ника уловила мимолетную улыбку Орландо — саркастическую и, одновременно, довольную. На тумбе под зеркалом лежала перламутровая косметичка, которую карлик использовал как футляр для «Капли огня», вытряхнув содержимое в розовую сумочку и передав ее вместе с младенцами. Интересно же будет чувствовать себя Анна Свидерко, проснувшись в памперсе и с ридикюлем! Девушка невольно рассмеялась.

Станным казалось, что только сегодня утром она приехала в Репьевск и оказалась в центре невероятной истории с похищением древней реликвии, коварным жрецом и какими-то сложными и запутанными взаимоотношениями двух тайных орденов. А, может быть, ей все это приснилось? Сейчас она откроет глаза и окажется в собственной постели... Но, словно окончательно опровергая эту мысль, в кармане запищал мобильник. В трубке раздался голос Коровина:

— Вероника, извините, если я сделал что-то не так. Но я не мог не проследить за этим подозрительным Реми, и когда увидел, что он готовит на вас засаду, вмешался. Возможно, зря. Вы меня простите?

— Прощаю, — с легкостью произнесла Вероника. — Кстати, завтра Антония ждет вас к обеду, чтобы подписать документы на продажу квартиры. Ваша мечта исполнится.

— А еще одна мечта? — томно вздохнул Коровин. — Ника, надеюсь, вы сможете уделить мне ближайший вечер?

— Увы, Вадим Игоревич, — вынуждена была разочаровать его Ника. — Завтра вечером я буду уже далеко отсюда.

— И это никак нельзя изменить?

— Может быть, и можно, но я не знаю, как.

Она тихо засмеялась. Сегодняшняя ночь внесла значительные коррективы в ее представления о том, что в этом мире может случиться, а что — нет. Может наступить момент, когда лично тебя коснется самое настоящее чудо — пусть краешком, легким дуновением, и ты даже не поймешь — было это или не было.

В старом доме, в пахнувшей натертым паркетом, кофе и табачным дымом квартире тихо переговариваются старая актриса и ее верный паж по имени Орландо. А завтра... Что будет завтра, уж тем более, послезавтра, когда свершится летний солнцеворот, можно было только догадываться.

И почему-то Ника была уверена, что они расстанутся совсем ненадолго. Однажды, может быть, через неделю, а, может быть, через месяц или год, она услышит в телефонной трубке знакомый голос. И неважно, чей это будет голос — Антонии (интересно, сохранит ли она в новой жизни свое необыкновенное имя?) или Орландо?

Хотя Орландо вряд ли так быстро позвонит, ведь послезавтра ему будет всего пять лет... □

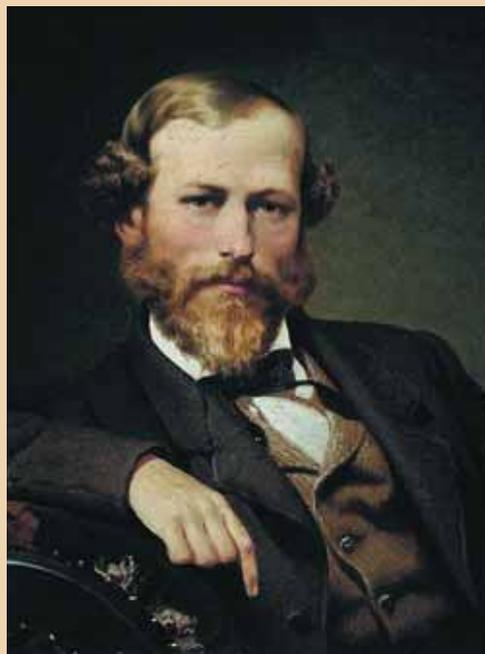
Ирина Опимах

История

Т КНЯЖНЫ Таракановой

В искусстве, да и в литературе, часто бывает так, что имя автора остается в памяти людей благодаря лишь одному произведению. Создав нечто яркое, неординарное, художник оказывается, по тем или иным причинам, не способным развить свой талант и превзойти себя в дальнейшем. Так случилось, к примеру, с Иваном Фирсовым («Юный живописец»), с Василием Пукиревым («Неравный брак»), и это же произошло с Константином Флавицким, чье полотно «Княжна Тараканова» не оставляет равнодушными посетителей Третьяковской галереи уже не одно десятилетие...

Константин Дмитриевич Флавицкий родился в Москве 13 сентября 1830 года в семье чиновника Государственного контроля. Вскоре семейство Флавицких переехало в Петербург. Судьба отнеслась к маленькому Косте довольно жестоко с самого начала — в 1839 году отец Кости умер, оставив на руках безутешной вдовы пятерых детей. Денег на всех не хватало, а потому Костя и его старший брат попали в воспитатель-

ный дом для бедных. Но, удивительное дело, — нашлись люди, которые заметили у этого воспитанника детского дома явные способности к рисованию, и ему дали возможность посещать открывшуюся на Бирже рисовальную школу. Потом Флавицкий стал пенсионером Общества поощрения художников, а затем и студентом петербургской Академии художеств. Его учителем был сам Ф.А. Бруни, в те годы очень извест-

ный и уважаемый живописец. В 1855 году талантливый юноша закончил Академию с большой золотой медалью — он получил ее за картину «Дети Иакова продают своего брата Иосифа». Счастливые обладатели этой высокой награды получали право на заграничную поездку — дабы ознакомиться с шедеврами европейского искусства и развить собственные навыки. И Флавицкий уезжает в Италию, эту мекку всех художников. Итогом шестилетнего пребывания в Италии стало большое полотно «Христианские мученики в Колизее» (1862 г., Русский музей). Итак, Рим конца I века н.э. На арене Колизея устраиваются то бои гладиаторов, то публичные казни первых христиан, которых отдавали на растерзание зверям. И те, и другие зрелища вызывают пылкий восторг публики... Художник изобразил на картине момент, когда стражники открывают двери на арену, и христиане выходят на встречу со смертью. В те годы кумиром всех русских живописцев был великий Карл Брюллов, и не удивительно, что Флавицкий тоже поддался влиянию этого большого мастера. Ему очень хотелось создать нечто вроде брюлловского «Последнего дня Помпеи», но в результате у молодого художника получилось откровенно слабое, вторичное, со многими сознательными (или бессознательными) заимствованиями полотно.

Это тут же заметил В.В. Стасов, увидевший картину на очередной выставке Академии. «Зачем Флавицкому подражать, зачем ему по-

вторять кого бы то ни было? — писал знаменитый критик. — У него есть свой запас фантазии, уменья; у него есть своя собственная способность к характеристике — и это он ярко доказал... Наконец, у него есть свое сокровище душевного огня, страсти, пламенного порыва, что так редко встречается у наших исторических живописцев». А Крамской — тот вообще разругал картину Флавицкого, назвав ее «трескучей и театральной, лишенной всякого самостоятельного отношения к действительности». Неудача была очевидна, и потому Флавицкий не получил звание академика, а был признан лишь почетным вольным общником Академии, и с большим трудом добился разрешения пользоваться мастерской при условии, что освободит ее по первому требованию.

Но молодой художник не отчаялся, а, прислушавшись к своим критикам, приступил к новой работе. На сей раз он и тему выбрал вполне актуальную, из недавнего прошлого России — его героиней станет легендарная княжна Тараканова, прекрасная, свободная и свободолюбивая, ярый враг царской короны, восставшая против нее и погубленная ею. Тогда вокруг нее ходило множество слухов и предположений, но точно, кто она, каково ее настоящее имя, что она делала в жизни и как закончила свои дни, не знал никто — все документы, относящиеся к ее делу, были фактически засекречены. Широкой публике было известно лишь одно: княжна Тараканова была од-

«Христианские мученики в Колизее»

ним из самых опасных врагов могущественной Екатерины II. Говорили, что она дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа Алексея Разумовского (фамилия племянников Разумовского, которых он воспитывал как своих детей, была Драгановы, из которой и получилась Тараканова.)

В 1770 году в Киле, столице герцогства Гольштейн, появилась фройляйн Франк очаровательная дама лет 25 — стройная, темноволосая, с большими выразительными глазами, говорившая почти на всех европейских языках. Рассказывала она о себе разное — в зависимости от того, что хотелось услышать тем, кто ее расспрашивал. И тут возникали и персидский вельможа, и черкесский князь (в соответствии с тогдашней модой на все восточное), и ушедшие в мир иной родители — немецкие ари-

стократы... Уже гораздо позже агенты российской императрицы провели свое расследование, и возникли совсем другие версии ее происхождения: она могла быть дочерью пражской трактирщицы или нюрнбергской булочницы, а то и вовсе итальянской куртизанки. Но вот где она научилась такому благородному обхождению и языкам? На этот вопрос ответа не было, а потому сразу возникла еще одна версия — она действительно дочь высокородных родителей, а может, и самой русской царицы, то есть внучка Петра Первого!

Скорее всего, фройляйн Франк действительно была дочерью какого-то дворянина — итальянского или немецкого, который и дал ей некое образование. И видно, ей почему-то показалось, что ее ждет необыкновенная судьба, и она пустилась во все тяжкие... Из Киля переехала в Бер-

«Итальянка»

лин, затем, видно, после какой-то неприятной истории, оказалась в Генте, уже под именем фройляйн Шелль. Тут она обворожила голландского купца ван Турса, который потерял из-за нее все свои капиталы — юная красавица очень любила дорогие украшения и наряды. Вместе они вынуждены были бежать от кредиторов в Лондон, где обнищавший ван Турс нашел замечательный способ поправить свои дела — он принялся сдавать свою подругу на время богатым лондонским распутникам! И вот один из них, барон Шенк,

решил взять хорошенькую фройляйн с собой в Париж. Теперь нашу героиню уже звали принцесса де Володомир. В столице Франции у нее появились новые воздыхатели — сначала польский гетман Михаил Огинский в изгнании, а затем — граф Рошфор, которой везет ее в немецкое графство Лимбург-Штирум. Жертвой очаровательной «принцессы» стал и тамошний граф Фердинанд, который из ревности посадил в тюрьму и Огинского, и ван Турса. Обезумевший от любви, пылкий граф предложил ей руку и сердце — и маленькое граф-

ство Оберштейн. Дело осложняли два момента: бедность жениха и отсутствие доказательств высокого происхождения невесты. И тогда знакомые поляки, хорошо знавшие ситуацию с самозванцами в России, предложили ей объявить себя наследницей русского престола, а за отказ от претензий на корону потребовать от русских властей хорошей денежной компенсации. План был блестящий, и вскоре по Европе пошли слухи, что в Оберштейне живет принцесса Елизавета Владимирская, истинная наследница русского престола.

Узнал об этом и польский граф Кароль Радзивилл, решивший использовать самозванку, дабы сохранить свои земельные владения от угрожавшей им российской аннексии. Снабдив мнимую принцессу немалой суммой, он отправил ее в Венецию, где она была удостоена аудиенции Папы Римского и французского посла. Эти уважаемые господа и стали первыми слушателями ее фантастической и «очень правдивой» истории: она — единственная дочь императрицы Елизаветы, и именно ей завещала дочь Петра русский престол, а коварная Екатерина обманом захватила власть. Но правда восторжествует, и сейчас ее родной брат Пугачев воюет за то, чтобы она оказалась на российском троне. А уж став императрицей России, она обратит свою родину в католическую веру и сделает все, что нужно европейским монархам. Дама была вполне убедительна — и слеза вовремя появлялась на ее прекрасных глазах, и в голосе зву-

чали мольба о помощи и гордость аристократки. Все бы хорошо, да только европейские дипломаты, дав ей немного денег, которые она, разумеется, быстро спустила на дорогие безделушки, не спешили ей поверить...

Летом 1774 года княжна появилась в Дубровнике (тогда он назывался Рагузой и принадлежал туркам). Не найдя нужной поддержки у европейских правителей, она написала послание турецкому султану, воевавшему с Россией, — теперь княжна обещала, если он ей поможет, отдать туркам «их» земли и обратить Россию в ислам. А еще, на всякий случай, написала и российскому вице-канцлеру Александру Голицыну — мол, готова отказаться от трона, если ее жениху будет пожаловано герцогство Гольштейн, которым владела Россия. Однако ответа не было ни с востока, ни с запада... Оставалась надежда на поляков, но Радзивилл вскоре помирился с русскими и забыл о прекрасной княжне. И тогда она написала графу Алексею Орлову: ей донесли, что он недоволен Екатериной, увлекшейся Григорием Потемкиным, и может быть полезен — ну, хоть как-то поспособствует в ее авантюре. Получив власть, обещала княжна, она обязательно его отблагодарит. Однако Орлов проявил себя настоящим патриотом — он тут же доложил в Петербург о письме и изъявил желание наказать самозванку. «Навязал бы ей камень на шею и в воду», — писал он матушке-императрице. Екатерину действительно сильно тревожила эта девица — еще не было

подавлено восстание Пугачева, да и кроме него у России было множество врагов, каждый из которых мог захотеть использовать принцессу Владимирскую в своих целях. Но вот где ее найти? Агенты Екатерины старались изо всех сил, а она, покинув Рагузу, отправилась в Неаполь, а потом в Рим. Как всегда, ей, привыкшей к роскошной жизни, не хватало денег, и она попросила некую сумму у английского посланника в Ливорно. Тот удовлетворил ее просьбу и — сообщил русским о ее местонахождении. Орлов тут же начал свою кампанию по спасению русской короны... Для начала к княжне направили генерал-адъютанта Ивана Христенека, который, во-первых, оплатил все ее долги, а, во-вторых, уверил красавицу, что граф Орлов готов ее всячески поддержать и жаждет с ней встретиться. И вот в феврале 1774 года она прибыла в Пизу (в роскошной карете, нанятой на деньги русской императрицы, и в сопровождении 60 слуг!) уже под новым именем — графини Зелинской, встретила с Орловым и рассказала ему свою печальную историю. Вся Европа готова ее поддержать, — говорила она, — а еще и турецкий султан. Тут Орлов, решив не тратить время зря, включил все свое мужское обаяние. Он, мол, потрясен красотой графини, чистотой ее души и благородством помыслов, и все, что ему нужно в жизни, — это стать ее законным супругом. А потом он поможет стать ей царицей, как когда-то — Екатерине. И княжна по-

теряла бдительность — ей так хотелось верить бравому генералу! 25 февраля 1774 года она ступила на палубу флагманского корабля «Святой великомученик Исидор» и... едва оказавшись на корабле, княжна вместе со своими слугами была арестована. Запертая в каюте, она получила записку от Орлова: «Моя любимая, я тоже под караулом, но сделаю все возможное, чтобы освободиться и освободить тебя». Что это было? Орлов так хитрил или старался успокоить княжну, которой все-таки слегка увлекся? Так или иначе, он велел ее хорошо кормить, отдал ее наряды и книжки — французские романы, чтобы ей было не скучно.

11 мая судно прибыло в Кронштадт. Арестантку перевезли в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Началось следствие. Ее спрашивали, кто она на самом деле, как ей пришла в голову мысль заявить о своих притязаниях на русский престол, и кто ее в этом поддерживал? Заключенная держалась дерзко и требовала встречи с Екатериной, давала бредовые обещания — к примеру, наладить торговлю России со всем Востоком. И не говорила правду — ни о своем происхождении, ни о своих политических друзьях. Видно, уже сама поверила в то, что она — внучка Петра, или же не хотела, не могла отказаться от прекрасной мечты. И тогда Екатерина потеряла к ней всякий интерес. А «авантюрьерка», как ее называли при российском дворе, стала чахнуть, заболела в сыром и холодном каземате

«Суд
Соломона»

чахоткой и умерла — случилось сие событие 4 декабря 1775 года.

История княжны Таракановой, с большими неясностями и недоговоренностями, была описана в статье М. Лонгинова, опубликованной в журнале «Русская беседа» за 1859 год, откуда Флавицкий мог почерпнуть материал для будущей картины. Но легенда о княжне Таракановой существовала в нескольких вариантах. В московском Ивановском монастыре в 1775 году появилась монахиня Досифея, в миру звавшаяся Августой. К ней никого не допускали — таков был строгий указ монастырского начальства. Монахиня Досифея скончалась в 1810 году, а через два года монастырь почти весь сгорел после страшного пожара. Сго-

рели и все документы, и тогда заговорили, что Досифея и была настоящей княжней Таракановой, дочерью Елизаветы, и недаром у монахини до пострига было такое имя — Августа, августейшая.

Но это так прозаично, и художник в качестве сюжета для своей картины использовал другую версию легенды о княжне Таракановой — предание, по которому она погибла в казематах Петропавловской крепости (что было правдой), но во время петербургского наводнения 21 сентября 1777 года (то есть тогда, когда ее уже не было в живых). То наводнение, третье по силе за всю историю Петербурга, покрыло Петропавловскую крепость — вода стояла на отметке 310 см выше ординара. Такая смерть создавала

*«Дети Иакова
продают своего
брата Иосифа»*

героине ореол мученичества, а всему сюжету — некий политический подтекст, созвучный демократическим настроениям, существовавшим в российском обществе в 1860-х годах. И эти смыслы легко угадывались современниками Флавицкого.

Неудивительно, что в Зимнем дворце все были шокированы появлением творения Флавицкого, ведь художник позволил себе прикоснуться к одной из тщательно скрываемых тайн царской фамилии! Бумаги, относящиеся к делу о самозванке, хранились в строжайшей секретности, и люди, имевшие к ним доступ, дали «клятвенное обещание вечно молчать под страхом смертной казни», и тут вдруг эта страница истории русской короны становится темой живописного полотна!

Александр I, посетивший по своему обыкновению очередную вы-

ставку Академии, недовольно нахмурился, увидев творение Флавицкого, — ведь многие действительно полагали, что его прабабка замучила прекрасную соперницу, устранив, таким образом, угрозу своей власти. И царь приказал, дабы его подданные не сомневались в благородстве всех членов царского семейства, указать в каталоге, что «сюжет этой картины заимствован из романа, не имеющего никакой исторической истины». Под «романом», по всей вероятности, имелась в виду та самая статья Михаила Лонгинова, напечатанная в журнале «Русская беседа».

Вся эта история могла закончиться для художника очень печально, если бы не громкий успех картины у широкой публики. Только это и спасло Флавицкого. Помимо сюжета, все увидели в ней и несомненное мастер-

ство. Композиция была великолепна: прекрасная героиня, прислонившись спиной к каменной стене, запрокинула назад изящную головку. Поза — эффектная, наряд — роскошен, он напоминает, что перед нами не простая арестантка, а женщина, у которой в прошлом успех, деньги, балы и поклонники... Все это резко контрастирует с серой камерой каземата, с крысами, ползущими из воды и подбирающимися к ногам узницы.

Точно, профессионально художник показывает малиновый бархат, белый шелк, кружево, волнистые волосы, рассыпавшиеся по точеным плечам. Все выразительно, ярко, драматично, все служит на идею, сюжет картины.

На этот раз Стасов полностью принял новое творение Флавицкого, назвав его «чудесной картиной, славою нашей школы, блистательнейшим творением русской живописи». «Последние минуты отчаяния и беспомощности натуры страстной, гордой и высокой, последнее томление женщины-красавицы, измученной тюрьмой, но все-таки полной жизни и горячей крови, — что за страшная сцена, но что и за чудесная для великого таланта задача! Эти подгибающиеся колени, запрокинутая в отчаянии голова, закрывающиеся глаза, опустившиеся безнадежно руки, полуоткрытый рот, откуда вылетел, кажется, последний стон, между тем как через решетку окна брызжут волны поднимающегося наводнения, — с какою страстью, с каким кипучим талантом изобразилось все это на картине Флавицкого!»

«Княжну Тараканову» показали публике не только в Петербурге, но и во второй столице — в Москве, и за рубежом — на Всемирной выставке в Париже. И всюду ее ждал триумф. Однако совет Академии из-за двойственного отношения к картине государя не решился приобрести ее у художника. Зато обладатель тонкого художественного вкуса Павел Третьяков, увидев картину, сразу захотел купить ее для своей коллекции. Он тут же начал переговоры с художником, которые продолжились с его братьями, уже после смерти Флавицкого, и в результате это полотно стало украшением Третьяковской галереи.

После «Княжны Таракановой» Флавицкий занялся книжной иллюстрацией (в основном, к произведениям Лермонтова), расписывал церкви (как правило, ради заработка) — и мечтал о новой, большой работе. Николай Ге, с которым Флавицкий познакомился еще в Италии, говорил, что он был фанатически предан искусству. Больше в его жизни ничего не существовало. Наверняка, он бы стал большим, значительным художником и оставил бы потомкам еще много картин, но жизнь в постоянных трудах, отсутствие прочного положения и заработка подорвали его силы. Он заболел чахоткой, от которой тогда спасения не было. Константин Флавицкий умер 3 сентября 1866 года, умер, не дожив десять дней до своего тридцатилетия... А его прекрасная «Княжна Тараканова» и сегодня продолжает борьбу со смертью, и в этом поединке она несомненно побеждает... □

Майя Орлова

МЯТЕЖНЫЙ

**СЕКС-СИМВОЛ
ЕВРОПЫ**

В 1959 году каким-то чудом на советских киноэкранах появился французский фильм «Бабетта идет на войну», главную роль в котором играла хорошенькая блондинка. Имя ее мгновенно стало нарицательным — Бриджит Бардо, эталон красоты для совет-

ских модниц и предмет грез для молодых людей. Уважающий себя «продвинутый» юноша должен был иметь на столе или на стене фотографию француженки, а «продвинутые» девушки тратили немало времени, чтобы скопировать в одночасье ставшую модной прическу «Бабетта».

Бриджит прославилась еще и тем, что ввела в моду купальник «бикини». А после того, как в сорок лет завершила свою кинокарьеру, стала скандально знаменита бесконечными процессами в судах: разведясь с пятым по счету мужем и практически не общаясь с единственным сыном Николя, Бардо всю душу и немалые деньги вложила в защиту животных от людей и Франции от мусульман.

Кино? Иногда она вообще сомневается, что оно было в ее жизни.

Бриджит Бардо — это имя вызывает в памяти образ роскошной блондинки с огромными глазами, осиной талией и поистине завораживающей пластикой и грацией. «Европейская Мэрилин Монро», секс-символ и икона стиля 50-х, она сводила с ума миллионы мужчин и вызывала зависть у миллионов женщин, в то же время являясь для них объектом для подражания. Она была кумиром таких известных личностей, как Джон Леннон и Джимми Хендрикс. Ее имя упоминали в своих песнях Боб Дилан и Элтон Джон. В чем же секрет ее невероятной привлекательности и успеха?

Бардо родилась 28 сентября 1934 года в Париже, в семье бизнесмена. Трудно поверить, но в детстве будущая кинозвезда вовсе не блистала

красотой. Скорее наоборот, считалась гадким утенком: выступающие передние зубы, тусклые волосы, очки, которые девочка была вынуждена носить из-за косоглазия, совсем не добавляли ей привлекательности. Вдобавок ко всему, она была, мягко говоря, туповата, что ясно показывали оценки, получаемые в школе.

На фоне младшей сестры Мижану (Мари-Жанны), красавицы и отличницы, юная Бриджит выглядела серой мышкой. Но у нее от природы был один замечательный дар — грациозность и пластичность движений. В 1947 году Бардо сдала вступительный экзамен в Национальную академию танца и, несмотря на жесткий отбор и ограниченное число мест, оказалась в числе восьми зачисленных на обучение. В течение трех лет она посещала класс русского хореографа Бориса Князева.

Многолетние занятия танцами сделали свое дело: к семнадцати го-

дам у Бриджит была тонкая талия и идеальная осанка, а ее походке и манере держаться можно было позавидовать. Именно эта грация и легкость и составляла значительную часть ее очарования. Широко известна история о том, как во время съемок очередного фильма в Испании Бриджит вышла прогуляться босиком, в обтягивающем платье и с распущенными волосами. По пути она зашла в ювелирную лавку — и вскоре обнаружила, что улица заполнилась множеством мужчин: прильнув к витрине магазина, они стояли и пожирали глазами молодую актрису.

Разумеется, Бриджит Бардо пришлось потрудиться над своей внешностью, чтобы стать настоящей красавицей. Она сменила прическу, придумала свой особый макияж, поработала над стилем одежды. При этом очарование и харизма Бриджит были настолько велики, что все ее идеи моментально входили в моду.

Именно Бардо ввела в моду такие прически, как «бабетта», «конский хвост» и «кислая капуста» — последняя представляет собой небрежно уложенные распущенные локоны и является фирменной прической Бриджит Бардо, а макияж, придуманный ею, популярен и по сей день. Секрет его состоит в том, чтобы выделить глаза: для этого Бриджит густо подводила их черной подводкой и аккуратно растушевывала стрелки. Губы при таком макияже должны быть бледно-розовыми, чтобы не отвлекать внимание от глаз.

Такая манера наносить макияж создавала знаменитый «лисий»

взгляд Бриджит Бардо, который и сейчас считается невероятно сексуальным.

В 1949 году Бардо участвовала в показе мод и в том же году снялась для журнала «Сад Моды». В 1950 году девушка появилась на обложке журнала «ELLE» и была замечена начинающим режиссером Роже Вадимом, который пригласил ее на кинопробы. Роль Бриджит получила, но съемки фильма были отменены. Зато два года спустя восемнадцатилетняя очаровашка вышла замуж за Роже Вадима.

Разумеется, она тут же начала активно сниматься в кино: с 1952 по

1956 год Бриджит снялась в 17 (!) фильмах, в основном, лирических комедиях и мелодрамах, играла в театре в постановке пьесы «Приглашение в замок» Жана Ануя, но количество упорно не желало переходить в качество.

Всемирной известности Бардо способствовала картина «И Бог создал женщину» (1956) — режиссерский дебют Роже Вадима. Бардо сыграла главную героиню, необузданную восемнадцатилетнюю Жюльет Арди, мечущуюся между несколькими мужчинами. В Европе фильм шокировал зрителей, получил массу не-

гативных откликов и был осужден католической церковью из-за вызывающего поведения героини Бриджит и сцен, в которых актриса появляется обнаженной и танцует на столе.

В сравнительно консервативной Америке фильм стал сенсацией, так как прежде столь откровенные сцены не были свойственны голливудским фильмам. Огромная популярность фильма в Штатах способствовала его повторному выпуску в Ев-

ропе. Историки считают картину предвестником сексуальной революции 1960-х.

С тех пор Бардо работала с такими известными режиссерами как Луи Маль, Жан-Люк Годар, Кристиан Жак. За всю свою карьеру в кино она снялась в более чем пятидесяти кинокартинах. Среди ее партнеров по фильмам — Ален Делон, Жан Габен, Шон Коннери, Жан Марэ, Марчелло Мاستроянни, Лино Вентура. Впечатляю-

щий список. И все же великой актрисы из нее так и не получилось. Зато личная жизнь Бриджит Бардо по сей день является предметом самого пристального внимания прессы.

Загури и Сержем Гинсбургом, с которым записала несколько известных хитов, включая скандально известную «Я тебя люблю... я тебя тоже нет». Была замужем за немец-

Сначала это были ее романы. Разведясь с Роже Вадимом в 1957 году, Бардо больше года жила со своим партнером по фильму «И Бог создал женщину» Жаном-Луи Трентиньяном. В 1959 году она вышла замуж за актера Жака Шарье, от которого в 1960 году родила сына Николя. После их развода ребенок был отдан на воспитание в семью Шарье.

Встречалась с французскими музыкантами Сашей Дистелем, Бобом

ким миллионером Гюнтером Саксом (1966–1969).

В 1970 году Бардо выбрали моделью для бюста Марианны, символа Франции. Никто и не подозревал, насколько символичным был этот выбор: несколько десятилетий спустя Бриджит Бардо стала яркой защитницей не только животных, но и... самих французов от мусульманской экспансии. Но об этом чуть позже.

В 1992 году, на исходе шестого десятка лет, Бардо вышла замуж за богатого аристократа и политика Бернара д'Ормая. Но через несколько лет развелась и с ним.

С тех пор она живет одна на вилле «Мадраг» в Сен-Тропе на юге Франции в компании с парой сотен животных. Дело в том, что в 1973 году, незадолго до своего сорокалетия, Бардо объявила о завершении кинематографической карьеры

и в дальнейшем посвятила свою жизнь защите животных.

В 1986 она открыла Фонд Бриджит Бардо. Чтобы поддержать его, она стала вегетарианкой и заработала 3 миллиона франков, продав на аукционе драгоценности и личные вещи. На территории недалеко от своей виллы актриса построила приют для бездомных собак. Бардо постоянно участвует в различных акциях в защиту животных. Она отказалась от

мясной пищи и меховой одежды, призывая последовать ее примеру своих звездных коллег. Так, на свое 75-летие актриса обратилась к Софи Лорен с просьбой перестать носить меха — по словам Бардо, это было бы лучшим подарком к юбилею.

Сегодня Бриджит Бардо является одной из самых известных зоозащитниц в мире. Благодаря ей было спасено множество самых разных животных, от собак до морских котиков, причем не только во Франции, но и в других странах. Случаи спасения животных далеко не единичные: там, где это возможно, Бардо добивается закрепления прав животных на законодательном уровне. Из-за своей зоозащитной деятельности ей пришлось пройти через множество неприятностей и судебных исков, однако звезда не сдаётся и до сих пор продолжает менять мир.

По мнению мадам Бардо, животные любят куда искреннее, чем люди, и за это она благодарит их своим заступничеством, говоря об этом так:

— Я отдала мужчинам свою молодость и красоту. Теперь я дарю свою мудрость и свой опыт — лучшее, что у меня есть, — животным.

Ну, насчет опыта, а главное — мудрости можно поспорить. В 1989 году мадам Бардо приказала кастрировать живущего по соседству осла, так как ей показалось, что он «пристает» к ее собственным ослу и кобыле. Владелец осла подал на нее в суд и выиграл процесс. Но на следующий год бывшая кинозвезда написала письмо китайскому президенту, в котором обвиняла китайцев

в «издевательствах над медведями и убийстве последних в мире тигров и носорогов для создания афродизиаков». Послание было опубликовано в одном из французских журналов, но о реакции китайцев на него ничего не известно.

Также неизвестна судьба внушительной суммы — больше 140 000 долларов — пожертвованной Бриджит на массовую стерилизацию бухарестских бездомных собак, для которых уже построен «животный

спасательный центр» на 300 000 особей вблизи от виллы Бардо.

А вот заявление Бриджит, сделанное в январе 2013 года, получило громкий международный резонанс. Защитница животных пригрозила французскому правительству, что может — по

примеру Жерара Депардье — попросить российское гражданство, если в Лионском зоопарке усыпят двух больных туберкулезом слонов.

«Если те, кто находится у власти, проявят малодушие и цинизм, что приведет к гибели Бейби и Непала

(клички слонов), то я попрошу российское гражданство с тем, чтобы бежать из страны, которая превратилась в кладбище для животных».

Возмущение актрисы вызвало ответную реакцию префектуры города Лион: больные туберкулезом

слоны Бейби и Непал (обоим по 42 года) должны быть усыплены с тем, чтобы болезнь не перекинулась на прочих постояльцев лионского зоопарка. В общем-то, нормальное и благоразумное решение, но бывшая актриса решила, что нужно поместить смертельно больных гигантов на территории обособленного парка, где им будет оказана необходимая ветеринарная помощь в условиях строгого карантина. В какую сум-

практически без медицинской помощи постоянно умирают СОТНИ людей, по меньшей мере, наивно. Но зато в Европе заявление мадам Бардо наделало много шума, чего она, собственно, и добивалась: постоянное подчеркивание огромной любви к животным принесло бывшей актрисе и фотомодели ничуть не меньше славы, чем ее легендарная красота.

Гораздо менее известен тот факт, что Бриджит Бардо с 1990-х годов

му обойдется эта инициатива, даже подумать страшно.

Для российского читателя это заявление может быть только поводом для невеселого смеха. Просить гражданство страны, где от туберкулеза в жутких бытовых условиях и

неоднократно выступала с критикой иммигрантов и ислама во Франции, гомосексуализма и межрасовых браков, в результате чего была пять раз осуждена за «разжигание расовой неприязни и национальной розни». В 1997 году ее оштрафовали за ком-

ментарии, выпущенные в газете «Фигаро», в 1998-м осудили за заявление о недопустимости роста количества мечетей во Франции.

В 1999 году Бриджит Бардо написала книгу «Площадь Плутона», в которой критиковала мусульманский праздник «Ид аль-адха», так как на нем закалывают овец. За это в июне 2000 года французский суд оштрафовал ее на 30 000 франков. В той же книге в главе «Открытое письмо моей потерянной Франции» она написала: «...моя страна, Франция, моя родина, моя земля снова заполнена толпой чужеземцев, особенно мусульман».

В написанной в 2003 году книге «Крик в тишине» Бардо предупреждала об «исламизации Франции», с неприязнью отзывалась об однополю любви и говорила о французских политиках, что это «флюгера, показывающие влево или вправо, пока фантазия управляет ими... даже французские проститутки не такие, как они».

В мае 2003 года Движение против расизма и за дружбу между народами объявило, что подаст в суд на Бардо. Против нее также выступила Лига по правам человека.

В 2008 году ее осудили за «разжигание расовой/религиозной неприязни» из-за письма, копию которого она отправила Николя Саркози, когда тот был министром внутренних дел Франции. В письме она порицала быстрорастущее мусульманское сообщество, пытающееся захватить власть и распространять их культуру, ценности, образ жизни. Суд закончился 3 ию-

ня 2008 года с самым крупным штрафом в ее жизни — 15 000 евро. Прокурор заявил, что устал предъявлять обвинения Бардо из-за расовой неприязни.

Сама же Бриджит, похоже, никогда не устает. Помимо борьбы за спасение животных и написания книг в защиту чистоты французской нации, она еще занимается дизайном модных аксессуаров. Например, в 2010 году совместно с домом Lancel придумала сумочку «В.В», которая «отражает ее вкусы, ее жизнь, ее фигуру. Это настоящее воплощение женственности и естественности — как, впрочем, и сама Бриджит».

Оставаться всегда в форме, по утверждению Бриджит, ей помогает особая диета. Прежде всего, уже достаточно долгое время знаменитая актриса является вегетарианкой. Ее основная пища — овощи и фрукты, напиток — минеральная вода. Согласно ее методике, дневной рацион должен включать не менее 60 граммов белков и 200–250 граммов углеводов. Что касается калорий — их норма не должна превышать 2000. Такое сочетание обеспечивает оптимальный баланс питательных веществ, не позволяя организму набирать жир.

Может быть, стоит попробовать? Дешево, сердито, и есть реальный шанс стать секс-символом в собственной стране. А уж такими актерскими способностями, как мадам Бардо, обладает каждая вторая женщина.

Насчет любви к животным — тут уж пусть каждый решает для себя сам. □

Сергей Толышев

***

Я — поздний плод, но лучше поздно,
Чем отступить в тот миг, когда,
Необходимее, чем воздух,
Заглянет вдруг в твой дом звезда.

К такой звезде идешь навстречу
Не ради красного словца.
С такой звездой видишь вечность,
Как будто мать или отца.

Не та, что светится тщеславьем,
А та, что Богом возжена.
И всем серебряным оглавьем
Во все окно твое — одна.

С ней веришь, спяну или сдуру,
Ее никто уже потом,
Как будто брошенный окурок,
Вдруг не пригасит каблуком.

***

Оконную раму жена протирает,
Как будто на арфе стеклянной играет,
Как будто прозрачную пишет картину,
Уже сотворенную наполовину.
Рука ее ходит, как жест дирижера,
И плавно выводит подобье узора.
Хотя и всего-то сегодня дано:
Жена моя попросту моет окно.
Но как она делает это изящно,
Движенья сквозят красотой настоящей,
Прозрачной, как стекла, и тайной, как вечность,
И я бы смотрел на нее бесконечно,
Смотрел и смотрел бы, коль Богом дано,
Я в это протертое ею окно.

***

Я не знаю, как это высказать,
Чтобы истину не исказить,
Чтобы попросту не заискивать,
Чтобы попусту не сквозить.

Но я знаю, что русской женщине
Под жемчужным желтком звезды

В час тревожный дано божественно
Мужа вымолить у беды.

И с сомнением смотрит искоса
Русской женщине мир в глаза.
Я не знаю, как это высказать,
Но горит звезда, как слеза.

Юрий
Жуков

ГДЕ ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ...

Где шиповник цветет, где сирени соседство —
Старый дом. Стены серы, но память светла —
Приезжаю сюда, здесь прошло мое детство,
Где дорожка крапивой уже заросла.

Неизменно здесь все — все меняется где-то,
Солнце гаснет, на стеклах рубины горят.
Слышу чьи-то шаги, или, может быть, это
Половицы, скрипя, о былом говорят.

Глухо треснет бревно — свой резон в разговоре,
Только печка молчит, словно тайну храня,
Что когда-то давно, в отзвучавшем миноре,
Кто-то так же грустил, так же думал, как я.

Очень любопытно, между прочим, что поэт, равный талантом Пушкину, оказался отодвинутым далеко на задний план по малопонятным причинам. Они были близкими друзьями, но и этот факт как-то незаметно стерся из жизнеописания «солнца русской поэзии». Позднейшая критика прямо обвиняла его в зависти к Пушкину и высказывала предположение, что

Сальери Пушкина списан именно с этого человека.

Пушкин погиб на дуэли, а Евгений Баратынский был методично и последовательно затоптан критиками и пушкиноведами до состояния «один из поэтов времен Пушкина».

Попробуем все-таки восстановить превратившуюся почти в тень фигуру замечательного поэта первой половины девятнадцатого века...

ПЕРВОСТЕПЕННЫЙ Талант

Евгений Баратынский, потомок польского дворянского рода, в конце семнадцатого века обосновавшегося в России, родился 2 марта 1800 года в родительском имении в Тамбовской губернии. Отец будущего по-

эта — Абрам Андреевич Баратынский был генерал-лейтенантом и состоял в свите императора Павла I, мать — Александра Федоровна, урожденная Черепанова — была фрейлиной императрицы Марии Федоровны.

Воспитанием маленького Евгения занимался специально выписанный итальянец Боргезе, поэтому мальчик рано познакомился с языком Данте и Петрарки и свободно говорил и писал на нем. То же самое было и с французским языком, на котором говорили все в семье Баратынских.

В 1810 году умер отец, и семья вынуждена была вернуться в свое имение. Мать Евгения, женщина умная и образованная, стала готовить сына к поступлению в Пажеский Его Императорского Величества корпус.

В письме Жуковскому Баратынский подробно рассказал о пребывании в корпусе: о друзьях («резвые мальчишки») и недругах («начальники»), об «обществе мстителей», возникшем под влиянием «Разбойников» Шиллера («Мысль не смотреть ни на что, свергнуть с себя всякое принуждение меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу...»). Мстительные забавы завершились прискорбно — компания товарищей «позаимствовала» у отца одного из мальчиков пятьсот рублей и черепаховую табакерку в золотой оправе.

Проделка раскрылась. И хотя отец, у которого были взяты деньги и безделушка, клялся, что сам дал сыну ключ от шкатулки, начальство было неумолимо: веселую компанию исключили из корпуса. Им было запрещено поступать на государственную службу. А в армию они могли вступить только рядовыми.

Это происшествие сильно подействовало на шестнадцатилетнего

юношу, он признавался позднее, что в ту пору «сто раз был готов лишиться себя жизни». Позор, пережитый им, вызвал тяжелое нервное расстройство и наложил отпечаток на его характер и на будущую «сумрачную» поэзию.

Покинув столицу, Баратынский несколько лет жил частью с матерью в Тамбовской губернии, частью у дяди, брата отца, отставного вице-адмирала Баратынского в Смоленской губернии. Именно в поместье у дяди Баратынский от скуки начал писать стихи — первоначально французские куплеты и четверостишия, что было в большой моде среди светской молодежи, а к девятнадцати годам — уже по-русски, и его стих стал приобретать то «необщее выражение», которое впоследствии он сам признавал главным достоинством своей поэзии.

В 1819 году Баратынский поступил рядовым в Лейб-гвардии Егерский полк, не желая оставаться «праздным светским мотыльком». Он избегал старых знакомств, но обрел новые. Офицер из полка (вероятно, А. Бестужев) познакомил его с Дельвигом. Знакомство быстро перешло в дружбу. Как дворянин Баратынский имел большую свободу, чем простые солдаты: вне службы ходил во фраке, жил не в общей казарме, а на частной квартире. Через некоторое время после знакомства они сняли небольшую квартирку на пару с Дельвигом и на пару же сочинили об этом стихотворение:

*«Там, где Семеновский полк,
в пятой роте, в домике низком,*

*Жил поэт Боратынский
с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру
платили немного,
В лавочку были должны,
дома обедали редко...»*

Баратынский стал своим человеком в лицейском кружке и через него окунулся в очень беспокойную и непростую «литературно-политическую» столичную жизнь. Тогда же он был представлен Жуковскому и начал посещать его «среды».

Через Дельвига Баратынский быстро сошелся с Пушкиным и с Кю-

войдет в историю как его друг, а Баратынский будет... надолго забыт. Но тогда это были просто одинаково талантливые, беспокойные юноши, которые беспрестанно говорили о поэзии, и каждый искал в ней свой путь...

Этот период закончился для Баратынского окончательно и бесповоротно, когда в 1820 году высочайшим повелением он был отправлен в Финляндию, в расквартированный там полк. Пять лет, проведенных на «сумрачном севере», окончательно превратили Баратын-

---

В

место няньки уже с двух лет воспитанием маленького Евгения занимался специально выписанный в имение итальянец Боргезе, поэтому мальчик рано познакомился с языком Данте и Петрарки, свободно говорил и писал на нем. То же самое было с французским языком, на котором разговаривала вся семья Баратынских

хельбекером, хотя последний редко выходил «в свет». По словам Вяземского, это была забавная компания: высокий, нервный, склонный к меланхолии Баратынский, подвижный, невысокий Пушкин и толстый вальяжный Дельвиг.

«Пушкин, Дельвиг, Боратынский — русской музы близнецы» — сострил где-то князь Петр, не подозревая, что судьба этих «близнецов» сложится по-разному. Пушкин станет «главным» русским поэтом, Дельвиг навсегда

ского в романтико-лирического поэта: там он написал, помимо стихотворений, свою знаменитую поэму «Эда».

Когда поэма в 1826 году увидела свет, Пушкин приветствовал ее как «произведение, замечательное своей оригинальной простотой, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных». Вообще, вся его переписка с петербургскими и московскими литераторами была

полна восторженными отзывами о стихах Баратынского.

Самого же Баратынского его сослуживцы описывали как худощавого, бледного человека, склонного к меланхолии и унынию.

И для меланхолии, и для уныния были веские причины.

«Не служба моя, к которой я привык, меня обременяет, — писал он Жуковскому, — меня тяготит противоречие моего положения. Я не принадлежу ни к какому сословию, хотя имею

какое-то звание. Ничьи надежды, ничьи наслаждения мне не приличны. Я должен ожидать в бездействии перемены судьбы своей... Не смею подать в отставку, хотя, вступив в службу по собственной воле, должен бы иметь право оставить ее, когда мне заблагорассудится; но такую решимость могут принять за своеволие».

В своей сословной ущербленности Баратынский ощущал себя одиноким, чуждался «света». Друзья усиленно хлопотали за него в Петер-

бурге, а Пушкин, находясь в Михайловской ссылке, писал брату:

«Что Баратынский?.. И скоро ль, долго ль?.. как узнать?.. Где вестник искупления? Бедный Баратынский, как подумаешь о нем, так поневоле постыдишься унывать... Уведомь о нем — свечку поставлю за Закревского, если он его выручит...»

Весной 1824 года Денис Давыдов писал своему приятелю, генерал-губернатору Закревскому:

«Сделай милость, постарайся за Баратынского, он у тебя в корпусе. Гнет этот он несет около восьми лет или более, неужели не умилосердятся? Сделай милость, друг любезный, этот молодой человек с большим дарованием и, верно, будет полезен. Я приму старанье твое, а еще более успех в сем деле за собственное мне благодеяние».

Осенью этого года Евгений Баратынский получил предписание приехать в Гельсингфорс и состоять при корпусном штабе генерала А. А. Закревского. Поэт стал бывать в высшем свете города, где блистала своей красотой жена Закревского, Аграфена Федоровна, особа более чем незаурядная. Пушкин назвал генеральшу Закревскую «беззаконной кометой в кругу расчисленном светил», которая очаровывала каждого, имевшего неосторожность приблизиться к ней.

Эта неординарная женщина вдохновила Баратынского на создание поэмы «Бал», вышедшей в 1828 году, в которой Закревская выведена под именем княгини Нины. Так в лирике Евгения Абрамовича родился новый

для русской поэзии образ — роковой соблазнительницы с холодным сердцем. В светском обществе Аграфена славилась количеством любовных похощений, которые афишировала с вызывающей смелостью.

«Она — моя героиня, — писал Баратынский своему другу. — Стихов 200 уже у меня написано... Спешу к ней. Ты будешь подозревать, что я несколько увлечен... Но я надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно. Поэзия — чудесный талисман: очаровывая сама, она обессиливает чужие вредные чары...»

Эта любовь принесла ему немало мучительных переживаний, отразившихся в таких его стихотворениях, как «Мне с упоением заметным», «Фея», «Нет, обманула вас молва», «Оправдание», «Мы пьем в любви отраву сладкую», «Я безрассуден, и не диво...», «Как много ты в немногие дни».

Впрочем, страсть у него всегда уживалась с рассудительностью, и не случайно он одинаково любил математику и поэзию.

Закревская вдохновила поэта на знаменитое «Разуверение» («Не искушай меня без нужды...»), положенное на музыку М. Глинкой.

*«Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!*

*Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты».*

В глазах современников она представляла женщиной, дерзко презирающей мнение света, внушающей страх заразной силой своей почти сатанинской страстности. Не исключено, что Аграфена Федоровна сознательно стремилась создать вокруг себя ореол «роковой» женщины. Ей необходимы бы-

нулся, выйдя в отставку в чине прапорщика.

«Судьбой наложенные цепи упали с рук моих, — писал он по этому поводу. — В Финляндии я пережил все, что было живого в моем сердце. Ее живописные, хотя угрюмые горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но, по крайней мере, довольно обильную в отличительных красках. Судьба, которую я предвижу, будет подобна русским однообразным равнинам...»

Конечно, он сгущал краски, как и все поэты. Когда Баратынский был в Петербурге, туда неожиданно нагрянула Закревская, прекрасная как

Ч

ерез Дельвига Баратынский быстро сошелся с Пушкиным и Кюхельбекером. По словам Вяземского, это была забавная компания: высокий, нервный, склонный к меланхолии Баратынский, подвижный, невысокий Пушкин и толстый вальяжный Дельвиг. «Пушкин, Дельвиг, Баратынский — русской музы близнецы», — сострил где-то князь Петр, не подозревая, что судьба этих «близнецов» сложится совсем по-разному.

ли сильные ощущения, опасная игра страстей.

В апреле 1825 года, после почти семи лет военной службы нижним чином, Баратынский (по представлению А.А. Закревского) наконец был произведен в офицеры, что давало ему возможность распоряжаться своей судьбой. Осенью того же года он уехал в отпуск в Москву, к матери, и в Финляндию уже не вер-

никогда, готовая, кажется, облагодетельствовать поэта куда большим вниманием, нежели прежде. И действительно начался их тайный роман, который длился несколько месяцев, а потом Закревская вернулась к супругу в Гельсингфорс, Баратынский же уехал в Москву и внезапно объявил о своей помолвке с Анастасией Энгельгардт. Узнавший об этом Пушкин был изумлен:

«Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за его ум...»

В Москве, 9 июня 1826 года, Баратынский женился на Анастасии Львовне Энгельгард, дочери генерал-майора. Его жена не была красива, но отличалась умом и тонким вкусом. Ее беспокойный характер причинял много страданий самому Баратынскому и повлиял на то, что многие его друзья от него отдали-

лись. В мирной семейной жизни постепенно сгладилось в Баратынском все, что было в нем буйного, мятежного, он признавался сам:

*«Весельчакам я запер дверь,
Я пресыщен их буйным
счастьем,
И заменил его теперь
Пристойным, тихим
сладострастьем».*

В свете супруги бывали редко. Они любили подолгу жить в поместье Мураново, где по проекту поэта был построен дом, позднее купленный Тютчевым. Тем не менее, Баратынский все-таки продолжал время от времени наведываться в Москву и встречаться со старыми друзьями. К 1827 году относятся воспоминания одной из московских жительниц:

«Мы увидели Пушкина с хор Благородного Собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека. Один был блондин, высокого роста; другой брюнет — роста среднего, с черными кудрявыми волосами и выразительным лицом. — "Смотрите, сказали нам: блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин". Они шли рядом, им уступали дорогу».

Это достаточно яркий штрих, показывающий, какой любовью и популярностью пользовались оба поэта. Их буквально тянуло друг к другу: Пушкин звал Баратынского в Михайловское, ему наедине читал «Бориса Годунова»; с ним совершил тризну по Дельвигу; его пригласил на «мальчишник» накануне свадьбы. Когда умер Дельвиг, Пушкин сам

назвал Баратынского в числе немногих близких людей, оставшихся у него на земле.

Известность Баратынского как поэта началась после издания в 1826 году его поэм «Эда» и «Пирры», а в следующем году — первого собрания лирических стихотворений, итога первой половины его творчества. Несмотря на скептические голоса критиков, желавших видеть «второго Пушкина», Баратынский был общим согласиём признан одним из лучших поэтов своего времени и стал желанным автором всех лучших журналов и альманахов. Хотя, в отличие от своего друга Пушкина, он писал мало, долго работая над своими стихами и часто коренным образом переделывая уже напечатанные.

Казалось, поэт окончательно расстался с губительной страстью к обманчивой Закревской. Но, вероятно, память сердца жила, а быть может, возникали и ситуации, когда он мог встречать в обществе Аграфену Федоровну, еще не успевшую, несмотря на рождение дочери, превратиться в благочинную мать семейства. Ведь именно в эти годы она кружила головы Вяземскому и Пушкину. И в какой-то момент родились уже прощальные строки Баратынского, обращенные к Закревской:

*«Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца».*

В 1835 году вышел в свет второй сборник стихов Баратынского с его портретом. И хотя внешне его жизнь проходила без видимых потрясений, по некоторым стихотворениям становится понятно, что в эту пору он пережил какую-то новую любовь, которую называет «омрачением души болезненной своей».

Сборник оказался непонятым ни критиками-современниками, ни более поздними литераторами. Виссарион Белинский дал совершенно убийственную характеристику творчеству Баратынского:

«Как поэт, он почти совсем не поддается вдохновенному порыву творчества; как мыслитель, он лишен определенного, вполне и прочно сложившегося миросозерцания; в этих свойствах его поэзии и заключается причина, в силу которой она не производит сильного впечатления, несмотря на несомненные достоинства внешней формы и нередко — глубину содержания...»

То есть, говоря современным языком, стихи Баратынского «не цепляли» читателей и критиков. Однако ничто не могло поколебать его решимости «идти новой собственной дорогою», и, прежде всего, считал он, вырваться из-под всеобъемлющего влияния Пушкина, открыть свою тему и дать оригинальное поэтическое решение ее. Но при этом поэт с преклонением относился к своему великому другу, восхищаясь «Полтавой», «Борисом Годуновым», «Повестями Белкина». Об их личных отношениях лучше всего сказал сам Пушкин в письме

к П.А. Плетневу, получив известие о смерти Дельвига:

«Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все».

Приезжая в Москву, Пушкин часто виделся с Баратынским. Отношения между ними внешне оставались самыми близкими, но в них уже просматривался некоторый холодок. Баратынский отмечал это в письме к Вяземскому (апрель 1829), Пушкин — в письме к жене (май 1836):

«Баратынский... очень мил. Но мы как-то холодны друг к другу».

Они были ровесниками. Оба — выдающиеся поэты. Читали друг друга с ревнивым восхищением. Но то ли разность характеров, то ли тень затаенного соперничества всю жизнь мешала им стать настоящими друзьями.

Баратынского даже прямо обвиняли в зависти к Пушкину; критики высказывали также предположение, что Сальери Пушкин списал с Баратынского. Вот уж действительно единственная кандидатура на прототип друга Моцарта! Тем паче, что Евгений Абрамович никогда не отзывался о Пушкине не то чтобы негативно — даже иронически, не распространял сплетен и не писал на него эпиграмм.

Основой для такого предположения послужило, якобы, признание самого Баратынского. Нет, не в зависти к Пушкину. В письме одному из близких друзей он еще в 1825 году делился своими сокровенными мыслями об осознании самого

себя как личности в связи с судьбой и характером:

«На Руси много смешного; но я не расположен смеяться, во мне веселость — усилие гордого ума, а не дитя сердца. С самого детства я тяготился зависимостью и был угрюм, был несчастлив. В молодости судьба взяла меня в свои руки. Все это служит пищею гению; но вот беда: я не гений. Для чего же все было так, а не иначе? На этот вопрос захохотали бы все черти. И этот смех служил бы ответом вольнодумцу; но не мне и не тебе: мы верим чему-то. Мы верим в прекрасное и добродетель. Что-то развитое в моем понятии для лучшей оценки хорошего, что-то улучшенное во мне самом — такие сокровища, которые не купят ни богач за деньги, ни счастливец счастьем, ни самый гений, худо направленный. Прощай, милый Пулята, обнимаю тебя от всей души».

И вот на этом признании: «я не гений» и строились предположения о том, что Баратынский завидовал Пушкину, который, наоборот, кричал о своей гениальности на всех углах и ни секунды в ней не сомневался. Ну, чем не Моцарт и Сальери?

Смерть Пушкина произвела огромное впечатление на Баратынского:

«Естественно ли, что великий человек, в зрелых годах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик? Сколько тут вины его собственной, чужой, несчастного предопределения? В какой внезапной неблаго-

склонности к возникающему голосу России провидение отвело око свое от поэта, давно составлявшего ее славу и еще бывшего ее великою надеждою? Он только что созревал. Что мы сделали, Россияне, и кого погребли!»

Круг его друзей становился все уже. Поэт жил то в Москве, то в своем имении Мураново, много занимался хозяйством. Изредка ездил в Петербург (где в 1839 году познакомился с Михаилом Лермонтовым), в обществе был ценен как интересный и иногда блестящий собеседник. Работал над своими стихами, придя

ца и досуга, ничем не прерываемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной».

А в эти десять лет вместились, помимо семейных забот и праздников, встречи с Пушкиным и Вяземским, знакомство с Чаадаевым и Мицкевичем, смерть Пушкина, слава и смерть Лермонтова (о котором Баратынский вообще нигде и никогда не обмолвился ни словом), повести Гоголя (которые он приветствовал). Нелегкий, «разборчивый», взыскательный характер вкупе с некоторыми творческими задачами, поставили Баратынского в осо-

В

1828 году поэт начал работать над своей поэмой «Бал». Он сам признавался, что замысел этой поэмы связан с Гельсингфорскими впечатлениями, и что прототипом главной героини являлась «Она», то есть Аграфена Федоровна Закревская

окончательно к убеждению, что «в свете нет ничего дельнее поэзии». А в последние годы своей жизни он окончательно переселился с семьей в Мураново — как говорил сам поэт, «устроил приют от светских посетителей, надежной дверью запертой».

В письме Плетневу Баратынский как бы подводил итоги:

«Эти последние десять лет существования, на первый взгляд не имеющего никакой особенности, были мне тяжелее всех годов моего финляндского заточения... Хочется солн-

бое, обособленное положение и в жизни, и в литературе: он, по замечанию Гоголя, «стал для всех чужим и никому не близким».

Жена, которую он очень любил, была человеком интересным и преданным ему, но не могла заменить утраченные надежды и дружбы. Отказ от «общих вопросов» в пользу «исключительного существования» вел к неизбежному внутреннему одиночеству и творческой изоляции. Только высокая одаренность и замечательное стремление к самообла-

данию помогли Баратынскому достойно ответить на вызов, брошенный ему «судьбой непримиримой».

Осенью 1843 года он осуществил свое давнее желание — вместе с двумя старшими детьми предпринял путешествие за границу, посетил Германию, зиму 1843–1844 годов провел в Париже.

Весной 1844 года Баратынские отправились через Марсель морем в Неаполь, в Италию, которую поэт любил с детства, наслушавшись о ней от своего воспитателя-итальянца. Перед отъездом из Парижа Евгений Абрамович чувствовал себя нездоровым, и врачи предостерегали его от влияния знойного климата южной Италии. Едва прибыли в Неаполь, как с Анастасией Львовной

другой день, 29 июня (11 июля) 1844 года, он скоропостижно скончался.

Смерть прервала его голос, может быть, именно «в высших звуках», ибо в «Пироскафе» (1844), открыто мажорном, «италийском», есть явно итоговые, но и устремленные в будущее строки:

*«Много земель я оставил
за мною;*

*Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол,
Много мятежных решил
я вопросов,*

*Прежде чем руки марсельских
матросов*

*Подняли якорь, надежды
символ!..»*

Из Неаполя тело поэта перевез-

П

оследние годы Баратынского ознаменованы нарастающим одиночеством и в литературе. В 1842 году поэт издал свой последний и самый сильный сборник стихов «Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского», посвященный князю Вяземскому. По замечанию Н.В. Гоголя, «он стал для всех чужим и никому не близким»

сделался один из тех болезненных нервных припадков, которые причиняли столько беспокойства ее мужу и всем окружающим. Это так подействовало на Баратынского, что у него внезапно усилились головные боли, которыми он часто страдал, началась лихорадка, и на

ли на родину и похоронили на Тихвинском кладбище в Александроневской лавре.

Газеты и журналы почти не откликнулись на смерть поэта...

Глубоко-своеобразная поэзия Баратынского была забыта в течение всего столетия, и только в са-

мом его конце символисты, нашедшие в ней столь много родственных себе элементов, возобновили интерес к творчеству Баратынского, провозгласив его одним из трех величайших русских поэтов наряду с Пушкиным и Тютчевым. Осип Мандельштам писал:

«Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза строки Баратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени».

Беда в том, что строки Баратынского чрезвычайно редко попадают кому-либо на глаза... □

ОХОТНИК

ЗА МЕЛОДИЯМИ

Жизнь этого композитора была не менее драматична, чем либретто любой из его опер. Он — Джакомо Пуччини — создатель самых чарующих оперных мелодий XX столетия, которыми, несомненно, будут наслаждаться и следующие поколения. А ведь когда-то утонченные эстеты объясняли популярность его опер дешевой сентиментальностью и дурным вкусом толпы. Однако время все расставляет по своим местам. И сегодня даже самые суровые музыкальные критики ставят оперы Пуччини в один ряд с шедеврами Россини, Верди, Бизе и Чайковского.

Джакомо Пуччини появился на свет 22 декабря 1858 года в древнем городе Лукка на севере Италии. Ему на роду было написано стать музыкантом. Ведь все его предки по мужской линии в течение двух столетий передавали друг другу по наследству профессию органиста, капельмейстера и композитора. Отец Джакомо, Микеле Пуччини, был автором большого числа церковных произведений и даже двух опер. Кроме того, он основал в Лукке музыкальную школу. Мать будущего автора «Баттерфляй» также происходила из семьи музыкантов. У Джакомо рано проявился интерес к музыке. Правда, носил он, так сказать, пассивный характер. Пятилетний ма-

ми. Постепенно его пальцы начали обретать необходимую сноровку. Увы, старшему Пуччини так и не пришлось стать свидетелем первых успехов сына. Джакомо исполнилось шесть лет, когда отец умер. Мать же и мысли не допускала, что ее дорогой мальчик не пойдет по стопам своего отца. Занятия продолжались, хотя порой и против воли юного музыканта. Ребенок обладал блестящими способностями, но был необычайно ленив. Гораздо больше, чем сидеть за органом, ему нравилось ловить птиц в лесу или плескаться в местной речушке. К сожалению, не все его учителя обладали достаточным педагогическим талантом и необходимым терпением. Так,

---

джакомо исполнилось восемнадцать, когда произошло событие, определившее его дальнейшую судьбу. В Пизе давали оперу великого Верди «Аида». Она произвела на Пуччини такое ошеломляющее впечатление, что он внезапно осознал — больше всего на свете ему хочется стать оперным композитором

лыш, как зачарованный, слушал игру отца на органе, но сам садиться за инструмент не желал. Чтобы обучить сына азам игры, Микеле вынужден был пойти на хитрость: он раскладывал на клавиатуре мелкие монетки, и, собирая их, малыш невольно нажимал на нужные клавиши. После урока, зажав монетки в кулачке, Джакомо, большой сластена, бежал в кондитерскую лавку за пирожны-

к примеру, родной дядя Джакомо, Фортунато Маджи, обучавший подростка пению и игре на органе, был не только строг, но и вспыльчив, и когда племянник брал не ту ноту, отнюдь не нежно пинал его башмаком по голени. Уже став знаменитым композитором, Пуччини, услышав фальшивую ноту, инстинктивно отдергивал ногу. И все-таки успехи Джакомо поражали издававших виды

преподавателей. В четырнадцать лет он поступил в институт Пачини в родном городе. Постепенно его известность как органиста-исполнителя и импровизатора, росла, и к шестнадцати годам он уже был автором нескольких церковных пьес. Юноша помогал матери содержать семью, играя в церквях Лукки и соседних городов. Впрочем, выступал он не только в храмах. Втайне от матери, аккомпанировал певцам и танцовщицам в местных казино и даже в одном престижном борделе, девицы которого оказывали ему благосклонное внимание.

Джакомо исполнилось восемнадцать, когда произошло событие, определившее его дальнейшую судьбу. В театре соседнего города Пиза давали оперу великого Верди — «Аида». Опера произвела на Пуччини ошеломляющее впечатление. Он внезапно осознал, чего ему хочется больше всего на свете — стать оперным композитором. Но при этом прекрасно понимал, что для осуществления этой мечты ему предстоит еще очень много сделать — и, прежде всего, пройти курс консерватории, разумеется, самой лучшей в Италии, миланской. А на учебу необходимы были деньги, и немалые. Тут на помощь пришла мать, ей удалось выхлопотать для своего любимца королевскую стипендию. Раскошелились и состоятельные родственники. Правда, произошло это только в конце 1880 года. Вступительные экзамены Джакомо сдал с блеском, набрав из всех поступавших наибольшее количество баллов. Он снял

комнатушку в тихом переулке Сан-Карло. Потом в этой же комнатке поселились приехавшие в Милан младший брат Джакомо и его кузен, тоже музыканты. «Я не голодаю, — писал он матери, — но ем скромно, в основном густой суп, который вполне наполняет мой желудок». Джакомо только не сообщал ей, что хозяйка категорически запретила им готовить в комнате, дабы «не погубить мебель», а потому, чтобы заглушить шипенье жира и бульканье кипящего супа, он вынужден был играть на фортепиано громкие бравурные марши. Милан был дорогим городом, и нищенской стипендии молодым людям, разумеется, не хватало. Порой они прятались в шкаф от надоедливых кредиторов, а чтобы повести молоденькую танцовщицу из Ла Скала в остерию «Аида», Джакомо приходилось закладывать свое единственное пальто.

Занимался он в эти годы необычайно много и целеустремленно. Порой у него не хватало денег на линованную бумагу, и тогда его преподаватель по композиции Амилькар Понкьелли получал от своего ученика задания, выполненные на использованных конвертах и даже меню из близлежащих трапторий. В этих случаях Джакомо неизменно вежливо выводил на полях слово «извините».

За три года пребывания в консерватории Пуччини написал немало весьма достойных произведений. Лучшие из них — романс «Меланхолия», струнный квартет, прелюдия и адажиетто для симфонического оркестра. Но наибольший успех выпал

на долю его каприччо, которое было исполнено в открытом концерте. Однако молодой композитор чувствовал, что его подлинное призвание — не симфоническая музыка, а опера, только в ней мог раскрыться его яркий самобытный талант.

Обстоятельства, казалось, благоприятствовали ему. Как раз в 1883 году, когда он заканчивал консерваторию, в Милане был объявлен конкурс одноактных опер. Добрейший синьор Понкьелли помог Джакомо найти подходящее либретто, и вскоре на свет появилась первая опера

Пуччини — «Виллисы». Жюри никак не отметило произведение молодого композитора. Позднее говорили, что Пуччини так торопился закончить партитуру к сроку, что его и всегда не очень-то аккуратный почерк сделался еще более неразборчивым, и члены жюри попросту не пожелали разбираться в рукописи. Однако, к счастью, оперой заинтересовались несколько видных музыкантов. Собрали необходимые деньги, и опера была поставлена на сцене миланского театра Даль Верме. Дебют 25-летнего композитора прошел с неожиданным

успехом. Его вызывали восемнадцать раз. В кармане у Джакомо было всего 40 сантимов, и он истратил их на телеграмму матери.

Пять лет, прошедшие между постановкой «Виллисов» и второй оперой — «Эдгар», были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни композитора. Постоянные денежные затруднения, смерть обожаемой матери, которая так и не дожидаясь до первых триумфов сына, — все это неизбежно затягивало работу над «Эдгаром». Впрочем, неизбывный оптимизм и жизнерадостность никогда надолго не поки-

кой талией. Она тоже страстно влюбилась в молодого красивого композитора. Вскоре их связь оставалась тайной лишь для несчастного мужа. Пуччини вернулся в Милан, а примерно через полгода Эльвира с маленькой дочкой приехали к нему, чтобы остаться навсегда. Через два года у них родился сын Антонио. В католической Италии развод в то время был невозможен, и Антонио оставался незаконнорожденным до восемнадцати лет. Лишь в 1904 году, после смерти Нарцисо, Эльвира и Джакомо сумели официально оформить свой союз.

Первое представление «Манон Леско» в феврале 1893 года прошло с грандиозным успехом. Автору пришлось около тридцати раз появляться на сцене, артисты плакали от волнения. Пресса буквально захлебывалась в хвалебных отзывах. «Манон» принесла Пуччини мировую известность. О нем заговорили как о выдающемся композиторе Италии, а Бернард Шоу назвал его наследником Верди

дали Джакомо. Тем более что как раз в это время в его личной жизни произошло немаловажное событие. В Лукке он познакомился с Эльвирой Геминьяни, супругой своего бывшего школьного одноклассника Нарцисо, преуспевающего коммерсанта. Джакомо давал молодой женщине уроки музыки и не на шутку увлекся ею. Эльвира была весьма импозантна: высокого роста, с правильными чертами лица, статная, с пышными формами и неправдоподобно тон-

Пока же они были молоды, счастливы, и жизнь «во грехе» не очень их смущала. Что смущало Джакомо, так это необычайная, почти патологическая ревность Эльвиры. Оказывать при ней знаки внимания другой женщине было небезопасно. Она готова была голодать, лишь бы у Джакомо не переводились его любимые сигареты (он был заядлым курильщиком), однако терпеть не могла, когда он даже по делам уходил куда-то из дому. Пуччини работал над

«Эдгаром» уже больше двух лет, и Эльвира, недовольная подобной медлительностью, порой запирала его в кабинете на ключ. При этом она не без ехидства напоминала Джакомо, что Верди закончил свою «Травиату» всего за месяц.

Премьера «Эдгара» в Ла Скала апреле 1889 года прошла без особого успеха, но виноват был в этом скорее не композитор, а автор запутанного, напыщенного либретто. Зато следующая опера «Манон Леско» знаменовала коренной перелом в его творчестве. К этому времени материальное положение Пуччини стало более устойчивым — годы нужды и лишений остались позади. Недовольный шумной атмосферой Милана, он осуществил свою давнюю мечту — поселился вдали от города в тихом Торре дель Лаго, между Пизой и известным приморским курортом Вьяреджо. Это местечко в лесном заповеднике стало любимым пристанищем композитора в течение последующих трех десятилетий. Он жил в просторном доме на берегу озера Массачуколи, в окружении чудной природы. Здесь он имел возможность всецело отдаваться творчеству, отвлекаясь лишь на свои излюбленные развлечения — охоту и рыбную ловлю. Сочинение «Манон» шло быстро, легко и было завершено за полтора года. Трогательная и авантюрная история Манон Леско и кавалера де Грие, написанная аббатом Прево, в интерпретации Пуччини стала, по словам одного из критиков, «оперой страсти, в которой трепещет вечная че-

ловеческая драма любви и смерти». Первое представление «Манон» в феврале 1893 года в Турине прошло с грандиозным успехом. Автору пришлось около тридцати раз появляться на сцене, артисты плакали от волнения. Пресса буквально захлебывалась в хвалебных отзывах. «Манон Леско» принесла Пуччини мировую известность. О нем заговорили, как о выдающемся композиторе Италии. Бернард Шоу, в то время занимавшийся музыкальной критикой, назвал его наследником Верди.

Неутомимый искатель сюжетов для своих произведений, Пуччини был счастлив, когда вскоре после завершения «Манон» обнаружил серию новелл французского писателя Мюрже. Она называлась «Сцены из жизни богемы». История о судьбе нескольких юных парижанок — бедных обитателей Латинского квартала — пробудила в памяти Джакомо картины его собственный озорной и нищенской студенческой жизни. Со свойственной ему страстностью композитор начал разрабатывать план будущей «Богемы».

Забавное совпадение, но само слово «богема» стало звучать на вилле Пуччини еще до того, как он задумал оперу с этим названием. Дело в том, что постоянными обитателями Торре дель Лаго были художники, поэты, музыканты, с которыми Пуччини подружился очень скоро после приезда на озеро Массачуколи. Компания нередко устраивала шумные сборища в хижине местного сапожника, быстро переоборудовавшего ее в тратторию. Там за веселой за-

стольной беседой и родилась идея «Клуба богемы». Председателем был единодушно избран Пуччини. Один из пунктов шуточного «устава» клуба гласил: «Педанты, слабые желудком, нищие духом, ворчуны и прочие достойные сожаления люди в клуб не принимаются и подвергаются всяческому презрению». Возможно, под достойными сожаления людьми имелись в виду те, кто избегал общества прекрасных дам. Джакомо к ним явно не относился. Он искренне любил Эльвиру, но считал глупым отказываться от любовных приключений на стороне. Нередко члены «Клуба богемы» перевозили своего председателя на лодке на другую сторону озера, где его уже ожидала какая-нибудь местная красотка. Эльвира что-то подозревала, слишком уж тщательно Джакомо одевался на некоторые заседания Клуба, но доказательств у нее не было. Иногда члены Клуба являлись к Джакомо домой, и он работал над оперой прямо при них. Присутствие посторонних ему не мешало, а в какой-то мере даже стимулировало, разумеется, если к нему не приставали с разговорами. По-настоящему же он мог работать только поздно вечером или ночью. Пуччини панически боялся сквозняков и простуд, поэтому даже в летние ночи натягивал плотный шерстяной джемпер, обматывал шею шарфом, надевал перчатки и обязательно широкополую шляпу, а в его кабинете постоянно полыхал огромный камин. Маэстро обливался потом, но чувствовал себя при этом превосходно.

Эльвира на эти чудачества внимания не обращала, но когда Джакомо, вместо того чтобы работать над оперой, уходил на озеро стрелять уток или диких курочек, нервничала и устраивала ему сцены. Чтобы спастись от ее наскоков, Пуччини иногда прибегал к хитрости — специально приглашал на виллу одного молодого пианиста, который ранним утром должен был играть мелодии из «Богемы», в то время как сам композитор пропадал на охоте.

«Богема» поначалу была принята публикой и критикой с холодком — слишком уж непохожа она была на помпезные спектакли того времени. Ее называли даже «оперой оборванцев». Однако довольно скоро она затмила все другие произведения оперного репертуара. Особенный успех выпал на ее долю в Палермо в феврале 1896 года. Спектакль закончился в час ночи, но публика не желала расходиться, неистово аплодируя исполнителям. Дирижеру пришлось вновь занять свое место и повторить финальную сцену с Мими, уже успевшей переодеться в дорожное платье, и с Рудольфом без парика. Среди почитателей оперы было немало знаменитых людей. В архиве Пуччини хранится портрет знаменитого изобретателя Томаса Эдисона с такой надписью: «Человек умирает, правительства меняются, но мелодии «Богемы» будут жить вечно».

Композитор настолько привык к триумфам, что первое исполнение своей следующей оперы «Тоска» в Риме в январе 1900 года счел едва ли не провалом. И это притом, что

публика вызывала певцов 22 раза. Кстати, в том же 1900 году состоялось знакомство композитора с молодым певцом Энрико Карузо. Неаполитанец должен был петь вместо заболевшего тенора на премьере «Тоски» в Ливорно. Пуччини пожелал послушать его сам. И когда Карузо исполнил первое ариозо Каварадосси, пораженный композитор смог только воскликнуть: «Кто по-

слал вас ко мне? Сам Господь?» До самой смерти певца Пуччини оставался его верным другом.

Летом 1900 года в Лондоне, куда он ездил в связи с постановкой своей «Тоски», Пуччини увидел пьесу «Гейша» драматурга Дэвида Беласко. Трагическая судьба юной японки глубоко взволновала композитора. Вернувшись в Милан, он со своими либреттистами принялся за ра-

боту. Оперу Пуччини назвал «Мадам Баттерфляй» — «Бабочка», и лишь впоследствии по инициативе постановщиков она шла в разных театрах под названием «Чио-Чио-сан». (Кстати, ближе к японскому было бы «Чо-Чо-сан»). Во время работы он несколько раз встречался с супругой японского посла, от которой узнал немало интересовавших его бытовых подробностей. Кроме того, она пела для него японские народные песни.

Музыку Пуччини писал быстро, но урывками — отвлекали частые по-

ненный бриллиант. Надо сказать, что на первых порах «Баттерфляй» вообще не очень везло. Спектакль в лондонском «Ковент-Гардене» едва не был отменен: не могли найти ребенка на роль сына Чио-Чио-сан. Дело в том, что в Лондоне существовал закон, запрещавший детям появляться в театре позднее определенного часа. Пуччини уже совсем было отчаялся, когда режиссеру пришла в голову мысль прибегнуть к помощи лилипутов. В театр явился семнадцатилетний лилипут с лицом японского

оначала «Богема» была принята публикой и критикой с холодком — слишком уж непохожа она была на помпезные костюмно-романтические спектакли того времени. Ее называли даже «оперой оборванцев». Однако довольно скоро она затмила все другие произведения оперного репертуара

ездки за границу. Мешало и новое увлечение композитора — автомобили. Надолго выбила его из колеи серьезная автомобильная авария, в которую он попал зимой 1903 года. По словам очевидцев, когда композитор пришел в себя, первые слова его были: «О, Баттерфляй, маленькая моя!»

Поразительно, но премьера «Баттерфляй» в миланском «Ла Скала» обернулась едва ли не провалом. Затянутость некоторых сцен утомляла зрителей. Впрочем, после доработки опера засверкала, как хорошо огра-

идола, он-то и должен был изображать трехлетнего белокурого сынишку Чио-Чио-сан. Кстати, женщину, послужившую прообразом Чио-Чио-сан, звали Циро Ямамура. По утверждению директора музея истории из Нагасаки, ей помешали совершить самоубийство, и она дожила почти до пятидесяти лет. Впрочем, Пуччини об этом вряд ли знал. Он с трогательной нежностью относился к своей героине и даже назвал ее именем свою любимую моторную лодку, их у него, кстати, было около

полудюжины. Джакомо увлекался ими так же, как автомобилями, и носился на них по озеру со скоростью под сорок километров в час.

Пуччини сам называл себя неутомимым охотником за водоплавающей дичью, интересными либретто и хорошенькими женщинами. С годами его страсть к женскому полу не ослабевала. Особенно «разворачивался» Джакомо во время своих поездок по Италии и за границей, и тут ревнивая Эльвира ничем не могла ему помешать. Однако дома она принимала свои меры: если к обеду приглашалась, допустим, какая-нибудь красивая дама, Эльвира добавляла мужу в вино или кофе порошки, которые, как считалось в то время, умеряли половое влечение.

Пуччини никогда серьезно не относился к ревнивым выходкам Эльвиры, которая в 1904 году стала его законной женой, и жестоко поплатилась за свое легкомыслие. Жертвой Эльвиры оказалась их молодая служанка Дория Манфреди. Чистая и невинная девушка преклонялась перед Пуччини, испытывая к нему безмерное уважение, однако Эльвира обвинила ее в сожительстве с мужем и с позором выгнала из дома. Потрясенная несправедливостью, девушка покончила жизнь самоубийством. Судом Эльвира была осуждена на пять месяцев тюремного заключения. С большим трудом Пуччини, сам возмущенный жестокостью жены, сумел добиться замены этого наказания денежным штрафом и щедрой

помощью семье погибшей. Памяти бедной девушки он посвятил образ рабыни Лиу в своей последней опере «Турандот». Но это произошло много лет спустя. Пока же маэстро переживал полосу длительного творческого кризиса. Правда, в конце 1910 года в нью-йоркской Метрополитен-опере с огромным успехом прошла премьера его новой оперы «Девушка с Запада». Она была написана на американский сюжет, и Пуччини стал на некоторое время самым популярным человеком в Штатах.

Следующие же семь лет он безуспешно метался в поисках подходящего сюжета. Его увлекал то «Оливер Твист» Диккенса, то «Три мушкетера» Дюма. Так и не была написана опера на сюжет романа «Собор Парижской богородицы» Гюго. Маэстро внимательно следил за русской литературой, читал Тургенева и Толстого, думал даже об опере «Анна Каренина», но больше всего привлекали его рассказы Горького. Он сам сделал несколько сценарных набросков, среди них «В степи» и «Макар Чудра», даже упрашивал друзей как-нибудь связать его с Горьким. Однако то ли ему так и не удалось сделать это, то ли он стал сомневаться в том, что сможет передать в своей опере атмосферу русской жизни, которую совсем не знал, но замысел этот так и не осуществился.

Долгое творческое молчание Пуччини вызывало всевозможные толки. Говорили, что композитор зашел в ту-

пик, что он «исписался», и карьера его кончена. Но все недоброжелатели умолкли после появления своеобразного триптиха, объединяющего три одноактные оперы — «Плащ», «Сестра Анджелика» и «Джанни Скикки». Последнюю критика назвала маленьким шедевром.

И все-таки Пуччини был уже не тот, что прежде, — личные переживания, горечь потери друзей, болезни, ощущение приближающейся старости, все это подтачивало его силы, лишало творческой энергии. Стре-

мясь остановить процесс старения, он даже подумывал об операции по омоложению. Прослышав о том, что профессор Сергей Воронов в Париже добивается чудесного омоложения своих пациентов, пересаживая им репродуктивные железы обезьян, он собирался поехать во Францию, и лишь предупреждение врачей о том, что диабет, которым он страдал, делает эту операцию очень опасной, остановило его.

Пучинни было уже за шестьдесят, и он чувствовал, что силы его на ис-

ходе. Каждый день без творчества казался прожитым зря. И вдруг — удача, ему попала на глаза «Турандот» — одна из самых поэтичных пьес Гоцци. Экзотическая сказка с трагикомическим сюжетом мгновенно воспламенила творческое воображение композитора. Но его постоянно задерживали либреттисты, и сочинение оперы затягивалось. Он же не мог ждать, боялся, что не успеет закончить свою «лебединую песню». Наконец либретто было закон-

написал на клочке бумаги, так как говорить уже не мог. Более чем трехчасовая операция прошла, по мнению врачей, успешно, но не выдержало сердце композитора. 29 ноября 1924 года Пуччини не стало.

Премьера «Турандот» состоялась в «Ла Скала» через полтора года после смерти ее создателя, в апреле 1926 года. По черновым наброскам Пуччини ее закончил его коллега Ф. Альфано. Дирижировал друг Джакомо А. Тосканини. После того как

А

долгое творческое молчание Пуччини вызывало всевозможные толки. Говорили, что композитор зашел в тупик, что он «исписался», и карьера его кончена. Но все недоброжелатели умолкли после появления своеобразного триптиха, объединяющего три одноактные оперы — «Плащ», «Сестра Анджелика» и «Джанни Скикки». Последнюю критика назвала маленьким шедевром

чено. Увы, поздно. Физическое состояние маэстро давно не на шутку беспокоило семью. Многие годы Пуччини страдал от болей в горле — слишком уж злоупотреблял он курением. Однако сейчас все было гораздо серьезнее. Врачи поставили диагноз — рак. Пуччини в сопровождении сына отправился в Брюссель, но лечение радиом не помогло. Необходима была срочная операция. «Дайте мне только двадцать дней, чтобы я смог закончить «Турандот», — просил композитор врачей. Эти слова он

прозвучал последний аккорд, написанный Пуччини, Тосканини опустил дирижерскую палочку и, повернувшись лицом к публике, произнес: «На этом месте Джакомо Пуччини вынужден был прервать свою работу». Певцы, оркестр и публика в глубоком молчании покинули зал. Лишь на втором представлении опера была сыграна до конца, с финалом, написанным Альфано.

Что ж, Пуччини мог быть доволен. Его прекрасная и своенравная Турандот все-таки пришла к людям. □

КЛУБ

Пролог

На северную Ютландию с ночного неба все сыпала и сыпала нескончаемая водяная крупа. Мерзкий, пронизывающий ветер, к которому просто нельзя привыкнуть, дул со стороны пролива Скагеррак, и нечего было надеяться хотя бы на малую передышку в неутомимой работе этой чудовищной аэродинамической трубы.

Влажные порывы ветра то и дело захлестывали небрежно выкопанную землянку, осыпающиеся стены которой источали могильный запах. И сама мысль о том, что он находится в центре объединенной Европы, в лоснящемся от жира Датском королевстве, казалась Пашке Долганову дикой до безумия. Это фантастическое ощущение нереальности происходящего пронзало восторгом.

— Хорошо! — крикнул Пашка.

— Ничего хорошего, — вяло отозвался Странник.

Непонятно, каким образом этот двадцатилетний питерский хиппи добрался до здешних мест? У Пашки-то был честь по чести оформленный загранпаспорт, с шенгенской визой и лондонской регистрацией, тогда как Странник мог в случае чего предъявить только замызганный российский паспорт старого образца.

Журнальный вариант

«МОНРЕАЛЬ»

Они познакомились несколько дней назад в Христиании, всемирной столице хиппи.

Девятнадцатилетнему студенту Оксфорда, сыну российского нефтяного магната Павлу Долганову быстро наскучила жизнь в университетском городке. И после не слишком успешной сдачи сессии юный Долганов, вместо того чтобы поехать на каникулы в Москву, рванул «по европам». Благо папашины денежки позволяли. Он уже был наслышан о Христиании, о странных людях, населяющих эту столицу хиппи, и посему ноги (вернее — комфортабельный скоростной поезд) принесли его в Копенгаген.

Поначалу хиппари отнеслись к Пашке не просто с недоверием, а с откровенной враждебностью. Цивильный, недешевый прикид, короткая стрижка и жизнерадостное, розовое лицо юного Долганова просто не могли вызвать положительных эмоций у изможденных наркотиками, нечесаных и немытых хиппи. Но Пашка быстро стал своим среди этого оригинального сообщества, и его кредитная карточка сделалась общим достоянием, что полностью соответствовало неписаным законам хиппи.

Однако сам Долганов был до глубины души разочарован. Он-то рассчитывал угодить на самое дно современного общества, вдохнуть одуряющий аромат морального разложения, а увиденное им в Христиании было знакомо до боли и острого впечатления не производило.

Пашкино детство прошло примерно в таких же условиях. Он вырос в барачном поселке нефтяников под Тюменью. Папаша его не сразу стал миллионером, семейка Долгановых мыкала горе вплоть до начала девяностых, уж Пашка-то помнит, хоть и мелкий был... И Христиания, всего-навсего, уносила оксфордского студента в не столь далекое детство. В общем, никакой новизны тут для российского паренька не наблюдалось.

Хиппи из Питера, называющий себя Странником, выслушал сетования Пашки и предложил ему отправиться на север, к Скагену. «Только там, братишка, ты сможешь оказаться среди настоящих хиппи, — говорил Странник.

И они двинули на север. За Пашкой и Странником увязался датчанин Йенс — хиппарь без возраста, без прошлого и будущего. Взяли — авось пригодится при знакомстве с пещерными жителями...

Йенс и вправду сослужил им службу: после его коротких переговоров с угрюмым «викингом», который, очевидно, имел относительный авторитет среди обитателей землянок, вновь прибывшим указали на полуобвалившуюся нору в песчаном холме, хозяин которой недавно отошел в мир иной и был закопан тут же, чуть в стороне от поселения.

— Надоело мне уже здесь, — буркнул Пашка. — Экзотика хороша в меру. Мотануть-ка обратно в Оксфорд, там ребята, регби... Я же в команде. Может, на соревнования куда-нибудь рванем.

Страннику было неприятно слышать такие сентенции. «Зажрался, сволочь, вот от скуки и надумал снизойти до нас, сырых и убогих. А теперь натешился, гад, щас в свою Англию жировать вернется, а я? Да кто я для него? Так, диковинное животное, и больше ничего».

Он нащупал в темноте увесистый булыжник. Удобно сидит сынок миллионера. Вот он, висок, всего каких-то полметра. Ну, метр от силы... Где у него кредитная карточка? Точно, в левом кармане куртки, это Странник хорошо помнил. Главное, чтоб камень с ладони не соскользнул...

Пещеру пронзил голубой свет фонаря, луч запрыгал по неровным стенам, по лицам Долганова и Странника. Снаружи доносились выкрики на малопонятном языке — датский, какой же еще... Странник выпустил булыжник из ладони и заложил руки за голову.

Судя по интонации полицейского, им приказывали выходить из пещеры. Они выбрались под морозящий дождь, ослепленные фарами нескольких полицейских машин. Облава! И сюда добрались!

Поодаль уже понуро выстроились обитатели соседних землянок. Пашку ловко обшаривали привычные к обыску руки, вытаскивали из кармана пакет с героином.

Подошел другой полицейский, что-то отрывисто сказал, указывая в сторону покинутой приятелями пещеры.

— Ты понял? — прошептал Странник. — Йенс подох. От передозы...

Пашка ощутил, что к холоду ветра, дувшего от берегов Норвегии, прибавилось леденящее прикосновение застегиваемых на его кистях наручников.

Аркадий Савельевич Креков, статный белобры-
сый мужчина средних лет, церемонно принял с
подноса официанта фужер золотистого шампан-
ского. На его лице блуждала умиротворенная
улыбка человека, снисходительно и доброжела-
тельно относящегося ко всему миру. Успешного,
богатого.

По залу ресторана при отеле «Блиц», арендо-
ванному под празднование юбилея французской
булочной «Изабель», принадлежащей Крекову,
шустро сновали официанты с подносами, устав-
ленными разноцветными бокалами, грудами ка-
напе, фруктами и фарфоровыми чашечками с
жюльеном. Струнный квартет величаво наигры-
вал Брамса, гости Аркадия Савельевича, начав с
шампанского и сухого мартини, уже в большин-
стве своем перешли на «Блэк Дэниэл» и «Гор-
донс», а потому в зале стоял нестройный гомон,
прерываемый раскатистым хохотом подогретых
спиртным бизнесменов самых разных мастей.

Супруга Аркадия Савельевича наотрез отказа-
лась участвовать в «этой показухе» — так она
окрестила нынешнее мероприятие. Сказалась
больной. Как же, больная! Никакая она не боль-
ная, просто жаба ее душит, вот что. Валентине
было бы невмоготу смотреть на то, как их семей-
ные капиталы исчезают в бездонных утробах фи-
нансистов, торгашей, посредников и их размале-
ванных, безмозглых баб. А ему, Крекову, можно
подумать, это зрелище доставляет удовольствие!
Как бы не так... Но он терпел, делал вид, что бла-
женствует на своем злосчастном юбилее.

Все-таки права была Валентина, что отговори-
ла его устраивать вечеринку в ресторане клуба
«Монреаль»: там угощение для такой оравы —
а собралось человек сорок — обошлось бы мно-
гократно дороже. Разумеется, и качество блюд

было бы куда выше, и уровень сервиса... Но и здесь все шло пока совсем неплохо. Скоро подадут знаменитые мидии, только не в горшочках, а на огромных блюдах.

К полуночи уже были сказаны все речи, спичи и тосты, приличествующие случаю, гости сбились в тесные компании и давно позабыли, по какому поводу собрались...

Аркадия Савельевича с юных лет прозвали Крекером, хотя тогда он и не помышлял о хлебобулочном бизнесе. Равно как не был он сухим, пресным человеком. Просто фамилия такая... Креков. Между прочим, старинная московская купеческая фамилия. Дед, успешно торговавший скобянкой еще при царе, а потом — во время нэпа, учил маленького Аркашу, что нет никакой разницы, что продавать, лишь бы дело приносило доход. Каким-то образом избежав сталинских репрессий, призыва на фронт, а затем и козней брежневского ОБХСС, дед до последних своих дней спекулировал чем попало на Тишинском рынке и умер в ладу с самим собой незадолго до перестройки.

Подобно отцу Федору из «Двенадцати стульев», Аркадий Креков с конца восьмидесятых брался за любое начинание, сулившее быстрый доход, но никак не мог отыскать свою гавань.

Такой гаванью должна была стать наконец-то его булочная-супермаркет с претенциозным названием «Изабель». Годы брали свое, хватит скакать козлом по чужим огородам... Однако и в этом бизнесе далеко не все складывалось так, как хотелось бы Крекову. Полтора года назад Аркадий Савельевич познакомился с владельцем престижного санатория для богатых людей, имеющих отклонения в психике. Доктор Градов — так звали преуспевающего нувориша от медицины — согласился заключить долгосрочный контракт с «Изабелью» на поставку в санаторий крупных партий французских булок и выпечки. Креков под предстоящий контракт закупил дополнительное дорогостоящее оборудование, взял кредиты, это было самое счастливое время в его жизни, время радостных ожиданий...

И надо же такому случиться! Доктор Градов сам оказался психом, к тому же — маньяком-убийцей... Суд признал владельца престижного санатория невменяемым, его отправили на принудительное лечение в какой-то подмосковный «дурдом». Градову несказанно повезло: главврачом там был его старинный друг, и примерно через полгода хозяин санатория вышел на волю как выздоровевший. Позвонил Аркадию Савельевичу, они даже встретились на радостях в ресторане «Охотничий» — Градов питал пристрастие ко всему, что связано с оружием и стрельбой по живым мишеням.

Ан нет, рано радовался господин Креков, да и, как выяснилось, доктор Градов тоже. За время пребывания последнего в дурдоме его сестра, юрист по профессии, сумела оформить опеку над душевнобольным братом, а затем, выпустив дополнительную эмиссию ценных бумаг санатория, стала его фактической владелицей. Градов, узнав об этой проделке, пришел в ярость, кинулся в санаторий, стал сыпать жуткими угрозами в адрес сестры... Та была готова к подобному обороту, Градова скрутили его же бывшие подчиненные, и он вновь был отправлен на лечение как рецидивный параноик. Только на этот раз в Казань, где у него не было никаких друзей среди медперсонала психушки.

Креков приуныл. Кредит до сих пор не возвращен, оборудование простаивает. Что делать? Брать новый кредит, вот что! Бизнес не терпит ни отступлений, ни топтания на месте. Надо нанести ответный удар по жестоким обстоятельствам. И Креков уже планировал открыть кафе-шантан при своей булочной «Изабель».

Аркадий Савельевич, поминутно раскланиваясь с довольными гостями, подошел с двумя бокалами шампанского к мужчине в малиновом шерстяном костюме. Этот человек выделялся среди прочих еще и своей ярко-рыжей шевелюрой и такого же вызывающего цвета усами. «Рыжий Гарри» — так прозвали в мире финансов вице-председателя правления банка «Норд-Вест» Александра Гаврилова.

— Не угодно ли шампанского? — осведомился Креков, улыбаясь Гаврилову.

— Да нет, не стоит, — проворчал Рыжий Гарри и продемонстрировал свой высокий стакан, наполненный виски.

В деловых кругах Рыжему Гарри завидовали, его уважали и боялись одновременно. Говорили, что этому «таракану» все сходит с рук —

и пьянка, и откровенное, неприкрытое отмывание криминальных денег... Впрочем, все это — мелочь, пустяки. Совсем недавно суд оправдал Гаврилова, который обвинялся, ни много ни мало, как в двойном убийстве собственной жены и ее любовника, председателя правления банка «Норд-Вест» Вадима Биланова, старинного приятеля и босса Рыжего Гарри. С помощью ушедшего адвоката ему удалось выйти «сухим из воды».

Впрочем, у всех присутствующих на процессе очень быстро сложилось впечатление, что, помимо адвоката, в роли защитников обвиняемого Гаврилова дружно выступали как судья, так и прокурор. В результате обвиняемый был освобожден прямо из зала суда в связи с недоказанностью его вины.

Свобода и возможность продолжать финансовую деятельность дорого обошлись Рыжему Гарри — четырнадцать миллионов долларов выложил он за «гуманный» вердикт районного суда. Уж не судья ли с прокурором поделили между собой эти денежки? Вовсе нет: служители Фемиды действовали не за деньги, не за совесть, а за страх. Некто могущественный и напроць лишенный человеколюбия недвусмысленно предложил им оправдать подсудимого Гаврилова в обмен на перспективу дышать воздухом и радоваться жизни.

Он-то, полковник ФСБ Лисин, а точнее — стоящая за ним негосударственная организация, и получил означенные четырнадцать «лимонов» баксов.

Неудивительно, что после таких неэкономических затрат у банка «Норд-Вест» заметно пошатнулись позиции на финансовом рынке, и потому Гаврилов столь недружелюбно смотрел на довольно сомнительного заемщика, каковым безусловно считал Аркадия Савельевича.

Креков понял, что выбрал далеко не лучший момент для тонких финансовых переговоров. Но и просто так раскланяться и отойти было бы глупо: не затем же он пригласил сюда Гаврилова, чтобы лишний раз напоить его?

— А как там, Александр Александрович, судьба моего предложения? — вымученно спросил он.

— Какого предложения? — нахмурился Гаврилов.

— Ну, как же! Насчет кредита, можно сказать...

— А-а... — протянул Рыжий Гарри и беззастенчиво скривился: — Рассматриваем, Аркадий Савельевич, это ведь, сами понимаете, дело не одного дня...

«Вот сволочь!» — с досадой подумал Креков. «Рассматриваем...» Такой ответ он уже не раз выслушивал по телефону. Надеялся, хоть тут, в неофициальной, так сказать, обстановке, Гаврилов расщедрит на более внятное обещание помочь.

Из неловкой ситуации Аркадия Савельевича выручил метрдотель, чуть не бегом семенивший к нему через зал с протянутой телефонной трубкой:

— Вас, господин Креков... — пролепетал он с округлившимися глазами. И добавил вполголоса, чтобы не услышал Гаврилов: — Из органов...

				Глава вторая				

— Знаешь, кого убили? — старший оперуполномоченный МУРа Максим Бурцев положил телефонную трубку и повернулся к Алексею Каморину: — Абрамова, булочника. Ну, того самого, помнишь?

Как не помнить... Молодые супруги Каморины и подполковник Бурцев жили недалеко друг от друга, и Бурав частенько подвозил старшего лейтенанта домой на своих стареньких «Жигулях». Иной раз они прихватывали по дороге жену Алексея Ирину, которая работала в парикмахерском салоне на Большой Дмитровке. И если успевали, то обязательно заскакивали в булочную-пекарню на улице Миклухо-Маклая, где торговал свежим хлебом добродушный толстяк Абрамов...

Комар (так в отделе убийств называли долговязого, русоголового Каморина) печально вздохнул. Нет, он, конечно же, не был шокирован словами подполковника — за три с лишним года службы в МУРе по привычке к ежедневным сообщениям о насильственных смертях. И все-таки... Окончательно свыкнуться с подобными известиями было невозможно. Тем более, когда речь идет о человеке, с которым ты общался уже долгое время.

Пятидесятилетнего верзилу Абрамова знала, почитай, вся округа. Он выпекал на удивление вкусные караваи и рогалики, продавал их с пылу-жару. Причем неслыханно дешево. Вот и шли

в магазинчик к Абрамову бабули да студенты, чуть не с раннего утра выстраивались в очередь. Надо полагать, завтра многие из них будут искренне горевать о его смерти.

Бурав — так, в свою очередь, за глаза именовали подполковника Бурцева сослуживцы — взглянул на часы. Стрелки показывали половину двенадцатого ночи. Что ж, на сегодняшнем дежурстве им не придется двигать фигурки по шахматной доске да попивать виртуозно заваренный подполковником чаек.

— Едем, — сказал подполковник.

Спустившись во внутренний двор ГУВД, он с наслаждением вдохнул бархатистый воздух июльской ночи, подошел к микроавтобусу «мицубиси», где уже восседали дежурный следователь городской прокуратуры Константин Шаравин, судмедэксперт Сергей Груздин и криминалист Слава Зарезин.

— Мужики, мы с Алексеем на моей старушенции поедем, я там немного покручусь и домой двину, спать, — сказал в дверной проем микроавтобуса подполковник. — А вы давайте, не ждите...

— Ну да, это ж рядом с тобой, — отозвался из утробы «мицубиси» доктор Груздин, который не раз оставался ночевать у Бурава после обильных возлияний.

Следователь Шаравин хотел, было, что-то возразить, но так и не сумел придумать, к чему тут можно придраться, и хмуро промолчал.

«Мицубиси» плавно вырулил на Петровку, а Бурав и Комар направились к многострадальной «шестерке» подполковника.

До улицы Миклухо-Маклая Максим Бурцев дорулил за полчаса, по дороге обменявшись с Комаром лишь несколькими фразами. Видно было, что весть об убийстве Абрамова и на опытнейшего сыщика произвела тягостное впечатление.

Наконец впереди показалось приземистое строение со скромной вывеской «Булочная». Возле магазинчика уже белел «мицубиси», рядом стоял полицейский «уазик» местного РОВД.

Бурцев кивнул двум сержантам, курившим у входа в магазин-пекарню, толкнул дверь. Где-то внутри помещения тоскливо звякнул колокольчик, сыщики уверенно направились к еще одной двери, из-за которой доносились приглушенные голоса. По пути Бурав бросил взгляд на крепко сбитого мужика, сидевшего на стуле у прилавка и никак не отреагировавшего на появление оперативников.

Комнатушка, куда протиснулись Бурцев и Алексей, была, с позволения сказать, кабинетом босса, то есть Абрамова. Комар скользнул взглядом по массивному письменному столу, креслу на колесиках, обитому черным дермати-

ном. У входа — вешалка с обычным драповым пальто. Криминалист Слава Зарезин монотонно перечислял предметы обстановки следователю Шаравину, пристроившемуся на стуле с папкой в руке. Впечатление было такое, что в помещении происходит опись имущества, конфискованного за неуплату налогов.

Доктор Груздин, склонившийся в углу, выпрямился и деловито констатировал:

— Макс, определенно можно сказать, что смерть наступила не более двух часов назад, то есть примерно в 22.00. Сейчас труповозка приедет.

— Ты что, уже успел все просчитать? — недоверчиво спросил подполковник.

— Ну да... Мы ведь здесь уже минут пятнадцать. Чего тут считать-то? Температура тела, приблизительная масса тела, температура в помещении.

Алексей посмотрел в угол, ярко освещенный фотолампой криминалиста Зарезина: там, на полу, скорчился необъятных размеров булочник, из-под его левой лопатки торчала деревянная ручка хлебного ножа.

— Отпечатки на орудии убийства тщательно стерты, — пояснил Зарезин. — Хотя, может, убийца был в перчатках...

— В июле? — чуть насмешливо перебил его Бурцев.

— Тут вас, товарищ подполковник, дожидается младший компаньон Абрамова, Поликарпов, — заглянул в комнату один из полицейских, которых они видели у входа. — Это он сообщил по «ноль-два» об убийстве.

— Допроси вместе с Константином, — кивнул Бурцев Алексею. — Ну, общие сведения — где родился, где крестился, как дошел до жизни такой... И что по делу может сказать. А я пока здесь все осматрю.

— Труповозка приехала, — сообщил второй полицейский. — Скажите, когда его забирать, санитары ждать не любят, такой уж народ...

Минут через двадцать Бурав появился в торговом зале, где Шаравин и Каморин допрашивали Поликарпова, и позвал Комара в пекарню.

Это было довольно просторное чистое помещение с белыми облупившимися котлами для закваски и тремя электрическими духовыми шкафами. Возле одного из них Бурцев остановился.

— Судя по моей находке, ему вонзили нож в спину вот здесь, — сказал он и ткнул пальцем в железный поднос, валявшийся вверх дном на бетонном полу.

Каморин наклонился, с грохотом откинул железяку и увидел под ней черновато-красную лужицу. Кровь...

— Умирать ему не хотелось, — задумчиво пробормотал Бурав. — Не представляю, как ему удалось доползти до кабинета? Бедняга...

— Бедняга, — машинально повторил Алексей.

— А вот это ты как объяснишь? — Бурцев резко распахнул духовой шкаф, и Алексей с некоторой опаской заглянул внутрь. Там было пусто.

— Что ты имеешь в виду? — не понял старлей.

— А ты еще не дотумкал? Эх, Леша, пора бы уже наблюдательности-то обучиться, ведь три года в МУРе...

— Ну ладно тебе, Макс, — стушевался Алексей. — Говори толком, что ты тут обнаружил!

— А то, — с нажимом сказал Бурцев, — что печь теплая!

Комар сунул руку в утробу шкафа. Она дышала неостывшим жаром.

— Остальные две тоже прогреты основательно, — уже спокойным тоном продолжал подполковник. — Но ток отключен. Иди-ка сюда.

Они вернулись в кабинет, где возле открытой форточки безмятежно курил доктор Груздин. Тело Абрамова только что увезли, и оттого комната казалась опустевшей. Бурцев показал на график выпечки хлеба, висевший над письменным столом.

— Сечешь? Первый замес в одиннадцать вечера, второй — в час ночи, третий

в три. Печи включаются в полночь. К семи утра выпечка заканчивается, в восемь — пошла продажа. Какого лешего Абрамов включал печи раньше времени, чуть ли не сразу после закрытия магазина? А? Ведь овес, брат, нынче дорог, то бишь, плата за электричество. А выходит, что работали духовые шкафы вхолостую!

— Тебе виднее, — виновато развел руками Комар.

— Ладно, проехали, — отмахнулся подполковник. — Но хоть в шахматах-то ты немного разбираешься, верно? — и подвел Алексея к небольшому столику возле окна, на котором стояла шахматная доска, утыканная деревянными фигурами. — Ну, как тебе позиция? — насмешливо спросил он.

Комар присмотрелся, наморщив лоб... Слов нет, позиция на доске была какая-то странная. В чем ее странность, Каморин понял не сразу, но, наконец-то, до него дошло: е-мое, такого быть не может! Оба короля стояли под шахом!

— Непонятные вещи творились тут во время убийства, — покачал головой подполковник и повернулся к Груздину: — Вот ты скажи, док, может человек, которому засадили здоровенный нож в сердце, проползти расстояние метров эдак в восемь? А?

— Все бывает, Макс, — нехотя процедил Сергей Сергеич. — В этой жизни может быть абсолютно все, только с разной степенью вероятности. Скажу кратко: смерть гражданина Абрамова наступила мгновенно, если угодно — прямо в момент проникновения колюще-режущего предмета в сердечную мышцу. Все. Доволен?

— Нет, не доволен, — ответил Бурцев и внезапно подобрел: — Извини, Серега... А что вам с Шаравиным рассказал Поликарпов? — повернулся он к Алексею. — И как он тебе вообще?

Комар обрадовался, что может быть чем-то полезен, и начал обстоятельно докладывать.

||||| **Глава четвертая** |||||

Младший компаньон убитого, на взгляд молодого опера, был человеком мрачным, подозрительным — такой действительно может всадить нож в спину кому угодно. Из показаний Поликарпова

выходило следующее. Сам хозяин магазина-пекарни, Евгений Абрамов, выпечкой хлеба не занимался, он вел все финансовые дела и продавал свежий хлеб с 8 утра до 8 вечера. Частенько, правда, их товар заканчивался уже к пяти часам. Между прочим, Абрамов выполнял и работу грузчика и сам принимал мешки с мукой от поставщиков с московского мукомольного завода.

А в роли единственного пекаря выступал Поликарпов — он-то и горбатился возле чанов с закваской и духовых шкафов с 10 вечера до семи утра, потом шел домой отсыпаться. Сегодня, как обычно, Поликарпов пришел на работу к десяти, обнаружил убитого Абрамова и позвонил куда следует.

— Зови его, Комар, — прищурился Бурцев. — Сейчас я допрошу его по-настоящему.

В кабинет вошел квадратный, угрюмого вида битюг.

— Почему вы меня столько времени маринуете? — грозно начал он, остановив почему-то свой тяжелый взгляд на докторе Груздине. — Мне давно хлеб пора печь!

— Вот как? — удивился Бурав. — Вы, стало быть, считаете нормальным, как ни в чем не бывало, продолжать работу? Уважаемый, ваш хозяин убит, если до вас еще не дошло. Кто же, скажите на милость, будет утром торговать вашими булками? И каким образом вы проникли в помещение?

— Не проник, а вошел, — вновь попытался взбрыкнуть Поликарпов. — Через служебный вход со двора. Там дверь ведет прямо в пекарню, мы через нее муку загружаем. А что? Я всегда так вхожу, так удобнее.

— Вы включали электрические печи, когда пришли сюда?

— Не успел... Зашел в кабинет, а там Евгений Петрович лежит, мертвый уже...

— А сколько вам платил Абрамов? — вдруг поинтересовался Бурав.

— Слезы, — хмуро ответил пекарь. — Ну, шесть-семь тысяч в месяц. Не густо, верно? За ночную-то работу в этой душегубке.

— Вижу, вы не очень-то любили покойного, — вскользь заметил Бурцев. — Вы, гражданин Поликарпов, наверное, часто уговаривали Абрамова поднять цены в магазине, так ведь? Сколько вы стали бы получать, если бы он продавал хлеб по рыночной цене?

— Тыщ пятнадцать, — с готовностью ответил Поликарпов и прикусил губу.

— Любопытно... — протянул Бурцев. — А почему, кстати, вы называете себя компаньоном убитого?

— Ну, потому, что на бумаге я тоже считаюсь совладельцем пекарни и магазина. Недавно Евгений Петрович предложил мне войти в долю,

и я, конечно, согласился. Хотя на деле здесь всем продолжал заправлять он один, а я как был рабочей лошадкой, так и остался.

— Выходит, после смерти Абрамова, вы становитесь владельцем всего этого заведения?

— Наверное, — ответил Поликарпов с каким-то едва уловимым испугом. — Евгений Петрович говорил, что наследников у него нет...

— Где сидел? За что? — вдруг резко спросил подполковник.

— За драку, гражданин начальник, — совсем скис хлебопек. — В Воркуте сидел, уголек кайлил...

— За драку... — слегка сбавил тон Максим. — Потерпевший, поди, кони двинул, на том свете оказался?

— Не-е, через недельку очухался, только вот умом малость повредился... Да он и без того дурной был, как выпьет, за нож хватался.

Стоявший в дверях сержант на всякий случай придвинулся поближе к Поликарпову, цепко следя за его руками.

Бурцев знаком велел пекарю подойти к окну.

— Увлекаетесь шахматиками? — указал он на столик с клетчатой доской.

— Отродясь не играл, — прижал руки к груди хлебопек, будто ему вменяли в вину что-то крайне предосудительное. — А Евгений Петрович баловался, это точно. По вечерам, после закрытия магазина, к нему приходил приятель, господин Креков, хозяин французской булочной «Изабель», это в трех кварталах отсюда. Шикарное заведение, не чета нашему. А я, начальник, ни-ни, даже как они ходют-то, фигурки эти, не знаю.

— Спасибо, любезный, у меня больше нет вопросов. Пока нет. И... Я вас задерживаю по подозрению в умышленном убийстве Евгения Абрамова.

Сержант привычно застегнул наручники на широких волосатых запястьях Поликарпова и грубовато подтолкнул его к выходу.

— Это что же, выходит, я его убил? — пытался обернуться верзила, но полицейский уже выпихнул его из кабинета.

— Не он! Чую, не он! — грохнул кулаком по столу подполковник и вышел в торговый зал к местным «пинкертонам».

Домашний телефон хозяина французской булочной «Изабель» Аркадия Крекова подполковник Бурцев быстренько выяснил с помощью сотрудников местного отделения полиции. Вернувшись в кабинет с довольным видом, он принялся крутить телефонный диск допотопного аппарата из черного эбонита.

Сонная госпожа Крекова недовольно пробурчала в трубку, что мужа нет дома — он, дескать, пьянствует на каком-то банкете. Нет, номер мобильного телефона она дать не может — муж категорически запретил. Бурцев терпеливо вытянул из нее адрес вечеринки и уже спустя минуту-другую набирал номер администратора отеля «Блиц».

Это и был тот самый звонок, который прервал тягостную для Аркадия Савельевича беседу с Рыжим Гарри.

На другом конце провода, как понял Комар, все тонуло в шуме гулянки, потому что Бурав с натугой орал в трубку:

— Алло! Мне Крекова! Уголовный розыск! Это срочно, дело серьезное! Да, жду... Господин Креков? С вами говорит старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска подполковник Бурцев. Отдел убийств. Вам необходимо немедленно приехать в булочную Абрамова. Потом, потом узнаете... Машину выслать? Нет? Ладно, поторопитесь.

Подполковник бросил трубку и отдышался. Поднял глаза: на него с укоризной смотрел следователь Шаравин.

— Что такое, Костя? — встревожено спросил Бурцев.

— Максим Юрьевич, что же вы делаете, а? Это же самоуправство в конце концов. Почему надо свозить свидетелей среди ночи на место происшествия? Вы только что задержали подозреваемого, примите мои поздравления. Но с какой такой стати я должен по вашей милости проводить допрос свидетелей здесь, в пекарне? Что, нельзя завтра выехать к тому же Крекову или вызвать его повесткой в МУР или в прокуратуру?

— Согласен, Костя, допросы по закону нежелательно проводить в ночное время — допрашиваемый потом может опротестовать протокол. Поэтому я и не стал совсем уж загонять в угол беднягу Поликарпова.

— Постой, Макс, — вмешался Комар. — Я чего-то не понимаю, ты же сказал, что это не Поликарпов...

Шаравин с удивлением уставился на Алексея, перевел взгляд на подполковника. Тот выразительно крякнул, метнул глазами молнию в сторону Комара и елейным голосом проговорил:

— Не обращай внимания, Костя, товарищ старший лейтенант и впрямь чего-то недопонимает. И поверь мне, если ты иногда будешь закрывать глаза на некоторые процессуальные нарушения со стороны старика Бурцева, то быстренько дослужишься до старшего советника юстиции.

Константин махнул рукой и вышел, даже спиной ухитряясь продемонстрировать обиду.

||||| Глава пятая |||||

Алексей, жуя бутерброд, изучал фотографии в аккуратных рамочках, развешанные по стенам. Интересный подбор, однако... Вот группа «Роллинг Стоунз», вот Дженнис Джоуплин, Джимми Хендрикс... В эту эстрадную компанию непонятно каким образом затесался датский сказочник Андерсен, его портрет висел на почетном месте.

— Судя по фотографиям певцов, убитый в молодости принадлежал к хиппи, — предположил Каморин, стараясь придать своему лицу умный вид. — Смотри-ка, Макс, да ведь это он!

Комар взял со стола пожелтевший снимок: молодой длинноволосый Абрамов в компании таких же патлатых меланхоликов.

Бурцев взял фотографию, стал ее пристально изучать. Перевернул — на обратной стороне ничего, никаких «опознавательных» записей.

Алексей чувствовал себя в ударе. Он снова подошел к стене:

— Знаете, мужики, отсюда кое-что пропало! — и ткнул пальцем в торчащую из стены шляпку гвоздя. Чуть ниже на обоях выделялось темное квадратное пятно. — Одной

фотографии не хватает, — возбужденно провозгласил Комар. — И я почти уверен, что здесь висел снимок группы «Дорз» — это главные кумиры для хиппи всех времен и народов!

— Молодец, сечешь! — похвалил напарника подполковник. — Но при чем тут, скажи на милость, датский сказочник Андерсен?

Алексей пожал плечами:

— Шут его знает... — пожал плечами Алексей.

— Вообще-то, — неуверенно предположил доктор Груздин, — в Копенгагене находится всемирная столица хиппи — их знаменитый квартал Христиания...

В этот момент в кабинет вошел Аркадий Креков и, с достоинством затворив за собой дверь, внимательно оглядел Бурава, Комара и Груздина, дожевывающих свои бутерброды.

— Разрешите представиться: Креков Аркадий Савельевич. Вы позволите?.. — Он неспешно снял легкий летний плащик бутылочного цвета и водрузил все это на вешалку.

— Подполковник Бурцев, отдел убийств Московского уголовного розыска, — ответил Бурав, с любопытством разглядывая еще одного булочника за сегодняшний день, правда, на сей раз — живого и здравствующего. — Этот молодой человек — оперуполномоченный Каморин, и, наконец, судмедэксперт Груздин. А вот и наш главный, господин Шаравин, следователь по особо важным делам.

— Что произошло? — спросил Креков. — Где Евгений?

— Убит, — лаконично выдохнул Бурцев и пристально посмотрел на него: — Стандартный вопрос: где вы были между половиной десятого и половиной одиннадцатого минувшего вечера?

— На праздничном банкете, — ответил Аркадий Савельевич. Видно было, что он тщательно взвешивает каждое слово. — Понимаете, моему предприятию исполнилось три года, и я счел нужным отметить это событие. Пригласил партнеров по бизнесу, арендовал ресторан в отеле «Блиц»... В полдесятого я был уже там. Человек тридцать-сорок могут подтвердить, что вплоть до двенадцати я никуда не отлучался.

— И, похоже, даже ничего не пили, кроме соков, — иронично заметил подполковник. — Довольно странно для юбилейного банкета, вы не находите? Или у вас проблемы со здоровьем?

— Вы не правы, господин... ммм... Бурцев, — мягко возразил бизнесмен. — Пару бокалов шампанского я принял. Надеюсь, вы простите меня за то, что после этого я приехал сюда на своей машине?

— На этот счет будьте спокойны, — утешил его Бурав. — Мы не из ГИБДД. — Он прошелся по кабинету, задумчиво теребя нижнюю губу,

и вкрадчивым тоном начал: — Это что же получается, Аркадий Савельевич, вы, стало быть, бросили своих гостей, помчались сюда чуть ли не через всю Москву... Мне, конечно, отрадно, что вы с таким уважением относитесь к правоохранительным органам, и все-таки, согласитесь, ваше стремление быть полезным полиции выглядит довольно странно. Особенно в столь знаменательный день. У вас уже были проблемы с законом? Вы привлекались как свидетель?

— Вот именно, что нет! — выпалил Креков. — Для меня ваш звонок был неожиданностью, причем не из разряда приятных... Тем более, вы сказали по телефону, что представляете отдел убийств... Вам, подполковник, видимо, трудно понять, что испытывает обычный, законопослушный гражданин, когда с ним впервые в жизни общается сотрудник МУРа! Да еще таким категорическим тоном...

— А чем вы объясните вот это? — Бурав подвел насторожившегося Крекова к столику с шахматной доской.

— А-а, — вздохнул тот. — Я заехал сюда после семи вечера, и мы с Абрамовым сгоняли пару партий. Как обычно. А где-то в девять я отправился прямо отсюда на банкет.

— Интересно, кто же выиграл? — невинно поинтересовался подполковник.

— Я, — серьезно ответил Аркадий Савельевич. — Я всегда у него выигрывал.

— Ну, это смотря, по каким правилам играть, — осклабился Бурцев. — Взгляните внимательнее на доску!

— Это не наша позиция... — насупился Креков. — Тут бредятина какая-то. Вероятно, после моего ухода Абрамов разыгрывал варианты сам с собой и случайно поставил шах обоим королям. Кстати, как он был убит?

— Ножом в спину, — холодно ответил Бурав. — Потом убийца вышел через черный ход. Вы, между прочим, тоже ведь им воспользовались, господин Креков?

— Да, — пожал плечами Аркадий Савельевич. — Я и машину свою там парковал, когда приезжал в Евгению после работы.

Бурав, словно прикидывая что-то, оглядывал высокую фигуру Крекова и вдруг неожиданно спросил:

— Волейболом увлекались?

— Н-да... — растерянно ответил Креков. — В молодости играл за институтскую команду, да и теперь, знаете ли, не упускаю случая побывать на площадке, потрянуть стариной. А куда вы клоните?

— Видите ли, спортивный вы мой Аркадий Савельевич, — с расстановкой произнес подполковник. — Я ведь тоже играл в волейбол, был отменным подающим, хоть и ростом не вышел. Прыгучий был, понимаете? Прыгучесть, она многие недостатки компенсирует... Так вот, удар, который был нанесен Абрамову, может исполнить далеко не любой и каждый. Согласитесь, всадить большой, чуть не в локоть длиной, ножище, да еще при этом попасть точно в сердце с одного удара, может либо мясник, либо профессиональный убийца, либо... волейболист. Техника примерно та же: удар с большого замаха, сверху вниз... У меня складывается твердое убеждение, что в момент удара Абрамов сидел, склонившись над чем-то. Скажем, над шахматной доской. Убийца зашел сзади, пока он обдумывал свой ход. Нож, очевидно, лежал на столе. После удара Абрамов повалился вперед, и шахматные фигурки рассыпались по полу... Вы не можете сказать, с кем еще Абрамов мог играть в шахматы после вашего ухода?

— Нет, мне неизвестны другие его шахматные партнеры, — не задумываясь, ответил Креков. — Но продолжайте, подполковник, все это крайне интересно...

— Еще как интересно! — Бурцев поднял вверх палец. — Самое любопытное только начинается... Дело в том, что преступнику зачем-то понадобилось создать впечатление, будто убийство произошло в пекарне. В кабинете только один стул, на нем, очевидно, сидел во время игры гость Абрамова. Стало быть, Абрамов восседал в своем любимом кресле. Оно на колесиках, легко перемещается, и на нем наверняка остались кровавые пятна. Интересно, убийца догадался протереть кресло от крови?

Подполковник взялся за подголовник кресла, подкатил его к шахматному столику. Комар с замиранием сердца, восхищенно наблюдал за Буравом, а Груздин, скрестив руки на груди и облокотившись о стену, одобрительно выпятил губу: как-никак, новая версия полностью соответствовала его профессиональному выводу о мгновенной смерти потерпевшего.

— Итак, — продолжал Бурцев, — убийца откинул тело Абрамова назад на спинку кресла, собрал с пола шахматные фигуры и расставил их на доске. Тут он допустил первую оплошность: впопыхах объявил шах обоим королям сразу, что и привлекло мое внимание. Затем он покатил кресло с покойником в цех-пекарню... На руках ведь Абрамова не утащишь, тяжел больно.

— Что дальше? — напряженно спросил Креков.

— Дальше-то? А Бог его знает... Кстати, когда вы покидали сие заведение, духовые шкафы случайно не были включены? Вы не обратили внимания?

— Нет, знаете ли, не обратил...

— Ну, как же так, господин хороший! Вы же сами, с позволения сказать, хлебопек, профессиональная наблюдательность вам, вероятно, присуща... Ведь чтобы выйти к машине через черный ход, вы непременно должны были пройти через пекарню. Они же гудят, наверное, печи эти?

— Нисколечки не гудят, — со снисходительной улыбкой ответил Креков. — Принцип их действия прост: электричество нагревает спирали, укрепленные на стенках. И все. Да вы сами можете испытать. Никакого шума.

— Да? Ну и ладушки. А кстати, сколько времени требуется, чтобы раскалить печи до нужной температуры? Ну, перед тем, как формы с тестом загружать?

Креков сосредоточенно соображал.

— У Абрамова шкафы старые, но, как мы говорим, зверские. Думаю, до двухсот градусов они раскалялись минут за пятнадцать, максимум — двадцать.

Подполковник подошел к электрическому щитку, осмотрел рубильники с черными пластмассовыми набалдашниками.

— Слава! — заорал он так, что его, наверное, слышно было и на улице.

Появился испуганный криминалист Зарезин с недоеденным бубликом в руке.

— Ты вот с этих рубильников отпечатки пальцев снял?

— Обижаете, товарищ подполковник! Я же не первый день работаю... Нет там никаких отпечатков, все гладко и стерильно, как в лаборатории.

— Утешил... Ладно, иди, ты еще понадобишься.

— В пекарне обычно работают в холщовых рукавицах, — насмешливо вставил Креков.

Бурцев зорко глянул на него, наклонился, поднял лежащий вверх дном железный поднос. Лужа крови под ним подсохла и стала почти совсем черной.

— Кресло с мертвецом простояло здесь какое-то время, достаточное для того, чтобы натекла вот эта лужица, — продолжил он. — Затем убийца прикатил кресло назад в кабинет, сбросил тело Абрамова на пол и поставил кресло к письменному столу. Это было сделано для того, чтобы убедить следствие, будто убийство произошло после того, как партнер Абрамова по шахматам покинул помещение. Мол, Абрамов откатил кресло на его место, а сам сел на единственный стул и принялся разыгрывать различные комбинации в одиночку. Потом он якобы услышал, как с черного хода в пекарню вошел Поликарпов, отправился его встречать и получил удар ножом от своего компаньона. А глупый Поликарпов, в свою очередь, якобы хотел свалить убийство на шахматного партнера Абрамова и перетащил тело из пекарни в кабинет. В общем, убийца так старался запутать следствие, что в результате и сам запутался.

— А вы что, совершенно не допускаете, что так оно и было? — спросил Креков. — Я имею в виду, что убийца — Поликарпов?

— Ну, почему же, — кисло ответил Бурцев. — Допускаю, конечно... Тем более что Поликарпов ничего не смыслит в шахматах и действительно мог изобразить на доске самую абсурдную позицию, если случайно задел доску и рассыпал фигуры. А что вы, кстати, можете сказать о нем?

— О Поликарпове? — Креков задумался. — Замкнутый человек, но работник стоящий. Признаюсь, я даже одно время подумывал переманить его к себе. Но недавно он стал младшим совладельцем пекарни, у него появились перспективы, надежды на будущее...

— И оно наступило, — мрачно сказал Бурцев. — Кстати, Аркадий Савельевич, у вас была коммерция с убитым? Или конкуренция?

— Нет, у нас разная клиентура. Скажите, подполковник, вы уже кого-то конкретно подозреваете? Я понимаю, что такие вопросы обычно остаются без ответа...

— Отнюдь, — в тон ему ответил Бурав, — на сей раз готов сделать исключение. Видите ли, Аркадий Савельевич, я склонен был бы подозревать вас... И не обижайтесь понапрасну, право, не стоит. У вас надежное алиби на момент убийства... Правда, доктор еще не сказал окончательного слова, и теоретически допустимо, что Абрамов еще жил какое-то время после удара ножом в сердце.

— Ну, это вряд ли, — буркнул Груздин.

— Вот именно, — кивнул Бурав. — Всецело доверяя доктору, я по подозрению в убийстве Абрамова задержал гражданина Поликарпова. Поэтому и расспрашивал вас о нем столь подробно.

— А вы знаете, — оживился вдруг Креков, — ведь тут крутился еще один тип, безобразный длинноволосый парень лет двадцати. По-моему, он был неприятен Абрамову, но, тем не менее, Евгений почему-то кормил его, давал ему ночлег в магазине, в уголке. Раскладушку из дома для этого оборванца принес... Так этот парень у него постоянно выпечку разную воровал. Все это длилось примерно неделю, а позавчера Абрамов не выдержал и вышвырнул парня с глаз долой.

Комар и Бурав переглянулись. Хиппи? Старый дружок? По возрасту не подходит...

— Спасибо, Аркадий Савельевич, за дополнительную информацию, — бросил подполковник и снова склонился над креслом. Провел пальцем по черной глади кожзаменителя, удовлетворенно хмыкнул: — Убийца вытер кровь довольно тщательно. Тряпку он, скорее всего, взял в пекарне, там полно ветоши. А куда он потом ее дел? Скорее всего, прихватил с собой, это же улика. Ее надо где-нибудь выкинуть. Если убийца был за рулем, то он, я думаю, кинул окровавленную тряпку в багажник своего автомобиля. Может, она и до сих пор там, а?

Подполковник посмотрел на Крекова и весело подмигнул:

— Пошли к машине, Аркадий Савельевич!

Лидия Марковна Галушко, одинокая пенсионерка семидесяти шести лет, сидела возле окна своей кухоньки, подперев щеку костлявой ладонью. Старческая бессонница уже стала привычной, необременительной. Лидия Марковна обычно спала два часа под утро, перед открытием булочной Абрамова, да еще часа три после обеда.

Окна ее однокомнатной квартирки на первом этаже панельной «хрущевки» выходили на проезжую часть, а на другой стороне дороги хорошо был виден фасад булочной-пекарни. Для Марковны уже несколько лет стало делом чести всякий день быть первой покупательницей у Абрамова. Тоже своего рода смысл жизни... Ничем не хуже любого другого. Тем более что все остальные «смыслы» остались в далеком прошлом, и слава Богу.

Впрочем, сегодняшней ночью старушке было не до скудных размышлений о прожитой жизни. В булочной Абрамова происходили знаменательные события. Сначала Марковна увидела, как к магазину подъехал полицейский «уазик», в булочной зажегся свет, и этот дундук Поликарпов впустил в помещение стражей порядка. Потом подъехала еще одна машина, за ней — еще...

Обокрали! Так она и знала. Даром, что ли, ночами просиживала возле окна? Она-то все видела, чувствовала — быть беде. Что мешало снять телефонную трубку и набрать «ноль-два»? Ведь телефон ей бесплатно установили еще семь лет назад, как участнице трудового фронта...

Марковна и сама не могла бы объяснить, почему не просигналила об опасности. Вроде бояться ей уже нечего, возраст не тот, и все-таки...

Э, да тут, видно не просто кража! К булочной подъехала машина, похожая на «Скорую помощь», из нее двое санитаров выгрузили носилки. Надо идти, посмотреть... Обматерят, так обматерят — чай, не впервой.

И Марковна, кряхтя, стала одеваться. Снова подошла к окну. Санитары натужно тащили из булочной носилки с грузным телом, накрытым простыней. О Господи! Старушка мелко перекрестилась и засемила к выходу.

Аркадий Савельевич, ежесекундно чертыхаясь, сражался с замком на багажнике своей желтой «Ауди-100». Вот уже минут пять он никак не мог справиться с нехитрым устройством, и всем это уже порядком надоело.

Бурцев смотрел на пыхтевшего Крекова насмешливо, а Комар подумал: «Нарочно сломать замок хочет, надеется, что мы рукой махнем... Не на тех напал, нас на измор не возьмешь».

За всем происходящим угрюмо наблюдал из муровского «мицубиси» задержанный Поликарпов...

— Да вы не нервничайте, Аркадий Савельевич, — процедил подполковник. — Хотите, я вам помогу?

— Не надо! — раздраженно обернулся Креков. — Сам справлюсь... Этот поганый замок меня уже достал, придется менять...

Раздался глухой щелчок, и крышка багажника, снабженная отменной гидравликой, плавно поехала вверх.

— Смотрите! Изучайте! — бросил он и отошел чуть в сторону.

Бурцев взял у сержанта фонарик, осветил в глубину багажника. Запаска, портативный огнетушитель, аптечка, домкрат, монтировка, пластмассовый ящичек с инструментом...

— А где же тряпки? — спросил он у Крекова.

— Какие еще тряпки? Что за издевательство? — простонал тот.

— Ну, как же, Аркадий Савельевич, — терпеливо, будто малому ребенку, начал объяснять Бурцев. — Судя по содержимому вашего багажника, вы можете в случае необходимости самостоятельно устранить мелкую неисправность в машине, ну, заменить свечу, колесо...

— Да, могу, как любой нормальный водитель, — раздраженно отреагировал булочник, видно было, что он с трудом держит себя в руках.

— Все нормальные, как вы изволили выразиться, водители возят с собой ветошь. Даже если ездят на иномарке. Откройте салон!

Бурцев изучил пахнущую дезодорантом утробу «ауди», выпрямился:

— И там пусто.

— Максим Юрьевич, я не могу квалифицировать как улику отсутствие в машине ветоши, — вмешался Костя Шаравин с таким серьезным выражением лица, что подполковник еле удержался от улыбки.

Подошел сотрудник местного райотдела, отозвал в сторонку Бурава, начал докладывать. Как ни старался сержант говорить тихо, все прекрасно его слышали:

— Ничего нет, товарищ подполковник... Все вокруг обыскал, тряпки не нашел.

Поодаль, возле «мицубиси», его напарник энергично объяснялся с какой-то бабкой, которая, несмотря на теплую ночь, была в телогрейке и длинной шерстяной косынке. Сержант цепко держал за локоть суетливую старушку.

— Ты мне покажи, кто у вас тут главный! — донеслось до оперативников. — Я знаю, кто его убил!

Бурцев подал знак, и сержант отпустил Лидию Марковну Галушко. Марковна, как того и боялся Алексей, долго и нудно объясняла, что живет напротив и страдает бессонницей. Заметив суету возле булочной, она решила выйти поинтересоваться: может, ограбили? А тут, оказывается, убийство!

Так вот, Галушко подтвердила рассказ Крекова: в магазине целую неделю жил противный молодой бездельник, по виду — наркоман, который ужасно злил покупателей. Слонялся по торговому залу грязный, вонючий, постоянно приставал к людям, кланчил деньги... Абрамов объяснял недовольным клиентам, что это его сторож. Но на кой он нужен, если по ночам в пекарне работает Поликарпов?

— Я покойному так и говорила: гони ты его в шею, как бы он бед не натворил. И вот оно как вышло-то... Этот длинноволосый вторую ночь у нас на чердаке ночует. А около десяти вечера я его возле булочной видела, ошивался тут.

Бурцев подошел к Аркадию Савельевичу:

— Вы свободны, гражданин Креков. Но имейте в виду, что в самое ближайшее время мы вас, скорее всего, вызовем. Надеюсь, вы никуда не собираетесь уезжать?

— Не собираюсь. Хотя, честно говоря, я бы с удовольствием сбежал хоть в преисподнюю, лишь бы с вами больше не встречаться.

Креков с достоинством взялся за ручку передней двери «ауди».

— Пойдите, — осадил его Бурцев. — Э-э... Видите ли, коль скоро вы имели неосторожность сознаться нам, что выпили спиртного, я просто не имею права позволить вам сесть за руль в нетрезвом состоянии.

— Что-о?! — завопил булочник. — Да после такого пристрастного допроса даже мертвецки пьяный протрезвеет! А я только шампанского пригубил.

— И тем не менее, уважаемый Аркадий Савельевич, тем не менее, — стоял на своем Бурцев. — Да вы не волнуйтесь, вас довезут до дома на патрульной машине. «Уазик», конечно, не «ауди», зато вы поедете к жене, а не в кутузку. И за транспорт свой не волнуйтесь, присмотрим. Завтра

заберете. Или сами, или кто-нибудь из ваших близких... Дайте ключи.

Креков покорно отдал ключи от машины и двинулся к «уазу», а подполковник поманил к себе криминалиста Зарезина и доктора Груздина.

— Слава, отгонишь «ауди» на Петровку, сделаешь микроскопический анализ на предмет наличия кровяных клеток в багажнике. Такому же анализу подвергнуть обивку кресла. Все понял?

— Все, — вздохнул Зарезин. — Когда должно быть готово?

— Вчера, — ухмыльнулся Бурцев.

— Ясенько...

||||| Глава восьмая |||||

Распугивая спящих голубей, оперативники в сопровождении сержанта продвигались сквозь чердачные джунгли, освещая путь фонариками.

— Головы берегите! — прошептал Бурав.

Всюду торчали почерневшие деревянные сваи, перекрытия, густо устланные слежавшимся птичьим пометом. Под ногами хрустела угольная крошка.

Бродягу они отыскивали довольно быстро. Он устроил себе лежбище между двумя поперечными бревнами, навалив на пол затхлое тряпье. Растолкать парня было нелегким делом: он пребывал в изрядном наркотическом дурмане.

Молодой хиппи ровным счетом ничего не помнил из событий минувшего дня, лишь толковал, что сам он из Питера, прозвище его Странник. Когда собрался в столицу, «папа» (пятидесятилетний питерский хиппи) порекомендовал ему отыскать в Москве Сказочника. Он, дескать, приютит и накормит.

Сказочником, судя по всему, в мире хиппи называли убитого булочника Абрамова. «Вот поче-

му у него в кабинете висит портрет Андерсена», — с грустью подумал Комар.

— Он заставлял меня работать, это нарушение наших законов, — хныкал Странник. — Я отказался, и он вышвырнул меня вон, дал только двести рублей. Разве это деньги?

— Конечно, маловато на наркотики, — с ненавистью проговорил Бурцев. — Это откуда у тебя, подонок?

Подполковник держал в руке фотографию рок-группы «Дорз». Она была точно в такой же рамочке, что и другие в кабинете Абрамова...

— Поликарпов, на выход! — весело выкрикнул Алексей, просунув голову в салон «мицубиси». — Свободен... Скоро опять хлеб будешь печь, старух радовать.

— Уж он порадует, как же! — проворчала Лидия Марковна, глядя, как довольный Поликарпов вылезает из микроавтобуса. — Поди, завтра же цены подымет.

Поликарпов промолчал, размял затекшие после наручников кисти, поклонился оперативникам и зашагал в темноту проулка.

Шатающегося Странника затолкали в «мицубиси», и парень буквально повалился на пол между мягкими, обшитыми добротной тканью сиденьями — руки его были скованы за спиной наручниками.

— Блин, после этой скотины салон надо неделю проветривать, — скривился водитель. — Эй, не вздумайте его на сиденье сажать! Как они могут так жить, не понимаю...

Из дверей магазина показались доктор Груздин и следователь Шаравин. Они, не сговариваясь, сели вперед рядом с водителем, и несчастному Комару пришлось забираться в салон, где валялся задержанный наркоман по прозвищу Странник. Бурцев сочувственно заглянул в темноту салона, отыскал глазами Алексея:

— Ты уж давай, дуй в МУР, оформляй этого хиппаря в изолятор, а я домой двину, хоть немного посплю...

В следственном изоляторе ГУВД Комар проконтролировал, чтобы Странника отвели в душевую, сменили его обноски на казенную одежду, которая болталась на нем, как на огородном пугале. После этих процедур парень преобразился почти до обретения человеческого облика — все-таки молодость брала свое...

В камере, куда втолкнули бродягу, уже сидели несколько задержанных. Получив пару раз в «репу» — «для прописки», Странник улегся на свою койку и беззвучно заплакал...

Нет, не побои и не мысли о предстоящем длительном сроке заключения терзали сердце хиппаря. Просто он вспомнил строгорезжимную тюрьму в Хорсенсе, где пробыл всего-то с месяц. Но этот месяц стал самым светлым воспоминанием в его короткой жизни.

Когда их с Пашкой Долгановым доставили из «пещерного» поселения хиппи в ближайший полицейский участок в Йеринге, студент Оксфорда повел себя развязно и вызывающе. Еще бы! Документы у него были в порядке, денег на уплату за освобождение под залог хватало, а за спиной маячил папаша-магнат. К тому же и проблем с языком у Долганова не наблюдалось. В Дании все поголовно знают английский, а Пашка владел им даже лучше, чем простой британец.

Однако юному Долганову довольно сухо объяснили, что героин — это не марихуана, и за такое количество порошка даже в Дании предусмотрено уголовное наказание. Пашкин же аргумент, что он сын российского миллионера, и вовсе прозвучал бледно: следователь насмешливо дал понять наглому отпрыску нефтяного магната, что Дания — не Россия, со всеми, как говорится, вытекающими.

Впрочем, освобождения под залог Пашка еще мог бы добиться, не поведи он себя в полицейском участке самым что ни есть непотребным образом: под конец длинной тирады в его богатом арсенале уже не осталось ни одного не озвученного английского ругательства. Милостиво выслушав оксфордского студента, следователь отправил его в камеру.

Наступила очередь Странника. Следователь долго пялился в его паспорт, брезгливо морщился, перелистывая грязные, вонючие страницы и, наконец, снова вызвал Долганова — уже в качестве переводчика.

— Пишите, он — Иванов, — диктовал успокоившийся студент по-английски. — Сергей.

— Сергей Иванов? Вы что, издеваетесь? — вскипел следователь и отправил в камеру уже обоих.

Там Пашку и Странника слегка обработали резиновыми дубинками и оставили наедине.

— Чего это с ними? — прошептал Странник, для которого только что состоявшаяся экзекуция была не чем иным, как массажем по сравнению с тем, что ему в свое время пришлось вытерпеть от российских ментов.

— Чего, чего, — морщась от боли, потирал бедро Пашка. — У тебя имя-фамилия — как у нашего министра обороны. Усек? А откуда этому дебилу знать, что у нас Сергеев Ивановых — как грязи? Вот он и взбесился, подумал, что мы ваньку валяем...

На следующий день, ближе к вечеру, уже другой следователь вызвал Долганова и поздравил его: на шприце, обнаруженном в их землянке, «верхним» был отпечаток указательного пальца покойного Йенса Бострупа. Таким образом, доказано, что смертельную дозу героина он ввел себе сам, и с господ Долганова и Иванова снимается подозрение в преднамеренном убийстве.

Пашка мало что смыслил в юриспруденции, он никак не мог понять сложной аргументации следователя, а именно: на каком основании ему, российскому гражданину Долганову, отказывают в предоставлении адвоката. Он лишь уяснил, что основания таковые имеются, и главное из них то, что судить его будут в России, по российским законам. Дело в том, что полиция Дании связалась с отцом Пашки, президентом нефтяной компании «Джокер ойл» Прохором Долгановым, в результате чего буквально через пять часов по факсу пришел запрос из Генеральной прокуратуры РФ о выдаче Павла Прохоровича Долганова российской стороне. То есть, говоря юридическим языком — экстрадиции...

Что касается господина Иванова, то пока ему никаких обвинений не предъявлено — ведь пакет с героином обнаружили у оксфордского студента. Поэтому после необходимых дознаний и согласований с российской стороной он будет просто депортирован на родину. Если, конечно, за ним не числятся уголовные преступления в Дании и в России.

Обо всем этом Пашка рассказал Страннику, а через день их обоих перевели в Хорсенскую строгорегимную тюрьму — ждать решения об экстрадиции и депортации.

— Почему в строгорегимную? — испуганно спрашивал Долганова Странник, когда они ехали в зарешеченном отсеке полицейского микроавтобуса.

— Потому что мы — русские, — мрачно отвечал Пашка. — То есть, по здешним понятиям — особо опасные заключенные. Интересно, что

за строгости такие изобрели для нас королевские сатрапы?

||||| Глава девятая |||||

Кубическое здание тюрьмы было обнесено высоким бетонным забором с железными воротами. «А КПП у них — как на наших заводах», — отметил про себя Странник.

Их встречала не сказать, чтоб красивая, но вполне миловидная девушка в офицерской форме, скромной по ее ладной фигурке. Сразу было заметно, что Пашка понравился ей с первого взгляда — широкоплечий, с открытым, веселым лицом... Русский медведь. На изможденного и хмурого Странника девушка-офицер глянула лишь мельком.

— Ханна, — протянула она ладошку Долганову. — Будем говорить по-английски?

Странник, таким образом, практически был выключен из увлекательной беседы между офицершей и красавцем-узником. Правда, вечером Пашка подробно пересказал другу всю информацию, полученную за время их экскурсии по тюрьме — оказывается, такая экскурсия по правилам положена каждому вновь прибывшему «на постой».

Тюремная столовая напомнила Долганову кафе для рядовых сотрудников на фирме у его отца: вентиляция, добротные столы и стулья, чистота...

Дежурный зэк в белом халате и колпаке поставил перед Пашкой и Странником французский суп-пюре, по паре свиных котлет с рисом, кетчуп, салат, спрайт. Уплетая всю эту благодать, Странник толкнул Долганова локтем:

— Слышь, спроси насчет добавки...

Оказалось, что за добавку надо платить.

Здоровяк повар, который был виден через проем кухни, разделявал цыплят на ужин и недобро поглядывал на Пашку и Странника. Долга-

нов взглянул на верзилу, и тот продемонстрировал международный жест — провел лезвием ножа по горлу.

— Ханна, можно я с ним поговорю? — спросил Долганов, допивая свой спрайт.

— Конечно! Это наш давнишний клиент, датчанин. Можно сказать, местная достопримечательность. Сидит восьмой год, ему полгода осталось. Он владелец небольшого, но очень престижного ресторанчика в Копенгагене. Представляешь, пришел домой пьяный и пытался изнасиловать жену. Она на суде соглашалась в качестве компенсации за моральный ущерб получить этот ресторан, но Эрик предпочел пожить у нас. Ресторан по-прежнему принадлежит ему, он управляет заведением по телефону, факсу. Да и здесь зарабатывает неплохо — в месяц откладывает по две тысячи крон, остальное тратит на новые видеокассеты, диски, кока-колу и девочек.

Странник не мог понять, о чем говорит Ханна, иначе он вполне мог двинуться рассудком. А Пашка уже вразвалочку подходил к повару, который насмешливо смотрел на новенького.

— Привет, дружище, — сказал Долганов.

— Привет, привет, — также по-английски ответствовал повар. — Откуда прибыли, парни? Из Польши?

— Не-а. Мы из России, брат.

Верзила отшатнулся, его багровые щеки начали стремительно приобретать синюшный оттенок. «Сейчас удар хватит», — подумал Пашка и принялся успокаивать толстяка, что убивать его они с приятелем не собираются, а что касается ножа, которым повар им грозил, так, мол, они его прощают.

Повар обессиленно опустился на стул, тяжело дыша и с трудом приходя в себя.

— Поговорили? — улыбнулась Ханна, когда Пашка вернулся за столик.

— Поговорили, — кивнул Долганов. — Нормальный мужик.

— Что ты ему сказал? — прошептал Странник. — Он чуть в обморок не брякнулся!

— Ничего особенного, — по-русски ответил другу Пашка. — Сказал, что мы с тобой из России. Теперь, думаю, будет тебе добавка. Бесплатно.

Потом они ходили по обширной территории тюрьмы, смотрели, как на футбольном поле гоняют мяч заключенные, здесь же были теннисные корты, баскетбольная площадка... «Надо же, никто не обрит наголо, и одежда цивильная, не зонавская», — поражался Странник. Жить бы здесь да поживать...

Среди заключенных, как он подметил, преобладали арабы (или турки?), белых было не так много. Но, в общем-то, это особого значения не имело.

Странник нутром почувствовал, что между зэками, независимо от национальности, царит дух товарищества, даже братства. Еще бы, в этих-то сказочных условиях!

В так называемом бараке, в просторных холлах, стояли столы для пинг-понга, платные автоматы с сигаретами, кофе, кока-колой. Телефон — тоже, правда, платный — позволял связаться с любой точкой мира. Белые двери в камеры не запирались ни снаружи, ни изнутри. И еще была бильярдная — прокуренная, заполненная зэками, ожидавшими своей очереди.

— А теперь, парни, давайте располагаться, — сказала Ханна. — Есть комнаты на одного и на двоих. Вы как хотите?

Долганов посоветовался со Странником, и они решили поселиться вместе.

За свое ближайшее будущее Пашка не особо волновался: папик устроит ему быструю экстрадицию, потом — полное оправдание на суде (если он еще будет, суд-то). Главное — успеть к началу учебного года в Оксфорд, да чтобы там ни сном ни духом не ведали о его датских приключениях...

||||| Глава десятая |||||

Странник лежал на своей койке в затхлой камере следственного изолятора ГУВД, глотал горячие слезы. Ну почему судьба к нему так жестока? Почему датские полицейские нашли пакет с героином у Пашки Долганова, а не у него, Странника? Ах, как это было бы здорово, как счастливо переменилась бы его никчемная жизнь! Никто не стал бы хлопотать об экстрадиции такого ничтожества, как он, Серега Иванов по прозвищу «Странник», и судили бы его в Дании, дали несколько лет тюрьмы... Несколько лет человеческой жизни! Он отвык бы от наркотиков, пожил бы, поел по-

людски, а там, глядишь, получил бы образование — в Хорсенской тюрьме это запросто, есть даже компьютерные классы, не говоря уж о хороших преподавателях. И языки бы выучил, да и здоровье поправил. К тому же и денег заработал бы на долгие годы...

Уже на следующий день их совместного с Пашкой проживания в хорсенской тюрьме Странник, к немалому удивлению Долганова, объявил, что устроился в тюремный мебельный цех. На таком оборудовании работать — одно удовольствие: нажимай кнопки да складывай в штабель готовые сиденья для фанерных стульев. Шестичасовой рабочий день, два выходных... На руки обещали выдавать по полторы тысячи крон в месяц. Хочешь — копи, хочешь — живи в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывай.

Да, он по-настоящему был счастлив в Хорсенсе. Потому что почувствовал себя не животным, а человеком. В конце концов, думал Странник, ему только двадцать лет, вся жизнь впереди, и скоро он будет вспоминать о годах бродяжничества, о своих друзьях-хиппи, как о каком-то кошмаре...

Но через месяц в тюрьму заявился представитель российского консульства и объявил, что Сергей Дмитриевич Иванов депортируется на родину. Странник бился в истерике, его пришлось силой погружать в полицейскую машину... Он даже с Пашкой Долгановым не простился по-людски, настолько обезумел от горя.

Потом — аэропорт Каструп, двухчасовой полет до Пулково, какой-то казенный кабинет, где у Странника изъяли все деньги, которые он впервые в жизни заработал честно... Он подписывал какие-то показания, выслушивал угрозы и, наконец, его вышвырнули на промозглый питерский ветер.

И все пошло с неотвратимостью закона земного притяжения. Странник потопал к «папе», пятидесятилетнему хиппи, вокруг которого кучковалась их гоп-компания...

А теперь что его ждет? Известно, что — лет пятнадцать в лагере строгого режима, как пообещал Страннику надзиратель СИЗО. Выходит, если бы его оставили в Хорсенсе, то не только сам Странник стал бы нормальным человеком, но и толстяк Абрамов был бы жив. О Господи! Он повесится. Завтра же, когда пойдет в душ. Авось пустят, здесь уважают гигиену. Короткое полотенце можно разорвать надвое, связать, и тогда длина будет достаточной для петли.

Сегодня, когда он впервые за долгое время мылся в душе, за ним не присматривали. Это хорошо. Это шанс...

Распорядитель игорного клуба «Монреаль» Вениамин Андреевич Егоршин ехал на своем серебристом «лексусе» сквозь июльский дождик, лобовое стекло постепенно покрывалось крапинками грязи. Дворники опять барахлят, хотя электрика, между прочим, в порядке — Егоршин недавно проверял в автосервисе. Вон, радио работает исправно — ни тебе хрипов, ни пауз... Впрочем, в таких тонкостях, как начинка автомобиля, Вениамин Андреевич разбирался смутно.

В очередном перерыве между нескончаемыми шлагерами передавали сводку криминальных новостей. «Минувшей ночью в районе улицы Миклухо-Маклая совершено убийство владельца булочной-пекарни Евгения Абрамова, — жизнерадостно вещала девушка-диктор. — Предприниматель был убит ножом в спину. Следствие по делу ведет Московская городская прокуратура и Московский уголовный розыск. Органами внутренних дел по подозрению в совершении преступления задержан молодой человек без определенного места жительства. Также в списке подозреваемых — компаньон потерпевшего и владелец конкурирующей торговой организации».

Егоршин съехал на обочину, затормозил. Надо же, как быстро этим радио-болтунам становятся известны такие подробности! Ведь, по идее, личности задержанных должны сохраняться в строгом секрете на весь период следствия. Ясное дело, кто-то в ментовке «сливает» новости журналистам, получая за это хорошие денежки. Все продажные, все ...

Вениамин Андреевич невидящим взглядом уставился в лобовое стекло. Женя Абрамов убит... Сколько же они не виделись? Год? Полтора? Где-то так, если не больше. А ведь было время, когда

про них говорили — «друзья не разлей вода». Их даже считали братьями — настолько похожи были друг на друга Абрамов и Егоршин. Оба — здоровенные толстяки с жиденькими, уложенными на прямой пробор длинными волосами, с мясистыми лицами, озорным взглядом.

Как давно они были знакомы? Да уж больше тридцати лет. Егоршин учился тогда на втором курсе Института стали и сплавов, играл на ударных в студенческом вокально-инструментальном ансамбле. И звали его не Вениамином Андреевичем, а просто Веником.

Он рос в профессорской семье, у него постоянно водились деньги, и даже был собственный «Москвич-412», подаренный отцом по случаю поступления в институт. Благодаря таким редким достоинствам Веня всегда был «востребован» на вечеринках, дружеских попойках, выездах на «Разгуляй-поле». Правда, самому ему приходилось при этом сохранять трезвость — как-никак, все время за рулем... Но Веня не жаловался: ему нравилось, что без него не обходилась ни одна более-менее существенная пирушка или танцулька, он жаждал постоянно вариться в студенческих компаниях, и если машина и деньги помогали ему обеспечить такой образ жизни, то и славно. Каждый зарабатывает свой авторитет среди сверстников, как может.

И вот как-то в апреле студент Егоршин ехал на своем «Москвиче» в институт. Затормозив у светофора, он вдруг услышал истошный крик, раздавшийся справа. Веник глянул в ту сторону и обомлел: среди бела дня, неподалеку от центра столицы, разыгрывалось сражение «стенка на стенку». Патлатые, небритые парни противостояли хорошо организованному отряду коротко стриженных бойцов в спортивных трико и легких куртках.

Сзади заголосили клаксонами выстроившиеся у светофора автомобили, но Егоршин не трогался с места. Его начали объезжать, матерясь во все горло...

«Хиппарей бьют», — понял Веник, взглядевшись в обороняющихся. На глазок — в драке с обеих сторон принимали участие человек двадцать пять. Слышались глухие удары, треск костей, выкрики раненых.

На обочине, метрах в десяти впереди себя, Егоршин увидел желтый милицкий «уазик» с голубой полосой на борту. «Канарейка» — так назывались эти патрульные машины в народе. Возле «уазика», облокотившись на капот, курил долговязый старшина.

Егоршин выскочил из «Москвича» и подбежал к блюстителю закона.

— Товарищ милиционер, вы что, не видите? Здесь же драка!

— Та и що ж с того? — сплюнув, добродушно ответил страж порядка.

— Как что? Вмешайтесь, прекратите это избиение! — кипятился студент.

— Та нехай хлопцы играются, — вяло отмахнулся старшина. — От як нож побачу, тады разыму. А ты правила нарушаешь, шо встал на светофоре? Щас зараз дырку в талоне зроблю!

Веник побрел назад, к своему «Москвичу», как вдруг увидел, что прямо на него бежит окровавленный толстый паренек, за которым гонится верзила с куском арматуры в руке. Студент распахнул переднюю дверцу своей машины и замахал бегущему толстяку:

— Давай сюда!

Парень с разбега плюхнулся на сиденье рядом с водителем, разбрызгивая кровь. Заверещал милицейский свисток, Егоршин сразу стартовал, резко ушел вправо на боковую улочку, потом — дворами, пока, наконец, не затормозил возле мусорных баков. Отдышался. Вроде бы ушли...

Так и познакомились Веня Егоршин и Женя Абрамов. Женя хипповал уже три года, нигде не учился и не работал, но интеллектом обладал незаурядным — сказывалось воспитание в семье инженеров-электронщиков. Редкостная по тем временам специальность была у предков Сказочника — так звали Абрамова в среде хиппи...

Еще через год Женя постепенно совсем отошел от своей прежней компании. Веник познакомил его с девушкой со своего курса, и Абрамов стал частым гостем в Институте стали и сплавов... А потом он каким-то чудом (папа, что ли, постарался?) поступил в МИФИ.

Дружба Егоршина и Абрамова была романтической, благородной. Однажды, в каком-то непонятном душевном порыве, они дали друг другу слово: Абрамов назовет сына Вениамином, а Егоршин — Евгением. Н-да, как молоды мы были... Но не выпало ни тому, ни другому обзавестись семьей, детьми, видно — не судьба. Так и остались Веня и Женя бобылями. Абрамов — уже навсегда.

Егоршин вздохнул, завел движок своего «лексуса», развернулся и поехал в сторону улицы Миклухо-Маклая. Зачем? А Бог его знает...

Вот и знакомая булочная-пекарня, где он уже бывал пару раз. Собственно говоря, в свое время именно Вениамин Андреевич дал старому другу необходимую сумму на покупку бесхозного строения, приобретение оборудования... И никогда не напоминал о долге. Какие могут быть между ними счета?

Распорядитель клуба «Монреаль» затормозил возле входа в булочную. Двери на замке, возле них митингуют несколько бабулек... Вот уж действительно, как в поговорке — хлебом не корми, только дай посудачить...

— А я говорю, теперь долго не откроется! — услышал Егоршин горячий спор.

— А как откроется, так сразу цены другими будут, — подлила масла в огонь другая старушка.

Вениамин Андреевич опустил боковое стекло:

— Эй, матушки!

Бабки с опаской, выжидательно смотрели на роскошную машину и толстяка за рулем.

— Подойдите кто-нибудь, — позвал Егоршин как можно дружелюбнее.

Лидия Марковна Галушко, самая боевая из окрестных старушек, бочком приблизилась к «лексусу».

— На, мать, на помин раба Божия Евгения. — Вениамин Андреевич протянул в окошко тысячерублевую купюру и тут же мысленно обругал себя: ну, как они теперь будут ее делить? Ладно, авось разменяют на пятерых...

Марковна проворно приняла бумажку и по привычке перекрестилась.

— А вы кто ж ему будете? Родственник? — поинтересовалась она.

— Вроде того, — неопределенно ответил Егоршин и нажал кнопку стеклоподъемника.

Он снова посмотрел на приземистое строение с вывеской «Булочная». Невесело усмехнулся: подумать только, а ведь формально, по закону, теперь он, Егоршин, является владельцем этого не слишком-то презентабельного торгового предприятия! Да, дела... Вот и дожил ты, Веник, до того дня, о котором когда-то, много лет назад, они с юношеской беззаботностью балагурили с покойным Абрамовым...

Вскоре после того, как Веня и Женя дали торжественную клятву — каждый, мол, назовет своего будущего сына по имени лучшего друга —

Абрамов решил пойти еще дальше. Через пару дней он заявился домой к Егоршину с нотариально заверженным завещанием. В нем говорилось, что, если у Абрамова к моменту смерти не будет детей, он завещает все свое движимое и недвижимое имущество Вениамину Андреевичу Егоршину.

Эта пожелтевшая от времени бумага до сих пор где-то валяется среди документации клуба «Монреаль». Не так давно она попала в глаза Егоршину на глаза, и он сунул завещание Абрамова в папку к другим документам. Машинально, конечно, сунул, ведь не собирался же он, в самом деле, претендовать на эту несчастную булочную, хоть и помог когда-то Жене в ее приобретении. Просто решил сохранить бумагу как раритет, как память о романтической юности...

Вениамин Андреевич вдруг почувствовал, что покрывается холодным потом. Мысли путались, и только что сделанное открытие казалось чудовищным, невероятным... Он понял, почему погиб Женя Абрамов. Нет, не ради маленькой булочной-пекарни затевалось это кровавое убийство. На кону стояло кое-что посущественней. А именно — блистательный, изысканный игорный клуб «Монреаль», формальным владельцем которого значился в документах Вениамин Андреевич Егоршин. Потому что без малого тридцать лет назад студент Московского института стали и сплавов, толстяк по прозвищу «Веник» посчитал для себя делом чести ответить на благородный жест своего друга столь же категорическим поступком. И тогда же, не имея за душой ничего, кроме подаренного папашей «Москвича», завещал все свое движимое и недвижимое имущество Евгению Петровичу Абрамову. Они оба уже давно забыли о том давнем «джентльменском» соглашении, тем не менее, юридической силы оно не утратило.

Значит, Женю убили из-за того завещания. Из-за клуба. Теперь он уже не сможет унаследовать

«Монреаль» в случае смерти Егоршина. Наследником будет другой человек. Он-то и есть убийца.

Если Вениамин Андреевич скоропостижно скончается, не составив нового завещания, то формально клуб «Монреаль» отойдет его племяннику Севе, который сейчас работает у Егоршина старшим официантом.

Конечно, подлинным хозяином клуба останется тот же человек, что и теперь, ведь Егоршин был не кем иным, как подставным лицом, фиктивным владельцем. По сути «Монреаль» принадлежал 75-летнему Анатолию Семеновичу Ардашкину, личности зловещей и могущественной. Если не сказать — всемогущей. В 1991 году академик Ардашкин на украденные у государства деньги основал этот игорный клуб и назначил Егоршина распорядителем, а на бумаге — и хозяином заведения. Потом он инсценировал самоубийство, сменил личину и стал именоваться Юрием Георгиевичем Масловым.

Месяца три назад Ардашкин по каким-то причинам вновь решил уйти в небытие. О гибели Юрия Георгиевича Маслова сообщали средства массовой информации. Но Егоршин знал, что старик жив, обитает Бог знает где. Он постоянно связывался с Егоршиным по мобильному телефону, давал четкие указания, распоряжался, на какой счет переводить выручку от казино и борделя.

А выручка в последние месяцы становилась все более скудной... Уж не конкуренты ли тому виной? Уж не налоговая ли служба принялась методично удушать одиозное заведение? Во всяком случае, именно так оправдывал резкое снижение прибыли Вениамин Егоршин, когда говорил с Анатолием Ардашкиным по телефону. Тот, казалось, с пониманием относился к жалким сетованиям своего распорядителя. Да и сам Егоршин постоянно убеждал себя, что надвигающийся крах уважаемого клуба — результат внешних, не зависящих от Вениамина Андреевича обстоятельств.

Но когда в прошлом месяце казино принесло полтора миллиона долларов убытка, Егоршин понял: пора перестать лгать себе. Причина катастрофы в нем самом, распорядителе клуба. Он «сдулся», вышел в тираж. Персонал «Монреалья» в последнее время нечасто видел шефа даже в относительно трезвом состоянии, а о его чудовищных проигрышах официанты и крупье давно уже шептались по углам. Разумеется, под такую сурдинку в клубе стало процветать банальнейшее воровство. Крупье сговаривались с игроками (вот откуда фантастические убытки казино!), официанты перестали выплачивать распорядителю 80-процентный налог на чаевые, сдавая «наверх» лишь жалкие крохи. И так — во всех сферах деятельности клуба.

Скоро опять отчитываться перед хозяином, который, будто фантом, нависал над Вениамином Андреевичем. «Кинуть» Ардашкина-Маслова, по-

слать его к чертям собачьим? Об этом Егоршин даже не помышлял. Решиться на такое — значит подписать себе смертный приговор, причем его исполнение не затянется, уж будьте покойны. Егоршин давно понял, что за академиком стоит некая серьезная структура, выросшая на почве спецслужб...

Только ведь племянник Сева об этом ничего не знает, он искренне считает дядю единственным и полновластным хозяином заведения. А вот о завещании, сделанном Егоршиным тридцать лет назад в пользу Евгения Абрамова, Вениамин Андреевич Севе проболтался в тот самый день, когда случайно обнаружил ветхий документ. В подпитии был, конечно... Ах, как неосторожно, как глупо!

Сева — молодой, энергичный, образованный бизнесмен, а родной дядюшка упорно держит его в ничтожной должности старшего официанта. Наверняка Севке известно о плачевном положении клуба. И наверняка он рвется взять дело в свои руки, надеется спасти «Монреаль». Только для этого нужно, чтобы дядя отошел от дел. Вернее — отошел в мир иной. Если убили Женю, значит, скоро придет черед и Венику отправляться в последний путь. Все идет по плану...

Распорядитель «Монреалья» достал трубку мобильного телефона, набрал справочную:

— Алло? Дайте, пожалуйста, номер Московского уголовного розыска.

||||| Глава тринадцатая |||||

Подполковник Бурцев, прилипнув лбом к оконному стеклу в своем кабинете на Петровке, 38, задумчиво наблюдал, как Вениамин Егоршин, сутулясь, подходит к серебристому «лексусу», открывает водительскую дверь и грузно усаживается за руль.

То, о чем поведал подполковнику Бурцеву Вениамин Егоршин, «проняло» и самого Бурава. И теперь он с мрачным видом барабанил пальцами по оконному стеклу, силясь выстроить свои разрозненные мысли в логическую цепочку.

Сейчас Максима Бурцева уже не интересовали такие личности, как Сергей Иванов по кличке «Странник» или Аркадий Креков по прозвищу «Крекер». Выходило, что банальное убийство заурядного булочника Абрамова каким-то образом — пусть и не напрямую, а косвенно — связано с клубом «Монреаль». Пусть даже Егоршин преувеличивает грозящую ему опасность, тем не менее, сам факт, что известие об убийстве на улице Миклухо-Маклая привело в кабинет Бурцева не кого-нибудь, а распорядителя клуба «Монреаль», казался далеко не случайным. Будь сейчас жив академик Анатолий Ардашкин, Бурав с полной уверенностью посчитал бы его истинным организатором убийства Евгения Абрамова. Почему? Да потому, что Ардашкин, вне всякого сомнения, имел прямое отношение к клубу «Монреаль» — это было доподлинно установлено Максимом Бурцевым в ходе расследования целой вереницы странных смертей за последние два с половиной года. Объединяли эти убийства два обстоятельства. Первое: либо потерпевшие, либо убийцы были членами клуба «Монреаль». Второе: все ликвидации были хитроумно организованы Ардашкиным, в чем сам Анатолий Семенович и признался подполковнику Бурцеву во время их доверительного разговора на квартире у академика, когда тот предлагал Максиму Юрьевичу сотрудничество «на благо Святой Руси».

Итак, будь Анатолий Семенович жив, Бурав не усомнился бы в том, что именно он стоит за убийством хлебопека, который, как выяснилось, был знаковой фигурой в судьбе клуба «Монреаль». А убрать Евгения Абрамова академик Ардашкин вполне мог хоть руками Поликарпова, или Крекова, или того же Странника. Причем ни один из них даже представить себе не мог бы, что является чем-то вроде зомби, действующего и интересах какого-то там мистического академика. Каждый считал бы, что совершает убийство по своим личным мотивам.

Н-да, недаром Ардашкин столько лет возглавлял секретный НИИ Минобороны, были в его арсенале, видимо, неизвестные науке рычаги воздействия на человеческую личность...

Но в том-то и дело, что Анатолия Семеновича нет в живых. Точнее — не должно быть. Потому что Максим Бурцев лично расстрелял академика в его квартире на Бульварном кольце, выпустил в это адово создание всю обойму из своего наградного пистолета.

А наутро Бурцев собственными ушами слышал сообщение об убийстве заслуженного пенсионера Юрия Георгиевича Маслова (такое имя взял се-

бе Ардашкин после инсценировки самоубийства в 1991 году).

Тогда, три месяца назад, наутро после смерти академика, подполковник специально изучил сводки происшествий. Среди них значилось и убийство пенсионера Маслова. Бурав поинтересовался у начальника отдела полковника Кротова, кто ведет следственно-розыскные мероприятия по этому делу. В ответ тот долго хмурился, недовольно жевал губами и, наконец, зачем-то понизив голос, поведал Максиму Юрьевичу, что дело об убийстве пенсионера Маслова взяла в свои руки ФСБ, а органам внутренних дел было категорически запрещено вмешиваться в розыск убийцы. Видимо, полагал Кротов, убитый старик был нерядовым агентом служб безопасности.

Короче, дальнейшая судьба трупа и результаты проведенного ФСБ расследования оставались для МУРа тайной за семью печатями. Для Бурава это не было неожиданностью: о плотной связи академика Ардашкина с крупными чинами КГБ, а затем и ФСБ подполковник был прекрасно осведомлен. И нет ничего странного, что расследование убийства Ардашкина-Маслова — это епархия спецслужб.

Но, черт возьми, не может ведь такого быть, чтобы в штате ФСБ наличествовали воскресители мертвецов!

Глава четырнадцатая

Когда на следующее утро Каморин пришел в отдел и захлебывающимся голосом изложил Бурцеву свою версию по поводу причастности к убийству Крекова, тот лишь усмехнулся в ответ:

— Ты слегка запоздал, он уже арестован и дал признательные показания. Куражился Креков, куражился... И обескуражился. На, почитай его заявление.

Алексей сел за свой стол и погрузился в длинный текст, изложенный на нескольких листах красивым витиеватым почерком. И чем дальше читал, тем отчетливее представала перед его глазами печальная картина преступления, к которому Аркадий Савельевич, можно сказать, шел всю свою сознательную жизнь...

Да, именно Креков нанес смертельный удар ножом своему коллеге, булочнику Абрамову. Тщательная экспертиза, которую провел доктор Груздин, показала, что убийство было совершено не в 22.00, как поначалу констатировал Сергей Сергеевич, а значительно раньше — в начале девятого.

Причиной убийства, как просматривалось в заявлении Крекова, была не корысть, не коммерческий расчет и даже не зависть — хотя, конечно, и эти мотивы в какой-то мере присутствовали. Главное — Аркадий Савельевич относился к той породе людей, которые неспособны признать свои ошибки, свою неправоту. Свою никчемность. Они всегда будут искать виновных на стороне и постепенно возненавидят весь окружающий мир. И в какой-то момент эта безликая ненависть может персонифицироваться, сконцентрироваться на одном человеке. Таким объектом и стал для Крекова добродушный, внешне беззаботный хлебопек Евгений Абрамов.

Креков был по натуре неудачником. Даже если что-то получалось у него в бизнесе, Аркадий Савельевич все равно чувствовал себя обделенным, не получившим сполна тех благ, которых он, по его убеждению, заслуживал. Вот и затея с французской булочной «Изабель» не оправдала надежд: доходы были, но далеко не те, на которые рассчитывал горе-предприниматель. Мало кто из окрестных жителей покупал дорогие французские батоны, разве что немногочисленные местные снобы. Большинство потенциальных клиентов предпочитали отовариваться у Абрамова — там продавался вкусный и дешевый хлеб, рогалики, бублики...

«Этот лох портит мне всю обедню!» — раз за разом убеждался Аркадий Савельевич. Он как-то незаметно для самого себя привык обвинять Абрамова во всех своих неудачах, вплоть до несостоявшегося контракта с доктором Градовым насчет поставок французских булок и прочей выпечки в санаторий для душевнобольных толстосумов.

План ликвидации ненавистного альтруиста как раз и возник в голове Крекова во время их встречи с Вячеславом Градовым. Они сидели в ресторане после окончания полугодового принудительного лечения означенного Градова в Старовской психбольнице. Выпив коньяка, доктор принялся разглагольствовать о том, как легко и безнаказанно может совершать тяжкие преступления человек, хорошо знакомый с медициной. Поначалу Креков слушал собеседника с неприязнью, но постепенно слова

Градова пробуждали в Аркадии Савельевиче все больший интерес, и в результате у него родился хитроумный план убийства Абрамова.

В день убийства он приехал к Абрамову в начале восьмого вечера, припарковал «ауди» возле черного хода. Магазин уже закрылся, вся выпечка была распродана, и Евгений Петрович освободился для партии в шахматы. Они расставили фигуры, и Аркадий Савельевич услышал от Абрамова историю про то, как ему на голову свалился молодой хиппи-наркоман, от которого толстяк еле избавился два дня назад.

— Это называется — прошлое меня настигло, — усмехнулся Абрамов. — Я ведь в молодости тоже хипповал, вот старый знакомый и прислал ко мне под крылышко этого оборванца... Подумать только, этот наглец стащил у меня любимую фотографию группы «Дорз»! Она мне так была дорога...

«Вот этот юный наркоман и будет подозреваемым, если Поликарпов по каким-то причинам не подойдет ментам на роль убийцы», — подумал Креков.

Дальше все происходило в соответствии с версией подполковника Бурцева, театрально разыгранной им перед немногочисленными зрителями в магазине-пекарне.

Толстяк Абрамов пыхтел над головоломной для него ситуацией на шахматной доске, Креков прохаживался по кабинету. Еще совсем недавно он с опаской представлял себе, как будет убивать Абрамова, сомневался — сможет ли? Ведь нож — не щепотка яда и даже не пистолет. Тут требовалась особая решимость. И тогда Аркадий Савельевич вообразил, что он на волейбольной площадке, готовится к своей коронной подаче... И надо же — волнение совершенно оставило его, он незаметно взял за спиной Абрамова длинный хлебный нож и, подойдя к жертве сзади, с размаху нанес точно рассчитанный удар — сверху вниз, под левую лопатку. Протер рукоятку ножа,

включил все три духовых шкафа на полную мощность и, подкатив кресло с трупом Абрамова к распахнутой дверце печи, пробормотал:

— Погрейся, голубчик.

В кабинете он собрал с пола рассыпавшиеся шахматные фигурки и вновь расставил их на доске, впопыхах допустив первую ошибку — случайно поставил под шах обоих королей.

Вторая оплошность была сделана Крековым в пекарне. Из раны на пол натекла лужица крови, но убийца не заметил этого, потому что задел железный поднос, который, падая со стола, скрыл под собой кровавый натек. Аркадий Савельевич выключил печи, снова вкатил кресло с мертвецом в кабинет и сбросил труп на пол. Было без пяти девять, можно и на банкет отправляться. Убийца знал, что алиби ему обеспечено: температура тела Абрамова оказалась значительно завышенной, следовательно, и время смерти врач установит неправильно — часа на полтора, а то и два позже, чем она наступила в действительности. А гости Крекова подтвердят, что он был в ресторане в предполагаемый момент убийства.

В своем признании Креков сообщал, куда выкинул окровавленную тряпку, которой протирал кожаную обивку кресла — это был мусорный контейнер неподалеку от отеля «Блиц». На всякий случай он собрал из багажника все тряпки — боялся ошибиться в темноте. Улику уже отыскали в куче отбросов. Микроскопические следы крови, обнаруженные в багажнике «Ауди-100», были идентичны по своему составу характеристикам крови Евгения Абрамова.

Глава пятнадцатая

— И все-таки, Макс, — оторвался от бумаг Алексей, — почему ты позволил Крекову оформить явку с повинной? Ведь теперь ему срок выйдет намного меньше...

— Во-первых, не будь таким кровожадным, — лукаво улыбнулся Бурав. — Этому изнеженному барыге и пяти лет на зоне с лихвой хватит. А во-вторых... — Подполковник помолчал, теребя нос. — Видишь ли, какое дело... Тут еще один деятель объявился, сам приехал давать свидетельские показания. Содержатель небезызвестного клуба «Монреаль» Вениамин Егоршин. Помнишь, который лично прислуживал нам, когда мы с тобой и Серегой Груздиным соизволили посетить этот чертог для избранных?

— Помню... Но он-то тут при чем? — не понял Каморин.

— При том, — многозначительно произнес Бурав. — Егоршин завещал свой клуб покойному Абрамову.

— И что? — Комар силился уловить суть ситуации. — Вот если бы убили Егоршина, тогда, понятное дело, можно было заподозрить Абрамова. А так...

— Понимаешь, Егоршин предполагает, что булочника отправил на тот свет другой человек, который может претендовать на клуб «Монреаль» как наследник. Это его племянник, официант Сева. И теперь, когда законный наследник, то есть Абрамов, ликвидирован, племянничек готовится грохнуть дядюшку. Ну, прямо об этом Егоршин не говорил, однако я почувствовал, что он имел в виду именно такой вариант продолжения.

— Так, может быть, Креков действовал в сговоре с этим самым племянником?

— Может, Леша, все может быть, — согласился Бурав. — Однако Креков категорически отрицает свое знакомство с Всеволодом Егоршиным. Если он и врет, то нам его все равно не расколоть — не на чем подцепить.

— Что же делать, Макс?

— Что, что... Вот если толстяка Егоршина действительно отправят на тот свет в ближайшее время, тогда, считай, у нас уже есть надежная версия. А сейчас — мы пас. Дело по Евгению Абрамову надо направлять в суд. Егоршин, кстати, сам сказал мне, что его племянник вчера весь вечер был в клубе, никуда не отлучался. И что мы можем сделать в такой ситуации? Прочитать этому парню лекцию на тему того, что нехорошо убивать людей, особенно — родственников? — Бурцев запнулся и вдруг просиял: — А ведь это неплохая идея, Комар!

Он вынул из нагрудного кармана мобильный телефон, взял со стола визитную карточку Егоршина, на которой значились координаты клуба «Монреаль», набрал номер.

— Алло? Будьте добры официанта Всеволода Егоршина. Благодарю.

После долгой паузы Бурцев заговорил другим тоном, холодным, без всякого выражения:

— Всеволод Егоршин? Слушайте меня внимательно. Есть люди, которым известно о том, что вы готовите убийство. Советую иметь это в виду. — И нажал кнопку отбоя, не дожидаясь, пока в его адрес посыплется отборные матюги. Не любил Бурав, когда ему хамят, смерть, как не любил.

— А если он сумеет установить, кто ему звонил? — зачем-то спросил Алексей.

— Тем лучше, глядишь, и вправду одумается. Если, разумеется, подозрения хозяина «Монреалья» действительно имеют под собой реальное обоснование.

Комар в очередной раз подивился, с какой легкостью Бурав находит выход из сложных, щепетильных ситуаций.

А подполковник уже распорядился привести к нему из следственного изолятора задержанного Сергея Иванова.

Странник вошел понуро, опустив голову. Бурцев приблизился к парню, осмотрел свежий фингал и запекшуюся кровь в уголке рта, крякнул. Комар тихонько присвистнул, покачал головой.

— Вообще-то, пацан, ты свободен, — медленно заговорил подполковник. — Сейчас я выпишу тебе пропуск на выход.

Глаза Странника радостно сверкнули.

— Только куда ты пойдешь, скажи на милость? А?

— А вам-то что за дело? — попытался взбрыкнуть Странник. — Раз я невиновен, отпускайте, и дело с концом!

— Дурак ты, — спокойно ответил подполковник. — Ты что, еще ничего не понял? Хотя куда тебе...

— Я понял, что никого не убивал, — занял хиппи. — А то ведь я действительно ничего не помню, что вчера было! Я уже поверил, что действительно зарезал этого булочника!

— Вот в следующий раз на тебя и повесят какое-нибудь убийство, или ограбление, или еще чего, — кивнул Бурав. — У нас, ментов, это запросто. Надо же раскрываемость повышать. А такого, как ты, грех не посадить. — Он помолчал, прошелся по кабинету, затем достал из кошелька сторублевку и сунул ее в руку Страннику: — В общем, так. Сейчас иди, пожри чего-нибудь, а через часок подходи, звякнешь мне снизу вот по этому телефону, — протянул он бумажку с номером. — Короче, вариант такой. Подойди к окну. Видишь двор? Так вот, у нас сейчас дворника нет, но это ненадолго — свято место пусто не бывает. Сейчас лето, работы немного. Есть каптерка, там ночевать можно. Могу прямо сейчас за тебя словечко

замолвить. Но учти: долго тебя держать не будут, местечко блатное, а ты к тому же иногородний. Максимум — пару месяцев, да и то за ради Христа. Вернее — ради моего за тебя ходатайства. За это время очухаешься, подкормишься, работу себе подыщешь. Понял?

— Понял, — слегка ошалев, пробормотал парень.

— Держи пропуск. И учти — если через час ты мне не позвонишь, считай, свой последний шанс в этой жизни упустил.

— Позвоню, обязательно позвоню! — фальцетом выкрикнул Странник и рысью двинулся к выходу.

||||| Глава шестнадцатая |||||

Август выдался дождливым и холодным. Начиная с Ильина дня, с неба лились потоки воды, ненадолго утихавшие лишь затем, чтоб уступить место порывистому, осеннему ветру. Недаром в народе говорят: «На Ильин день до обеда — лето, а после обеда — осень». Довольно странная, кстати, поговорка, если учесть, что по старому стилю день Ильи Пророка выпадал чуть ли не на самый разгар июля.

Распорядитель клуба «Монреаль» Вениамин Андреевич Егоршин выглянул в окно своего кабинета, увидел, как в сгустившихся сумерках гнется под напором ветра высоченная береза, и в который раз пробурчал себе под нос:

— Погода шепчет: займи, но выпей...

В последнее время он перешел исключительно на «Смирновскую». Дело в том, что врач Вениамин Андреевича, видя всю бесплодность своей агитации за трезвый образ жизни, посоветовал Егоршину, коль скоро он не может совсем отказаться от спиртного, употреблять какой-нибудь один сорт напитка, желательно — хорошую водку. И никаких

виски, коньяков, джинов и — упаси Боже! — ликеров. Тогда он проживет еще лет двадцать. Но Вениамин Андреевич не был уверен даже в том, что проживет хотя бы двадцать дней, не то что два десятка лет.

Эти «летальные» предчувствия резко изменили характер и поведение распорядителя клуба «Монреаль». Нечего было и думать, что в таком состоянии Егоршин всерьез возьмется за наведение порядка в своем заведении.

Как-то разом, в одночасье клуб «Монреаль» утратил былую популярность среди богатых и знаменитых, а людям среднего достатка делать здесь было нечего — цены в клубе традиционно держались на заоблачном уровне. И снижать их у Егоршина не было ни малейшего желания. Всякий раз, махнув «Смирновки», Вениамин Андреевич обретал какую-то отчаянную решимость «стоять до конца», удерживать свои позиции в рейтинге ведущих VIP-клубов столицы.

Почему же представители бомонда и финансовой элиты вдруг, будто сговорившись, перестали бывать в «Монреале»? Логически объяснить это Вениамин Андреевич не мог. Он продолжал сокращать расходы: уволил всю службу безопасности, оставил лишь одного бугая, работавшего три дня в неделю — пятницу, субботу и воскресенье, когда в «Монреале», худо-бедно, собиралось человек сорок, уволил практически всех крупье, сохранив только троих, да и то на время уик-эндов. А если кто-то приходил играть среди недели, то обязанности крупье выполнял племянничек Егоршина Сева. Надо было бы Севку первым уволить, но Вениамин Андреевич не решился: несмотря на то, что со дня убийства Жени Абрамова прошел уже месяц, распорядитель «Монреала» все еще не отбросил своих подозрений в отношении племянника...

В этот вечерний час в помещении игорного клуба «Монреаль» было безлюдно. Лишь «Танец маленьких лебедей» заунывно оглашал пустой зал.

У входа, под неоновой вывеской, одиноко топтался старик-швейцар, дядя Миша. Он томился в ожидании посетителей и, соответственно, чаевых. Дядя Миша то и дело поглядывал в сторону клубной автостоянки, бормоча под нос молитвы к Пресвятой Деве Марии.

Недавно содержатель клуба, толстяк Егоршин, уволил всю службу безопасности, а новых битюгов так и не набрал — видно, совсем туго с деньгами. И вот результат: неделю назад какие-то ловкачи прямо из-под носа у дяди Миши увели новенький джип «чероки», владелец которого случайно заехал поужинать в «Монреаль». Был жуткий скандал, владелец джипа оказался парнем крутым, и Егоршину пришлось выложить денежки за

угнанную машину. После этого, как понял дядя Миша, боссу ничего не оставалось, как «временно» распустить обслуживающий персонал заведения — на постоянной работе остался лишь его племянник Сева, исполняющий одновременно обязанности крупье и официанта. Впрочем, Сева не перетруждался, это уж точно... Вот и сегодня он отсутствовал часа три, появившись в клубе лишь в половине десятого — незадолго до приезда троих завсегдатаев. Это снова приехали резаться в покер старинные приятели Егоршина: президент нефтяной компании «Джокер-ойл» Прохор Долганов, вице-председатель правления банка «Норд-Вест» Александр Гаврилов и знаменитый дирижер джаз-оркестра Леонид Брюмер. Они стабильно собирались здесь по понедельникам и четвергам, а сегодня как раз был понедельник. День-бездельник, это уж точно.

Тоже мне, друзья называются, размышлял дядя Миша. Вместо того чтобы помочь Егоршину в трудную минуту, они по два раза в неделю приезжают, чтобы окончательно его разорить. Если бы дядя Миша знал, как все обстоит на самом деле, то он, скорее всего, изменил бы свое мнение о старинных приятелях босса. Месяц назад Брюмер дал Егоршину займы сто тысяч долларов, и распорядитель клуба рассчитался с карточными долгами — уплатил деньги Долганову и Гаврилову. Те отказывались, соглашались подождать — мол, Егоршину надо возродить былую славу клуба. Гаврилов даже предлагал Егоршину льготный банковский кредит, несмотря на то, что «Норд-Вест» переживал далеко не лучший период в своей деятельности, Долганов — шикарную, бесплатную рекламу клуба «Монреаль» на своих столичных и подмосковных бензоколонках. К удивлению друзей, Егоршин весело отказался и чуть ли не насильно всучил им долг. Долганов, Брюмер и Гаврилов махнули на него рукой...

Единственное, чего смогли добиться друзья от стремительно опускающегося Егоршина, так это взяли с него клятвенное обещание, что впредь

играть по крупной он будет только с ними. Уж во всяком случае, они-то не позволят Вениамину Андреевичу проиграть больше, чем он имеет.

Правда, в такой с виду благородной позиции была определенная ко-рысть: кое-кто из преуспевающей троицы всерьез нацелился на клуб «Монреаль», считая его перспективным заведением, которое при умелом управлении может приносить хозяину баснословную прибыль. То, что клуб стремительно катится к банкротству, было на руку потенциальным покупателям, но нельзя было допустить, чтоб Егоршин еще и залез в долги. Он запросто мог пойти на это, если бы его не контролировали старинные приятели. А лучший контроль — это самим садиться за карточный стол с Вениамином Андреевичем.

Глава семнадцатая

В отдельном кабинете, обставленном с аляповатой роскошью, царил полумрак. Абажур, висевший над карточным столом, ярко высвечивал прямоугольник зеленого сукна, на котором в живописном беспорядке лежали доллары, пачки сигарет и радужные карты. Жарко пылал камин, на сервировочном столике, стоявшем между Егоршиным и Гавриловым, поблескивали бутылки — виски «Георг Седьмой» и водка «Смирнофф».

На старинных дубовых стульях восседали четверо приятелей, судьбы которых в чем-то оказались схожими, а в чем-то — совсем разными.

Все они, безусловно, достигли жизненного успеха. Егоршин, Долганов и Гаврилов сказочно разбогатели за время перестройки, лишь Брюмер пошел не в бизнес, а по призванию: лет 15 назад сколотил джаз-оркестр и год за годом упорно продвигался к мировой славе.

Его искушенные жизнью приятели прекрасно понимали, что без мощной финансовой поддержки пробиться на вершины музыкального Олимпа невозможно. Однако несколько лет назад у Брюмера неким таинственным образом вдруг появились немалые средства на «раскрутку», и он уверенно пошел в гору. Как ни пытались друзья выпытать у дирижера имя таинственного спонсора, Брюмер лишь отшучивался или делал вид, что сердится.

Столь же стремительно, как восходила звезда Брюмера, закатывалась планида Егоршина. Три страсти раздирали этого добродушного, компанейского толстяка: сначала — женщины, после сорока пяти — выпивка, а теперь, к пятидесяти годам, еще и карты...

Несколько дней назад, сидя здесь же, за карточным столом, Александр Гаврилов («Рыжий Гарри», как называли банкира приятели) обмолвился,

что подобная «гремучая смесь» способна свалить даже титана, не то что рыхлого Егоршина.

Распорядитель «Монреалья» неожиданно воспринял это высказывание Рыжего Гарри очень болезненно. «Старина, — заявил он Гаврилову, — ты, похоже, забыл, кому обязан своим нынешним положением? Так имей в виду: стоит мне переговорить кое с кем, и ты снова, как в юности, будешь спекулировать тряпками. А, может, даже мешки шить на зоне».

Лицо банкира стало серым, лишь огненно-рыжие усы бешено пылали в отблеске свечей. Да нет, он не забыл, что десять лет назад Егоршин замолвил словечко за отцов-основателей «Норд-Веста» Биланова и Гаврилова, и их молодой, чахлый банк обрел протекцию власть имущих, стал участвовать в государственных финансовых проектах.

Помнил Гаврилов и о том, что за такую услугу обещал Егоршину ввести его в совет директоров банка, но так и не сделал этого, всякий раз изобретая некие препятствия...

Долганов и Брюмер кинулись мирить друзей, и дело кончилось грандиозной попойкой. Но, разъезжаясь из «Монреалья», все понимали, что непростые слова были сказаны за карточным столом, ох, непростые...

Внешне все оставалось по-прежнему, но старые, забытые обиды вдруг всплыли в сознании давних приятелей. Уже не был так бодр и беспечен грузный Прохор Долганов, он будто по-новому присматривался к Егоршину, и недобрый был его взгляд, совсем недобрый...

Нервничал и прославленный джазмен Брюмер, и вовсе не по поводу одолженных Егоршину ста тысяч долларов. Что там сто тысяч — так, пустячок! Долганов и Рыжий Гарри не без оснований полагали, что Брюмер спит и видит, как бы превратить клуб «Монреаль» в единственный на всю столицу джазовый театр. Потому-то, дескать, он и дал Егоршину займы: это автоматически давало ему фору

в том случае, если бы Егоршин решился, наконец-таки, продать свой клуб. А все к тому и шло... Хитер Брюмер, даром что музыкант, вот так запросто, на кривой козе, объехал конкурентов, матерых бизнесменов!

Зачем нужен был клуб «Монреаль» нефтяному магнату Прохору Долганову, тот внятно объяснить не мог, как ни допытывался у него Рыжий Гарри. «Пусть будет», — только и говорил Долганов. «Деньги тебе девать некуда, дружище», — хмыкал Гаврилов. Сам он вообще никак не проявлял своей заинтересованности в приобретении обнищавшего клуба. А может, ее и не было, заинтересованности-то? Тем не менее, Брюмер и Долганов смотрели на Гаврилова, как на потенциального соперника...

Друзья не понимали, почему Егоршин как-то в одночасье превратился из умелого распорядителя в апатичного кутилу. Но совсем недавно Вениамин Андреевич объявил, что за годы усиленного питья нажил себе цирроз печени, и сейчас болезнь достигла последней стадии. Что ж, по крайней мере, этим обстоятельством объяснялось упорное нежелание Егоршина всерьез заниматься пошатнувшимися делами клуба. Когда стоишь на пороге смерти, поневоле перестаешь задумываться даже о ближайшем будущем.

Трагизм ситуации заключался для Леонида Брюмера в том, что единственным наследником Егоршина был его племянник Сева, а при одном взгляде на этого молодого человека становилось ясно, что уж чего-чего, а хватки и энергичности парню не занимать. Купить клуб по сходной цене у такого наследника будет непросто. А точнее — невозможно.

Долганова тоже беспокоила неприятная перспектива иметь дело с наследником Вениамина Андреевича, но в гораздо меньшей степени, чем Брюмера. Просто-напросто у нефтяника было больше финансовых возможностей.

Как только четверка друзей расселась вокруг стола и на зеленом сукне появилась красная колода карт, Вениамин Андреевич участливо обратился к Долганову:

— Как там, Проша, дела с твоим сыном? Ты уже решил проблему?

— Решил, — нахмурился нефтяник. — Как говорится, без суда и следствия...

— Отправляй его от греха подальше в Оксфорд, — посоветовал Рыжий Гарри. — Я бы и сам смотался из этой страны, после того как выкрутился, да не могу... Я своему собственному банку четырнадцать «лимонов» баксов должен.

— Пашка уже в Англии, — пробурчал Долганов, сдавая карты. — Дорого мне обходится мой развеселый сыночек. Впрочем, я и сам в молодости любил искать приключения на свою голову, так что это у него наследственное.

— Не надо, Проша, говорить про наследственность, — ожесточенно возразил Егоршин. — Ты вспомни, разве мы такими были? А? Я тоже, извини, в молодости не Богу молился, всякое бывало. Но! Даже в то собачье время меня ни разу не задерживали органы, не то чтоб под судом оказаться. А почему? Что я, ментов боялся, законов ублюдочных? Черта с два! Просто я всегда чувствовал свою ответственность перед родителями, перед отцом. Подставить его, предать — вот что для меня было страшнее всех отчислений и арестов. А теперь детки просто оборзели, им на родителей начхать. Вот, Проша, какой у тебя сынок, а ты еще себя в чем-то обвиняешь...

— Ты, Веня, говоришь так, как будто у тебя самого когда-нибудь были проблемы с детьми, — огрызнулся Долганов, которому тирада Егоршина была как соль на раны. — Сам-то легко прожил жизнь, семьей себя не обременял! Так что не суди со стороны.

— Верно, не сложилось у меня, — спокойно ответил Егоршин. — Но как брат умер, на ком племянники остались? На мне, на ком же еще. Обоих пристроил к себе в клуб. Севка — тот еще ничего, работающий, не пьющий. Факультет фармакологии закончил. А Витька, его младший брат? Знаешь, сколько он мне крови попил? Не знаешь. Как я взял его в службу безопасности, так он стал моими девками налево торговать. А девчонки молчали, не жаловались — как же, племянник босса!

— Вот сволочь! — ни с того ни с сего брякнул Гаврилов.

— Верно, Гарри, сволочь! — поблагодарил Егоршин друга за поддержку. — Я, как узнал, поверите, чуть не приказал убить его за это. Как сдержался — сам не знаю. Наверное, только память о покойном брате меня остановила. В тот же день вышвырнул Витьку вон из клуба, лишил расчета. А он, представляете, еще напоследок мне претензии стал предъявлять: мол, ты меня рядовым охранником взял, тоже мне, дядя называется! Он, видите ли, хотел сразу стать начальником всей службы безопасности, наглец!

— А ты не боишься, что он тебе отомстит? — осторожно спросил Брюмер. — Особенно сейчас, когда ты практически без охраны остался?

— Не боюсь я, Леня, ни Витьки, ни его дружков-бандюков, — злобно ответил Егоршин и налил себе стакан водки. — А кровь он мне продолжает портить, это верно. Вчера менты в клуб нагрянули, оказывается, Витька из следственного изолятора сбежал. Так они думали, что он у меня прячется. На хрена он мне сдался! Да я бы сам его с превеликим удовольствием ментам сдал, кабы знал, где сейчас этот крысенок. Вот так-то, Проша. А ты цацкаешься со своим сыночком, смотри, он тебе еще не такой сюрприз преподнесет...

— Не надо сравнивать, Веня, — досадливо сморщился Долганов. — У тебя — племянник, а у меня — сын. Единственный, между прочим. Так-то.

Глава восемнадцатая

Они сыграли несколько конов «по маленькой» — куш не превышал четырехсот долларов. Джазмен Брюмер всякий раз морщился, когда Егоршин наливал себе очередную порцию «Смирновки». Сам дирижер приехал в клуб прямо с концерта, ему страсть как хотелось выпить, но он крепился ради Егоршина. Прохор Долганов переживал период полной трезвости и потому также не прикасался к спиртному. Поддерживал Егоршина только Александр Гаврилов. Он обильно сдабривал процесс игры изрядными порциями виски.

— Ну, не пей, Веня, тебе же нельзя, — стонал Брюмер.

— Ты что, думаешь, я напоследок буянить начну? — весело отозвался Егоршин и опрокинул бокал в свою глотку. — Не бойся, в случае чего, наш друг-банкир крикнет своих головорезов, и они меня мигом усмирят.

— Я отпустил телохранителей, — буркнул Рыжий Гарри. — Надоели.

— Как отпустил? — взвился Долганов. — Хочешь сказать, что нас охраняет только этот божий одуванчик, дядя Миша?

— Севка владеет карате, — примирительно произнес Егоршин.

За столом повисло тягостное молчание. Все внезапно почувствовали, что оказались в какой-то зловещей западне.

Глаза Егоршина вдруг прищурились, он сделал быстрое движение, и в его руке очутился огромный кольт. Троица оцепенела.

— Ну что, господа толстосумы? Теперь, надеюсь, вы поняли, что в компании со мной вашим драгоценным жизням ничто не угрожает? — Он задорно, как когда-то в молодости, расхохотался.

— Фу ты, черт! — облегченно перевел дух Брюмер. — Прекрати свои идиотские шутки! Убери пистолет! — и, поднявшись с места, пробурчал: — Пойду, проветрюсь, а то тут задохнуться можно.

— Тебя просто в жар бросило от страха! — поддел его Гаврилов.

— Точно, — подхватил Егоршин. — Кстати, скажи заодно Севке, чтобы принес еще пузырь охлажденной «Смирновки».

Брюмер досадливо скривился, посмотрев на опустевшую водочную бутылку Егоршина, и вышел из кабинета.

Гаврилов неожиданно объявил, что готов платить за каждую карту прикупа по пятьсот долларов. Егоршин и Долганов переглянулись — судя по всему, на руках у Рыжего Гарри уже была сильная комбинация. Но на то и покер, чтобы рисковать. Оба согласились на предложенные банкиром условия.

Гаврилов заменил две карты, кинув на стол тысячу долларов, Долганов прикупил одну за пятьсот. Егоршин, крякнув, сбросил три карты, вышвырнув полторы тысячи «зеленых» за новые три.

— Еще пятьсот, — небрежно бросил Егоршин.

— Тысяча, — осевшим голосом объявил Рыжий Гарри.

Долганов бросил карты... А Вениамин Андреевич никак не мог решить, продолжать ему повышать ставки или, подобно Долганову, выйти из игры. Может, все-таки блефануть, испугать Рыжего Гарри чудовищной ставкой? Сейчас он махнет стакан и тогда уж скажет окончательное слово...

Гаврилов пристально смотрел, как Вениамин Андреевич в задумчивости подносит высокий, богемского стекла стакан к своим пухлым губам. И как только в человека вмещается столько водки?

Толстяк так и не допил до конца свой последний в жизни стакан. Глаза его неестественно закатились, стакан выпал из руки, а на губах выступила обильная пена. Захрипев, распорядитель клуба

«Монреаль» Вениамин Егоршин грузно повалился на паркет, опрокидывая на пол бутылки и вазу с виноградом, стоявшие на сервировочном столике.

— Врача-а! — заорал Долганов.

Одновременно с этим отчаянным воплем дверь в душный кабинет распахнулась, и на пороге появились двое полицейских, которые крепко держали извивающегося официанта Севу.

Следом, с перекошенным, окровавленным лицом, вошел дирижер Брюмер. Он был по пояс голый — концертный фрак, черную «бабочку» и перепачканную кровью крахмальную сорочку дирижер держал в руке.

Увидев распростертого на полу Егоршина, джазмен подскочил к Севе и вlepил ему затрещину:

— Сволочь! Падла! Сбежать хотел на машине Егоршина! Я на крыльце курил, с дядей Мишей болтал. Глядим — выбегает эта гнида, чуть не сшиб нас. Я его — хват, а он мне нос расквасил... Хорошо, полиция мимо проезжала.

Патрульные, убедившись, что Егоршин мертв, уже сообщали по рации об убийстве в клубе «Монреаль».

Глава девятнадцатая

Подполковник Бурцев хмуро прохаживался по кабинету, где только что окончил свои земные дни Вениамин Андреевич Егоршин. «Цианистый калий, лошадиная доза», — сообщил ему доктор Груздин минут сорок назад.

Криминалист Слава Зарезин ничем не порадовал Бурава:

— Товарищ подполковник, на бутылке водки с цианистым калием — только отпечатки пальцев Егоршина.

— А как же официант? — недоуменно спросил Бурцев. — Они что тут, в белых перчатках работают?

— Да нет, просто в заведениях такого уровня принято подавать бутылку, обернув горлышко крахмальной салфеткой, — пояснил Зарезин. — Вот она, кстати. Но, извините, на материи отпечатки пальцев не остаются.

Грузное тело Егоршина только что увезли в Лефортовский морг, и Комар, глядя, как санитары с натугой взваливают труп распорядителя «Монреала» на носилки, невольно вспомнил, что точно так же, пыхтя, водружали на носилки тело хлебопека Евгения Абрамова — давнего друга Вениамина Егоршина. Его предшественника на смертном одре...

Бурав будто прочитал мысли Комара:

— Подумать только! Похоже, все произошло именно так, как предрекал покойный Егоршин... Сначала был ликвидирован наследник, а затем — и владелец клуба. Ну, во всяком случае, формальный владелец...

— Ты думаешь, Егоршин был подставным лицом? — спросил Каморин.

— Скорее всего, скорее всего...

— Похоже, Макс, твой звонок племяннику Егоршина так и не изменил его намерений. Ну, может быть, лишь отсрочил убийство дяди, — нахмурился старлей.

Они были вдвоем в жарко натопленном кабинете, все свидетели и задержанный официант Всеволод Егоршин уже дали первые краткие показания Бураву и теперь отвечали на стандартные вопросы следователя Шаравина, расположившегося в клубном баре.

Подполковник вдруг резво наклонился и поднял с паркетного пола скомканную крахмальную салфетку, белевшую в метре от каминного зева. Развернул, криво усмехнулся:

— Сдается мне, кто-то из игроков был шулером! Смотри-ка.

Он подошел к Алексею и продемонстрировал маленький комочек красного картона, извлеченный им из недр салфетки. Расправил карту: это была четверка трэф.

— Старый, испытанный прием, — снисходительно пояснил Бурав. — Перед сдачей шулер прячет в рукаве сильную карту — в покере таковой, безусловно, является джокер. Затем берет свои пять карт и присоединяет к ним джокера. Но ему нужно избавиться от лишней карты, тогда он незаметно комкает ее в кулаке, берет салфетку, чтобы вытереть якобы пот, и зажимает в ней ненужную карту — в данном случае, четверку трэф. А затем швыряет комок в камин. Но! — поднял вверх указательный палец подполковник и подошел к камину: — Ему не повезло: комок, летящий в огонь, попал в кочергу и отскочил на пол.

Длинная витая кочерга и в самом деле стояла поперек каминного жерла. Комара вдруг пронзило предчувствие того, что он стоит на пороге открытия. Правда, все это здорово смахивало на мистику... Старлей с выпученными глазами ринулся к камину:

— Макс, послушай, только не смейся. Короче, тут какие-то мистические совпадения...

— Я с уважением отношусь к мистике, если она имеет отношение к убийству, — ободряюще кивнул Бурав.

— В общем, ты говорил, что салфетка со скомканной картой случайно попала в кочергу, — сконфуженно промямлил Алексей. — И вдруг я вспомнил, что слово «покер» в переводе с английского означает «кочерга»! Я в МАИ английский учил!

— Ну и что?

— Ничего... Я подумал, может, это натолкнет тебя на какие-то неожиданные выводы... И еще! Ты сказал, что шулер прятал в рукаве джокера, а нефтяная компания Долганова называется «Джокер-ойл»! Вот!

Бурцев подошел к карточному столу — он уже был осведомлен, на каком месте сидел каждый из партнеров.

— Ну те-с, посмотрим, с какими картами на руках рубились наши азартненькие толстосумы... Ставки-то, я гляжу, приличные, хотя для них, возможно, это копейки.

Сначала подполковник взял в руки пять листиков дирижера Брюмера и удивленно проговорил:

— Ничего себе! У него уже при сдаче было три семерки. Насколько я разбираюсь в покере, такие карты без борьбы не бросают. А наш прославленный джазмен спасовал сразу, даже не дождавшись своей очереди. Довольно странно...

Затем он поднял карты вице-председателя правления банка «Норд-Вест» Александра Гаврилова и с довольным видом провозгласил:

— Тю-ю! Вот он, искомый джокер. И к нему — три дамы. Каре! Не плясал господин Брюмер со своими семерками, даже если бы чудом прикупил четвертую семерку. Имея на руках такое каре, наш рыжий банкир мог смело ставить на кон хоть миллион, хоть два миллиона долларов. Тем более что в этой колоде только один джокер. А вот сейчас посмотрим, могли кто-нибудь потягаться с господином Гавриловым...

С этими словами Бурав открыл карты Прохора Долганова и покойного Вениамина Егоршина.

— Так... — озадаченно проговорил он. — Ну, почему Долганов бросил карты, отказавшись от дальнейшей борьбы, это понятно: у него, как говорится, «голый Вася». Но на что рассчитывал Егоршин со своей парой ваетов, почему он продолжал набавлять ставки?

— Так ведь он пьян был, Макс, — вмешался доктор Груздин. — Пьян в стельку. И вообще, судя по всему, этот Егоршин — полный идиот. Причем не только за карточным столом. Извини, что я так высказываюсь о покойном, знаю, ты этого не любишь...

— Док, ну ты-то с чего взял, что Егоршин идиот? — досадливо перебил Сергея Сергеича подполковник. — Ты что, знал его при жизни? Если я не ошибаюсь, ты же только труп осматривал, а трупы не бывают ни гениями, ни маргиналами.

— Слушай, гениальный ты наш, — усмехнулся Груздин, — не было у Егоршина никакого цирроза печени, понимаешь? Не-бы-ло! А Долганов, Брюмер и Гаврилов в один голос утверждают, что Егоршин говорил им о последней стадии цирроза, что ему жить осталось с гулькин хрен. А теперь скажи, может ли человек, не будучи полным кретинном, отвечать подобные шуточки, выдумывать себе смертельную болезнь, а?

— А ты уверен, Серега? — хмуро посмотрел на него Бурав.

— Уверен. И не надо припоминать мне мою первоначальную ошибку при определении времени смерти булочника Абрамова. На этот раз все очевидно. Я основательно прощупал печень Егоршина, а цирроз, да будет тебе известно, можно определить при помощи обычной пальпации. И вот увидишь, вскрытие подтвердит мои слова. — Груздин решительным шагом двинулся к двери.

— Пригласи сюда банкира Гаврилова, — крикнул ему вдогонку Бурав.

Он уже понял, что за кажущейся дружбой собравшихся здесь любителей покера скрывалась тягучая, застарелая вражда.

Это подполковник чуял нутром, а нутро его редко обманывало.

||||| Глава двадцатая |||||

Александр Александрович смотрел на подполковника Бурцева с едва заметной торжествующей

усмешкой. Оно и понятно: несколько месяцев назад именно Бурав «расколол» Гаврилова, заставив того признаться в совершении двойного убийства — своего босса, председателя правления банка «Норд-Вест» Вадима Биланова, и Алевтины Гавриловой, законной жены Рыжего Гарри.

Бурцев предрекал Гаврилову как минимум пятнадцать лет лишения свободы, а нет — суд оправдал страдающего вдовца. И вот он, Рыжий Гарри, как ни в чем не бывало, стоит перед Буравом в ранге все того же вице-председателя правления банка...

— Господин Гаврилов, — медленно начал Бурцев, — скажите, неужели дела у «Норд-Веста» так плохи, что его руководство вынуждено добывать деньги карточным шулерством?

Рыжий Гарри от души рассмеялся:

— Ловко! Восхищаюсь! Преклоняюсь перед вашим талантом, подполковник! — от души рассмеялся Рыжий Гарри и с покаянным видом прижал руки к сердцу: — Признаюсь, попутал меня лукавый, решил раз в жизни смухлеть. Уж простите серийному убийце такую невинную слабость. Тем более что кон мы так и не доиграли, и посему никакого прибитка мне от моего шулерства не обломилось. А что касается «Норд-Веста»...

— Недешево встало «Норд-Весту» судебное оправдание вице-председателя правления, — перебил его подполковник. — Между нами, во сколько оно обошлось?

— Извольте. — Гаврилов открыто смотрел в лицо Бураву. — В четырнадцать миллионов долларов. Только не грешите, пожалуйста, на судью и прокурора: они-то как раз ничего не получили.

— Вот как? — удивился Бурцев.

— Да, так. Видите ли, для большинства людей жизнь дороже любых денег.

— И кто же так запугал доблестных служителей Фемиды? Уж не человек ли по имени Юрий Георгиевич Маслов? — закинул удочку подполковник.

— Первый раз слышу о таком деятеле, — равнодушно пожал плечами Рыжий Гарри. — И, видит Бог, я ни сном ни духом не ведаю, кому обязан своим дорогостоящим освобождением. Все делалось через посредников... Но я догадываюсь, что за всем этим стояли очень серьезные люди. Они, надо полагать, собирались завладеть деньгами, которые наш банк перевел в Германию — я имею в виду выручку от продажи краденых алмазов. Ведь это вы тогда вели «алмазное дело»? И именно благодаря вам денежки достались нашему разлюбезному государству, а кое-кто остался с носом. Не смог прикарманить четырнадцать миллионов долларов. Вот мне и выставили счет на означенную сумму, а взамен гарантировали полное оправдание. Как видите, я с вами более чем откровенен.

— Ишь, ты, — покачал головой Бурав. — Но как вам удалось после такого скандала сохранить свой пост?

— Вы не поверите, подполковник, но меня очень уважают акционеры. Хотели даже председателем правления избрать взамен покойного Биланова, но одумались: все-таки это было бы неэтично. Как ни крути, а все понимали, что именно я его пристрелил, хоть меня и объявили невиновным. — Гаврилов с иронией посмотрел на Бурава: — А вам, подполковник, даже звание не повысили за блестящее раскрытие «алмазного дела», за те четырнадцать «лимонов» баксов, которые вы, можно сказать, подарили государству. Премию хоть выписали?

— Ладно, оставим это, господин Гаврилов, — заговорил Бурцев официальным тоном. — Давайте еще раз уточним, что здесь произошло.

— Давайте, — с готовностью согласился Александр Александрович. — После дурацкой шутки Егоршина Леня Брюмер что-то занервничал — наверное, на него никогда до этого не наставляли ствол. Бросил карты и пошел проветриться. Веня к тому времени добил свой пузырь водки и попросил Брюмера прислать Севку с еще одной бутылкой «Смирновки». А мы стали повышать ставки — в смысле, я и Егоршин, Долганов-то спасовал... Я уже предвкушал хороший выигрыш, но тут вошел Севка и поставил перед своим дядюшкой, Егоршиным, новую бутылку. Тот хлебнул и — Царствие ему Небесное. Проша Долганов что-то заорал, кажется, врача требовал. Тут появились менты, Севка и окровавленный Леня Брюмер. Короче, якобы Севка пытался смыться на машине Егоршина, и его повязали на выходе из клуба. Но парнишка успел разбить Лене физиономию, хорошо еще, что и его не убил, он же каратист с каким-то там поясом... Страшно подумать, в каком глубоком трауре был бы весь мир джаза!

— Кажется, вы с симпатией относитесь к племяннику покойного Егоршина, или я не прав? — прищурился подполковник.

— А что? Неплохой парень, большие надежды подавал. Только, похоже, у него ни с того ни с сего крыша поехала. Я слышал, что психические заболевания — штука заразная. Вот, видно, он и заразился от своего чокнутого дядюшки.

Бурцев поколебался и все-таки решил задать свой вопрос — грех было не воспользоваться тем приступом откровенности, который вдруг овладел Рыжим Гарри.

— Александр Александрович, у меня сложилось впечатление, что Долганов и Брюмер не разделяют ваших симпатий по отношению к официанту Егоршину. Почему?

Гаврилов угрюмо посмотрел на подполковника, словно решая, отвечать ли на вопрос, потом махнул рукой — дескать, теперь уже все равно:

— Да потому, что и Леня Брюмер, и Проша Долганов нацелились на этот клуб, хотели купить его у Егоршина за бесценок. Мне-то этот «Монреаль» — до фени, а для них прямо свет клином на этом клубе сошелся. «Монреаль» совсем в трубу вылетел, и Леня с Прошкой все боялись, что Егоршин вот-вот подойдет от своего цирроза, и тогда клуб унаследует Севка. А Севка — это вам не Венька, такую золотую жилу за гроши не продаст. Уж племянничек-то навел бы здесь порядок, будьте покойны. Поэтому Долганов с Брюмером и возненавидели Севку. Да и Егоршин его не жаловал, думал, что Севка ждет-не дождется его смерти.

— Выходит, Долганову и Брюмеру смерть Егоршина была никак не выгодна? — задумчиво спросил подполковник.

— Да не то слово! — воскликнул Рыжий Гарри. — Они, поди, уйму денег извели на молебны о его здравии. Чем дольше протянул бы Егоршин, тем дешевле Проша или Леня могли бы купить у него этот клуб. Здесь же все в тартарары катилось при Венькином правлении. Я имею в виду — в последние месяцы, когда он стал пить и проигрывать в пух и прах. А Егоршин все не решался продать клуб. Самое главное для Брюмера и Долганова было успеть оформить сделку до того момента, как новым хозяином станет Севка. Еще вопросы есть?

— Да нет, вы рассказали достаточно, — искренне поблагодарил Рыжего Гарри подполковник. — Можете отправляться домой, спать.

— Замечательно. Я с удовольствием последую примеру этого молодого человека, — с иронией ответил Гаврилов.

||||| **Глава двадцать первая** |||||

Дирижер Леонид Брюмер уже был одет в синюю сорочку с мелкой белой крапинкой и коричневый шерстяной пиджак. Он послал сержанта в со-

седний бутик, всучив ему приличную сумму денег. Окровавленный фрак, белую рубашку и концертный галстук-бабочку тот же сержант отнес в «мерседес» Брюмера.

Войдя в кабинет, где недавно произошла трагедия, дирижер неприязненно покосился на спящего за карточным столом Алексея. Бураву было на это наплевать: он не собирался будить своего измученного напарника ради кого бы то ни было. Более того, подполковник почувствовал растущее раздражение — джазмен сразу не понравился Максиму Юрьевичу именно из-за его высокомерного взгляда на отключившегося Комара.

— Итак, гражданин Лютиков, — Бурцев намеренно произнес не прославленный сценический псевдоним дирижера, а его неблагозвучную, простонародную фамилию. — Изложите еще раз подробно ваши действия в момент убийства. Только, пожалуйста, не надо импровизаций, вы сейчас не в оркестровой яме.

— Сразу видно, что вы не поклонник джаза, — скривился Брюмер. — Да будет вам известно, что джаз-оркестры выступают на сцене, открытые для глаз публики. Восхищенных глаз, поверьте! Потому что настоящий джазмен — это еще и артист, к вашему сведению. А вот когда мы исполняем джазовую оперу, ну, к примеру, Гершвина, тогда, действительно, мы располагаемся в оркестровой яме. И в этом случае не импровизируем, строго следуем партитуре, работаем не на себя, а на певцов.

Дирижер говорил скороговоркой, глотая окончания фраз, будто его главной задачей было втиснуть в каждый свой выдох максимальное количество слов. Подполковник окончательно разозлился и спросил с едкой иронией:

— Кстати, скажите для начала, почему вы взяли себе такой странный псевдоним — Брюмер? Отчего не Термидор, Флореаль, Мессидор? Мессидор — звучало бы весьма претенциозно.

Брюмер покачал головой, и его понесло:

— Вы приятно удивляете меня своей эрудицией, подполковник. Остается лишь пожалеть, что такой образованный человек, как вы, не посещает моих концертов. Что же касается моего сценического псевдонима, то французский республиканский календарь тут ни при чем. И ударение у меня не на последнем слоге, а на первом — Брюмер. «Брюмер» в переводе на русский означает «туманный». В какой-то мере это отражает мое творческое кредо. Вы справедливо упомянули об импровизациях, подлинный джаз без них немыслим. Начиная исполнять композицию, ни я, ни мои музыканты не имеем заранее четкого представления, как именно она на этот раз прозвучит. Мы словно делаем шаг в туман, из которого постепенно проступают четкие контуры созвучий, сотканых в мелодию...

Теперь о минувших событиях. Я приехал сюда прямо с концерта во Дворце музыки, было что-то около десяти вечера. Каюсь, люблю покер, ведь он сродни джазу: неизвестно, с какой картой идет на тебя соперник, с каким, гм, аккордом... Так вот, мы сыграли несколько невыразительных конов, потом наш друг Веня позволил себе непристойную выходку с пистолетом... У меня испортилось настроение, я решил побыть какое-то время один и подышать свежим воздухом. Егоршин попросил меня, чтобы я прислал официанта Севу с новой бутылкой водки «Смирнофф». Только я вышел из кабинета, как навстречу мне попался племянник Егоршина. Ну, я передал ему просьбу Вениамина Андреевича и вышел на крыльцо покурить. Угостил сигаретой швейцара дядю Мишу, мы о чем-то заговорили... Тут на крыльцо выскочил Сева, он был какой-то сумасшедший, налетел на нас с дядей Мишей. Я пытался остановить его, чтобы узнать, что случилось, а он двинул меня в лицо, разбил нос... У меня, знаете ли, с детства нос слабый, чуть что — кровь хлещет. Одним словом, двинул кулаком, а может, и локтем — я точно не могу сказать, у меня тогда искры из глаз сразу посыпались. Дядя Миша увидел патрульный автомобиль, стал махать полицейским, и Севу взяли уже возле машины Егоршина — у парня каким-то образом очутились ключи от «лексуса». Вот и все.

— Вы ведь планировали купить у Егоршина этот клуб, верно? — неожиданно спросил Бурцев.

— Значит, Рыжий Гарри вам настучал... — горько усмехнулся Брюмер. — Впрочем, я не собирался делать из этого секрета. Действительно, здесь, в «Монреале», вполне можно было бы устроить роскошный джазовый театр. Ну, слегка перепланировать помещения... Была у меня такая идея. Но, в общем-то, я на ней не заикливался. Недавно я провел успешные переговоры с московской мэрией, мы подписали документы о выделении под джаз-театр хорошего участка земли в центре города. Администрация го-

рода изъявила готовность вступить в долевое участие при строительстве. Конечно, это не то, что иметь здание театра в своей полной собственности, как это было бы, если б мне удалось купить у Егоршина «Монреаль». Но, в принципе, меня устраивал и предложенный мэрией вариант.

Бурцев почувствовал, что смертельно устал от общения с дирижером. «Какой-то тяжелый человек, бывают же такие», — подумал подполковник и разрешил Брюмеру покинуть место происшествия.

В отличие от предыдущих свидетелей, грузный, с отвисшим животом Прохор Долганов сразу повел себя агрессивно и заявил, что отказывается говорить что-либо без своего адвоката. Бурцев никак не мог взять в толк, почему нефтяник так нервничает, ведь против него до этого момента не возникало никаких подозрений.

Откуда было знать Максиму Бурцеву, что за последний месяц Прохор Долганов так извелся из-за своего непутевого сыночка, так измотал себя в общении с представителями закона, что допрос, учиненный ему Шаравиным по всей форме, окончательно исчерпал ресурсы нервной системы нефтяного магната. Он еле сдерживался, чтобы не впасть в истерику.

— Да ладно, Бог с вами, — удивленно проговорил подполковник. — Я вызову вас повесткой в МУР. Можете прихватить с собой вашего адвоката. А сейчас вы свободны.

Долганов, не попрощавшись, напрямик пошел к своей машине.

				Глава двадцать вторая				

Всеволод Егоршин сидел в наручниках неподалеку от стойки бара. За его спиной дежурил сержант, а следователь Шаравин уже писал постановление о задержании

подозреваемого. Увидев Бурцева, он протянул ему два листка протокола. Бурцев быстро пробежал их глазами.

Показания нефтяника, по сути, полностью совпадали с показаниями Гаврилова. «Официант Всеволод Егоршин принес в кабинет бутылку водки «Смирнофф», потерпевший выпил из этой бутылки и скончался», — прочитал Бурцев и метнул недобрый взгляд в сторону Севы. — А теперь, Костя, дай почитать, что наговорил тебе этот деятель.

— Максим Юрьевич, он все отрицает, — беспомощно посмотрел на Бурава Шаравин. — Мол, и цианистого калия у него не было, и бутылку-то он в кабинет к игрокам не приносил... Играл себе в бильярд, ничего знать не знает.

— Вижу, Костя, вижу, — хмуро кивнул Бурцев, просматривая протокол допроса. — Здесь не показания, а сплошное перечисление заслуг и достижений нашего, гм, задержанного. — Он повернулся к официанту: — Вот что, любезный, вы можете отрицать свою вину, сколько вашей душе влезет, но вы должны понимать, что улики против вас очень серьезные. Ну, зачем вы упорствуете, отрицаете, что по просьбе дяди принесли в кабинет еще одну бутылку водки, а?

— А я и не приносил бутылку, — прошептал официант.

— У нас на этот счет есть свидетельства двух человек, один из которых был абсолютно трезв, — отрубил Бурцев. — И еще. Дирижер Брюмер — тоже, кстати, совершенно трезвый — показал, что столкнулся с вами возле кабинета, а вы даже это умудряетесь отрицать. Вам не кажется, что это здорово смахивает на детский сад? Итак, вы не хотите давать правдивые показания. Тогда говорить буду я.

Как явствует из ваших показаний, вы весьма честолюбивы и привыкли добиваться успеха в любом начинании. В свое время подавали большие надежды как талантливый фармацевт, но бросили медицину и устроились в клуб к дяде. На конкурсе московских крупье вы заняли первое место, на международном конкурсе официантов — второе. Но вас совсем не устраивала перспектива всю жизнь разносить напитки или крутить рулетку. Вы мечтали поскорее унаследовать этот клуб, пока ваш дядя не влез в большие долги. У вас были наполеоновские планы по возрождению недавней славы «Монреалья».

— Все верно, — заговорил вдруг Сева с горькой иронией. — Только зачем же мне было подсыпать дяде цианистый калий, если он и так уже одной ногой был в могиле? Что я, по-вашему, месяц-другой подождать не мог? Да что я говорю, Господи... Вы просто вынуждаете меня быть циничным!

Бурав с интересом, по-новому взглянул на Севу Егоршина.

— Объясню, — прищурился он. — Вы прекрасно видели, что клуб стремительно разоряется, и дядюшка вот-вот продаст его за бесценок. А вдо-

бавок, вы знали и кое-что еще. Цирроз печени, которым якобы страдал Вениамин Егоршин, — это его собственная выдумка, блеф. Наш судмедэксперт уже определил, что Егоршин был здоров как бык. Его, видимо, забавляло то обстоятельство, что окружающие смотрят на него, как на покойника. Но вам-то он открыл правду, как ближайшему родственнику. И тем самым действительно подписал себе смертный приговор.

— Да, я знал, что дядя здоров, — опустил глаза официант.

— Костя, занеси это в протокол, — тут же среагировал подполковник. — А знали ли вы, что лет тридцать назад ваш дядя завещал все свое имущество некоему Абрамову Евгению Петровичу? И что завещание это не утратило юридической силы?

— Знал, — убитым голосом проговорил Сева. — Но ведь этого Абрамова зарезали, так ведь?

— Так. И вы стали законным наследником.

Официант молчал, глядя куда-то в пространство.

— Единственное, что меня смущает в этом деле, — потерябил нос Бурав, — так это то, что вы совершили убийство столь топорно, при свидетелях. Могли бы и получше подготовиться. Или я чего-то не знаю? Что-то заставило вас поторопиться?

— Я не убивал его, — вновь повторил парень, только на этот раз усталым, обреченным голосом.

— Это вы своей бабушке расскажете на том свете. Только вряд ли она поверит. А судья — тем более. Долганов и Гаврилов показали, что именно вы принесли в кабинет ту злополучную бутылку водки. Брюмер и дядя Миша задержали вас, когда вы, как сумасшедший, выбежали из клуба с ключами от «лексуса» Егоршина. Почему вы хотели скрыться, угнав машину дяди?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос! — сверкнул глазами официант.

— Ваше право, однако, согласитесь, что отсутствие разумного объяснения такому поступку — это еще одна улика против вас.

— Ну и пусть, — пробормотал Сева. — Вы сначала докажите, что у меня имелся цианистый калий. Где я, по-вашему, мог его взять? Он что, в аптеках продается, что ли?

— Ой, не лукавьте, подозреваемый, — ласково ответил подполковник и едва не погладил Севу по голове. — Это уж совсем странные речи из ваших-то уст. Вы же профессиональный фармацевт, для вас изготовить цианистый калий — это все равно, что для меня сыграть на гитаре.

— А вы на гитаре играете, Максим Юрьевич? — удивился Шаравин; но Бурав даже не обернулся в его сторону.

— Ах, как нехорошо, подозреваемый Всеволод Егоршин! — с укором покачал он головой. — Что ж вы такую чудовищную дозу цианида скормили своему любимому дядюшке? Неужто не знали, что для достижения летального исхода достаточно двух-трех кристаллов? Хотя... Видимо, проще изготовить наперсток цианида, чем два кристалла. А вам некого было больше травить. Вот вы и бухнули всю полученную дозу — не пропадать же добру? Да еще, не дай Бог, у вас найдут остатки порошка... Однако вот что странно: вы играли ва-банк, даже разбили нос Брюмеру, но почему-то не применили ваши навыки в каратэ против патрульных. Что за непонятный гуманизм? Вы вполне могли уложить двух ментов до того, как они успели бы вытащить свои пистолеты.

— Я и дирижера не бил, ну, во всяком случае, специально, — упрямо заявил Сева. — Я просто вырывался от него, может, и заехал случайно локтем в лицо. Не помню...

Слушая все эти нелепые оправдания, Бурцев вдруг подумал: а уж не находился ли племянник Егоршина в момент убийства под воздействием наркотиков? Или, чего доброго, под гипнозом? Академику Ардашкину вполне под силу зомбировать человека с неустойчивой психикой. Хотя при чем тут Ардашкин? Он уже три месяца, как мертв...

В эту минуту появился доктор Груздин, и подполковник обратился к нему со словами:

— Серега, надо проверить этого парня на наличие в крови наркотических препаратов. И еще... Нет ли в распоряжении нашей доблестной медицины какого-нибудь хитрого теста на предмет... как бы это выразиться... гипнотической зависимости обследуемого? Ну, короче, нельзя ли как-то установить, не подвержен ли человек мощному воздействию постороннего биоэнергетического поля?

— Макс, такая аппаратура есть только у ФСБ и еще в одном хитром научном институте... Там изучают аномальные явления и их воздействие на человека.

— А у тебя там друзей-приятелей нет? Я имею в виду, в этом институте?

— Найдется один, — нехотя ответил Груздин. — Только одалживаться не люблю. Что, это так для тебя важно?

— Еще как, Серега, еще как...

— Ладно, попробую договориться, — сдался Груздин. — Завтра после рабочего дня можно будет свезти этого парня на обследование. Только, Макс, тут литром водки не отделаешься...

— А, сколько надо, столько и куплю, — отмахнулся Бурав. — Хоть я не такой богач, как Долганов или Гаврилов.

Сева Егоршин безучастно смотрел в одну точку, будто разговор совершенно его не касался. Бурцев изучающим взглядом посмотрел на официанта:

— Слушайте, а, может, вы действительно — того?.. — Он выразительно покрутил пальцем у виска. Сева дернулся, было, но дюжий сержант вдавил его в сиденье стула.

— Уведите, — бросил полицейским Бурцев.

Когда два сержанта, крепко держа Севу с обеих сторон, уже выводили его из помещения, подполковник вдруг крикнул вдогонку:

— Эй, псих! Слушай, а тот бандит, Виктор Егоршин, который вчера сбежал из следственного изолятора, случайно тебе не родственник?

— Брат он мне, — буркнул Сева. — Младший. Они разругались с дядей лет пять назад, и дядя с тех пор его видеть не желал. И Витька связался со шпаной...

— А вы случайно с ним не виделись за минувшие сутки? Или, может, он вам звонил?

— Нет-нет! — поспешно замотал головой официант, и его вывели из кабинета.

— Значит, они все-таки общались, — вполголоса произнес Бурав и с задумчивым видом повернулся к Комару:

Скажи-ка мне, Комар, кто стал бы наследником Вениамина Егоршина, если бы Севу признали убийцей?

— Клуб достался бы этому бандиту Виктору, младшему племяннику Егоршина! — растерянно пробормотал Алексей.

— Вот именно, — поднял вверх указательный палец Бурав. — Совершенно очевидно, что братья очень схожи между собой. И еще — ясно, что Виктор далеко не дурак, коль скоро сумел подготовить и осуществить столь хитроумную, многоходовую комбинацию. Смотри, что он делает. Когда-то Виктор работал в «Монреале», и планировка клуба ему хорошо знакома. Далее. Виктор узнает, что дела у его ненавистного дядюшки совсем плохи — охрана уволена, посетителей практически нет. Осведомлен он и об алкогольных предпочтениях Вениамина Егоршина, и о том, по каким дням дядя собирает своих друзей играть в покер. И Виктор понимает, что наступил наилучший момент, чтобы отомстить дяде, а заодно и стать хозяином «Монреала»... Идем дальше. Он покупает черные брюки, белую рубашку и синий галстук-бабочку — он ведь знает, в каком наряде работает его старший братец. Где-то добывает цианистый калий. Затем прячет это хозяйство в надежном месте и... намеренно попадает в руки полиции. Я пока не знаю, какой срок ему грозит и за что, но, видимо, небольшой — года два, от силы — три. Может, за организацию притона, нанесение телесных повреждений или что-то подобное, несущественное по нашим временам. Я это уточню...

Видимо, в следственном изоляторе, куда поместили Виктора, у него были надежные связи — ведь он наперед был уверен, что ему удастся сбежать, иначе как он мог так точно все распланировать? Облачившись в униформу официанта и прихватив цианид, Виктор вчера вечером проникает в клуб «Монреаль» — возможно, у него сохранились дубликаты ключей от черного хода — еще с тех пор, как он служил в клубе охранником. Он проскальзывает в подсобку бара, берет там бутылку «Смирновки» и начиняет ее цианидом. Досконально зная все клубные закутки, служебные комнаты, кладовки, он без труда прячется в клубе. Дальше — все просто. — Бурав с довольным видом потер руки. — Скорее всего, из убежища, где скрывался Виктор, хорошо просматривалась дверь в кабинет, где засели игроки. Убийца знал, что его брат Сева увлекся игрой на бильярде и не особенно тревожился по поводу того, что может встретиться с ним нос к носу. Как только Брюмер вышел из кабинета, Виктор пошел ему навстречу. Ты видел, какой полумрак царит в коридоре, куда выходит дверь кабинета? Ничего

удивительного, что Брюмер принял Виктора за Севу. Остальное известно.

Однако Комара, похоже, еще одолевали какие-то сомнения:

— Макс, а почему Сева убежал из клуба, пытался угнать машину дяди?

— Вот это, Леша, я и собираюсь выяснить, чтобы поставить точку в этом деле. Думаю, теперь, когда с официанта сняты подозрения в убийстве дяди, он станет разговорчивее, иначе я предъявлю ему обвинение в попытке угона «лексуса».

— Надо еще как-то отыскать этого бандюгу Виктора... — несмело добавил Алексей.

— Уверяю тебя, что искать его не придется. Он сам явится сегодня в милицию с повинной головой, расскается в побеге из следственного изолятора. А может, уже явился... Ну, получит небольшой срок за свои грешки, что с того? Это ведь, как он справедливо полагает, не мешает ему стать законным наследником дяди, то есть владельцем «Монреалья», вместо осужденного за убийство Севы. Зачем же Виктору скрываться от такого богатого наследства? Он, даже будучи за решеткой, может назначить в клуб управляющего. Или, что более вероятно, продать его. Потом выйдет из колонии и заживет припеваючи...

Вернувшись в отдел на Петровку 38, Максим Бурцев первым делом позвонил доктору Груздину и отменил намеченный на вечер «поход» в институт по изучению аномальных явлений. Тестировать Всеволода Егоршина на предмет пребывания того под гипнотическим или иным биоэнергетическим воздействием больше не было никакой необходимости.

— Спасибо, Макс, ты вовремя позвонил, — с облегчением вздохнул Сергей Сергеевич. — Я как раз собирался сейчас договариваться с моим знакомым... А так — и мне одалживаться не надо, и

твои деньги целее будут. Кстати, мы проверили этого парня, официанта, на присутствие в крови наркотиков.

— И что? — без всякого интереса осведомился Бурав. Теперь, когда он, как считал, вычислил настоящего убийцу, уже не имело никакого значения, употребляет Сева «дурь» или нет.

— Чист парень. Уж не знаю, нравится тебе такой результат или нет.

— Разумеется, нравится! — патетически воскликнул подполковник. — Как ты только можешь так говорить...

Затем Бурав связался со службой дежурного по городу и поинтересовался: не сдался ли правосудию бежавший позавчера из следственного изолятора Виктор Егоршин? Оказывается, пока не сдался. «Решил оттянуться напоследок», — подумал подполковник и поинтересовался:

— Что, кстати, ему инкриминируется?

— Немного, Максим Юрьевич, — ответил хорошо знакомый Бураву майор. — Избил проститутку, а та пошла и заявила.

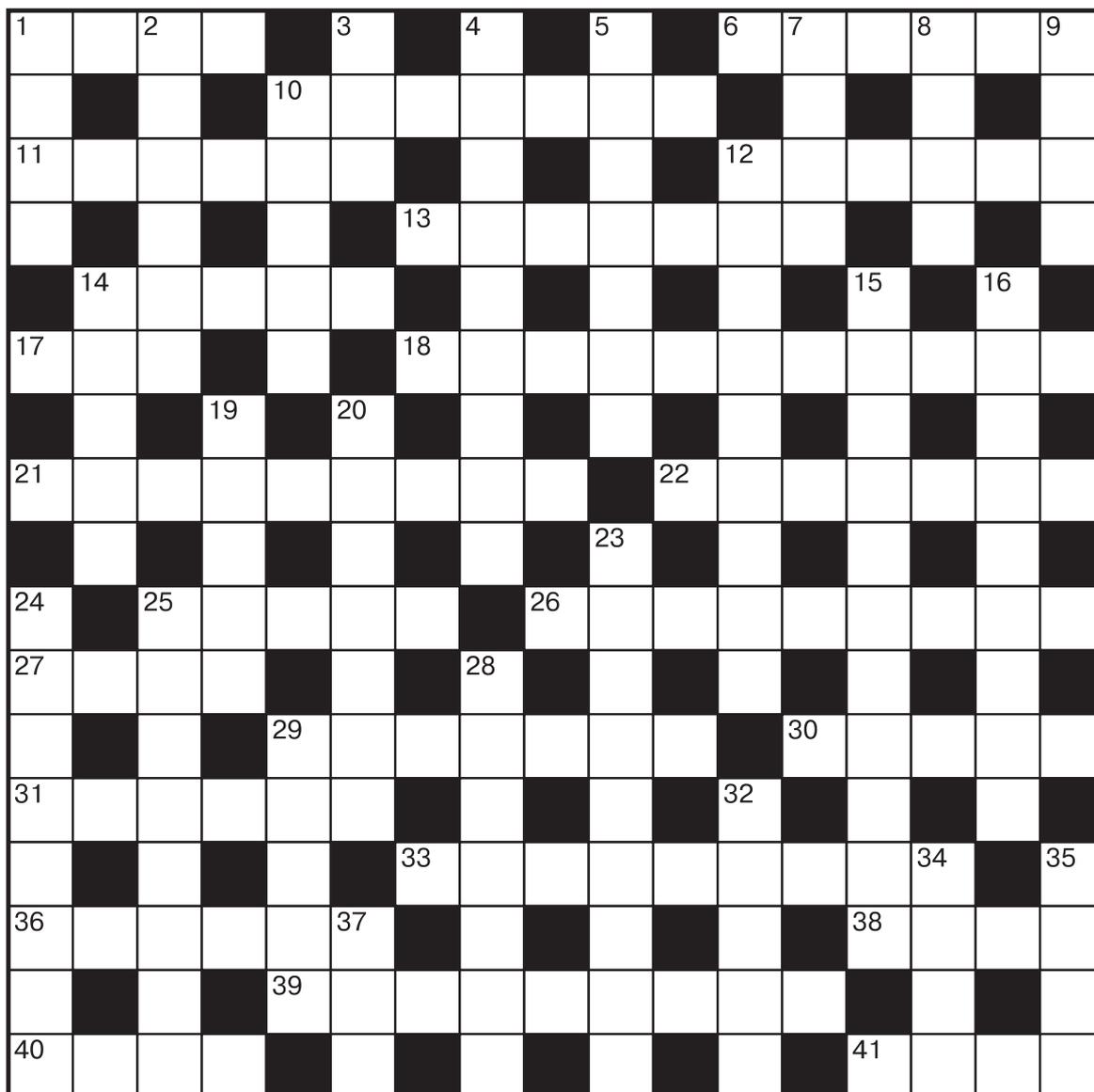
— Спасибо, Валюн. Слышь, как только будут новости о Викторе Егоршине, дай мне знать, лады?

— Лады...

«С этой проституткой у Виктора наверняка был уговор, иначе она ни за что не заявила бы на своего сутенера в полицию», — с уверенностью подумал Бурцев и вызвал из следственного изолятора ГУВД задержанного Всеволода Егоршина. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какой Форест принес «Оскар» Тому Хэнксу? **6.** Главный конкурент арахиса. **10.** Птица с картины «Всюду жизнь» русского художника Николая Ярошенко. **11.** Японский аналог русского «Ура!» **12.** Кто из героев сериала «Семнадцать мгновений весны» «надел колпак» на Штирлица? **13.** «... зовущей тишины под куполом ночи; наши слова освя-

щены страданием свечи». **14.** Цветок с ванильным ароматом. **17.** Глава мафии. **18.** «Антиквариат на колесах». **21.** «Витамин размножения». **22.** Хозяйка свадебного венца, «ставшего» созвездием Северная Корона. **25.** «Будильник со шпорами». **26.** Какой метод более 2000 лет тому назад Асклепад считал «средством от всех болезней»? **27.** Основа воздуха.

29. «Летняя столица» Литвы. **30.** Из-за чего ранним утром 18 мая 1896 года случилась «Ходынская трагедия»? **31.** Русский император Александр I получил от Александра Пушкина прозвище «кочующий ...» **33.** Золотых дел мастер, напечатавший первую книгу в немецком городе Майнце. **36.** По восточным гороскопам ... является самым счастливым знаком. **38.** Какое поле доход экстрасенсам приносит? **39.** Какое заморское слово Лев Толстой заменил на выражение «докторский съезд»? **40.** Сеть «промышленного масштаба». **41.** Какая птица доставляла истинное кулинарное наслаждение Михаилу Паниковскому?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Виночерпий на пирах олимпийских богов. **2.** Два года Эдит Пиаф жила и работала с ним взахлеб, не расставаясь ни на минуту. Но пришел день, когда она просто выставила его за дверь — потому что разлюбила. **3.** Рукопашный ... **4.** Томатное ... выпускали в СССР, а после оно стало очень популярным в Японии. **5.** «Ковбойское

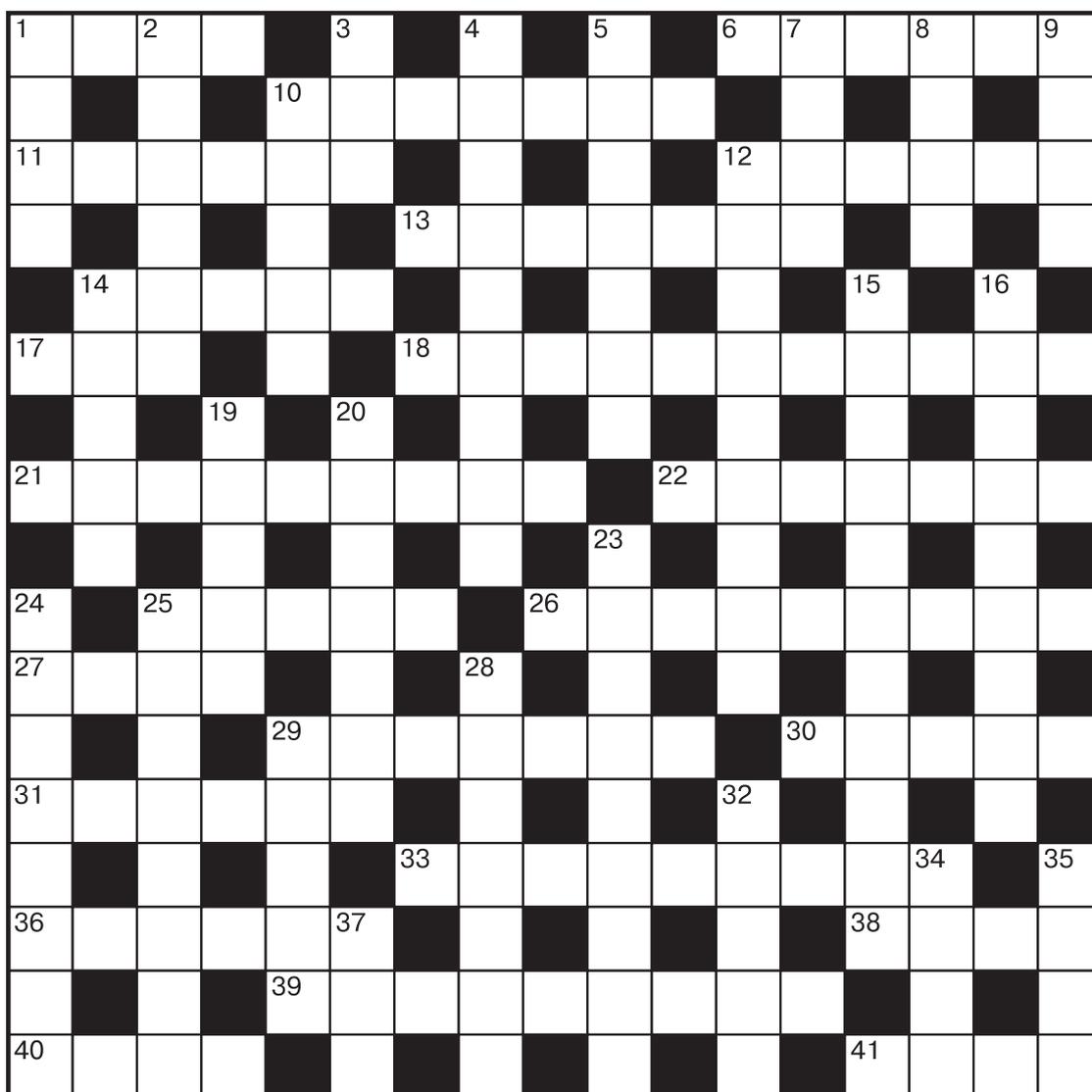
кино». **7.** Какой предмет в старину на Руси заменяла сковорода с тлеющими опилками? **8.** Какие деньги нервируют тем сильнее, чем их больше? **9.** Какую рыбу китайцы начали кушать первой? **10.** Клетчатое печенье. **12.** Какое море Дарданеллы соединяют с Эгейским? **14.** Бельевой секретер. **15.** Какое магическое слово перекочевало в средневековую медицину из античных времен? **16.** «На три вещи можно смотреть бесконечно: на огонь, на воду и как ... паркуется». **19.** «Всякий ... к разуму хорош». **20.** Думский заседатель. **23.** Первый американский переводчик «Божественной комедии» Данте. **24.** Кого выставляют от партии на выборы? **25.** Криминальная западня. **28.** Народ с острова Новая Гвинея, которому приписывают изобретение расчески. **29.** Принцип Бенедикта гласит: «В природе всегда сокрыт тайный ...» **32.** Что не дает бочке потерять форму? **34.** Лидер духа. **35.** «Уступка моде». **37.** Правый предмет с пиктограммы, означающей в США кухню.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Фазан. **9.** Пилатес. **10.** Шмель. **11.** Школа. **12.** Бабочка. **13.** Фронт. **14.** Гринвич. **16.** Палисад. **19.** Морж. **21.** Божоле. **23.** Ермак. **24.** Неделя. **25.** Колосс. **26.** Ангел. **27.** Шкура. **29.** Ясли. **31.** Гандбол. **33.** Гешефт. **34.** Халва. **35.** Твист. **37.** Тундра. **39.** Стекло. **40.** Миллион. **41.** Шлем. **42.** Знайка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Финал. **2.** Саботаж. **3.** Реактив. **5.** Аккорд. **6.** Атлант. **7.** Смерч. **8.** Глина. **13.** Филолог. **14.** Гаприндашвили. **15.** Смена. **16.** Предвкушение. **17.** Рокоссовский. **18.** Шекспир. **20.** Калейдоскоп. **22.** Хлороформ. **28.** Мох. **30.** Ягдташ. **32.** Лантан. **36.** Гора. **38.** Аир.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кто руководил первой советской экспедицией на Эверест? **6.** Князь бурятский, принявший в 1653 году подданство России. **10.** На каком холме близ Афин «великая босоножка» Айседора Дункан мечтала построить себе дом в античном стиле? **11.** Городовой на воровском жаргоне в дореволюционной России. **12.** Жена «двуликого Януса». **13.** «Грешный век» из индуизма. **14.** Ангольский танец с касанием

пупками. **17.** «Король лириков» для Игоря Северянина. **18.** Трехкратная олимпийская чемпионка и первая в истории Финляндии женщина, ставшая знаменосцем сборной страны на ОИ. **21.** Итальянский классик, упомянутый в рассказе «Страшная минута» Александра Куприна. **22.** Певец, чей голос утолял в великом Данте «всякие горести». **25.** В какой горной стране наш путешественник Николай Пржевальский открыл гору Кремль?

26. Аппарат, чтобы водопроводную воду сделать пригодной для питья. **27.** Платок из батика у яванцев. **29.** Шляпа на буковинце. **30.** Хоккей из Шотландии. **31.** Хищная морская рыба, чья чешуя идет на ювелирные украшения. **33.** «Математика» теории вероятностей. **36.** Чьих сорок девять сыновей испепелил Зевс? **38.** «Сопротивляться любви — значит, снабжать ее новым оружием» (французский классик). **39.** Из-за чего Стив Джобс практически не мог читать? **40.** Что в XVIII веке доктора прописывали для предотвращения головокружений, эпилепсии, воспаления глаз, лихорадки и ожогов? **41.** «Хамелеон рок-музыки».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Любимая ищайка Шерлока Холмса. **2.** С кем у Мэрилин Монро был самый длинный брак? **3.** «Один оборот мельничного колеса» у древних русичей. **4.** Японская вендетта. **5.** Поэт Михаил Дудин однажды сказал: «Все войны начинаются с меча». А чем они, с его точки зрения, заканчиваются? **7.** Испанский бурдюк для вина. **8.** Колючая шиншилла. **9.** Особая примета на

шее у Шарон Стоун. **10.** Секретарь при австрийском посольстве, чьи дневники помогли русскому художнику Василию Сурикову при написании картины «Боярыня Морозова». **12.** В какой стране отыскал натуру для фильма «Тихий Дон» наш Сергей Бондарчук? **14.** Какой дьяк стал первым учителем для будущего императора Петра Великого? **15.** Дама с рогом изобилия на древнеримских монетах. **16.** Вязкий чай у перуанцев. **19.** Гребец среднего ряда на античной триреме. **20.** Выдуманный мир из фантастических книг американца Раймонда Фэйста. **23.** Коронная песня из репертуара великого Федора Шаляпина. **24.** Самая ядовитая лягушка в мире, которая охотится на оленей и ягуаров. **25.** «Театральная касса» у древних греков. **28.** Африканская настольная «игра в зерна». **29.** Первый упоминаемый в летописях ... русов на Царьград относится к 860 году. **32.** Кто из Нобелевских лауреатов стоял у истоков химиотерапии? **34.** «Карты познания» для Элифаса Леви. **35.** Маскот Iron Maiden. **37.** Какая из африканских рек дважды замерзала?

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Осетр. **9.** Трельяж. **10.** Точка. **11.** Ласко. **12.** Гастрит. **13.** Барди. **14.** Тирозин. **16.** Чукучак. **19.** Вред. **21.** Сторно. **23.** Хасип. **24.** Синапс. **25.** Космет. **26.** Асико. **27.** Ослоп. **29.** Птуй. **31.** Скамора. **33.** Афидий. **34.** Клафт. **35.** Балун. **37.** Диомед. **39.** Ошибка. **40.** Сириккс. **41.** Шват. **42.** Ситянь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бриар. **2.** «Флитвуд». **3.** Пятигуз. **5.** Старик. **6.** Токаор. **7.** Роган. **8.** Акеда. **13.** Биотрон. **14.** Талассократия. **15.** Хвост. **16.** Черносвитова. **17.** Хрематофобия. **18.** Бобтейл. **20.** Циркумпункт. **22.** Иппогинес. **28.** Орк. **30.** Чардаш. **32.** Алешки. **36.** Юань. **38.** Дин.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2014 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2014 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс Ю9406 — только для подписчиков Республики Крым и г. Севастополя. Оформление подписки в том числе и через Специальный выпуск подписного каталога. Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

«Вряд ли найдется мало-мальски образованный человек, которому не была бы знакома фамилия Фаберже. А уж книг и фильмов о династии Фаберже не меньше, чем самих изделий фирмы. Эти изделия отличались не столько ценой, сколько изысканностью и тонким вкусом. Не зря же до сих пор любая вещь с клеймом Фаберже пользуется огромным спросом на аукционах во всем мире.

Светлана **Бестужева-Лада**
«Блистательная династия»

«Другой такой женщины в Испании не было. Рожденная на ступенях трона, но очень рано осиротевшая, отвергнувшая брачные предложения всех европейских дворов и сама избравшая себе супруга, с одинаковым изяществом носившая и парадные королевские платья, и воинские доспехи, мать пятерых детей, королева Кастилии и Арагона Изабелла была поистине уникальна.

Денис **Логинов** «Изабелла Кастильская»

«В годы Первой мировой войны воюющее человечество освоило еще одну стихию, в которой надеялось одерживать решающие победы, — подводное пространство. Кто из полководцев не мечтал наносить грозные удары, оставаясь незамеченным для противника, а значит, и неуязвимым? Так на заре XX века в истории войн появилось практически невидимое оружие — подводные лодки. Были они на вооружении и у русского флота, офицеры-подводники совершили немало героических дел, отважно сражаясь под водой в Первую мировую.

Николай **Черкашин** «Атакуют русские подводники»

«Ни в одной статье об Аркадии Аверченко и даже в биографической книге, выпущенной в серии ЖЗЛ, вы не найдете объяснения, каким образом провинциальный журналист и начинающий провинциальный писатель, приехавший в Петербург из Харькова, сразу же возглавил новый журнал «Сатирикон» и буквально на глазах сделал его одним из самых популярных изданий в России, который оставил глубокий след в русской сатирической литературе, открыв такие имена, как А. Бухов, О. Дымов, Г. Ландау, Тэффи, Саша Черный и другие.

Рафаэль **Соколовский** «Щитом» и «Мечом»

«Окончание детектива Александра **Аннина** «Клуб “Монреаль”»